

Владимир Гофман

ДОМ-КОРАБЛЬ

Рассказы
детям о взрослых
и взрослым о детях

Нижний Новгород
2006

СОДЕРЖАНИЕ

Дом-корабль	
Вовкина елка	4
Васильки во ржи на краю поля	8
No pasaran, моряк!	16
Шарик	24
Прорубь	29
Как Шурка на первую парту попал	34
Раечка	40
Свет несказанный	
Утренник	44
Избушка	46
«Ванька-ключник»	48
«Наслещики»	51
Животворящий крест	54
Царь-цветок	60
Ягодная пора	69
На том на дальнем берегу	
Лодка	77
Высокая грива	82
У костра	86
Буря	91
Золотой линь Сани Найдина	96
Город на заре	100
Я, Витек и Дик Сенд	103
За окунями	112

*Там может быть своё время, отличное
от нашего...*

*Если вы туда вернётесь, то, скорее
всего тогда, когда меньше всего будете об
этом думать...*

Клайв Стейплз Льюис.
Хроники Нарнии

Детский дом «Василёк» — как корабль посреди белого моря. Особенно ночью — или звёзды висят мохнатые, крупные, или выюга заметает, а он плывёт, сверкая окнами, неведомо куда посреди снежного поля, которому нет, кажется, ни конца, ни края. Плывёт-то плывёт, да из Заветлужья куда выплывешь?

Команда на корабле весёлая — мальчишки и девчонки от пяти до семнадцати лет. Живут дружно, одной семьёй на то и команда, без дружбы в море нельзя. Так капитан говорит — завхоз дядя Женья. Ну, бывает, конечно, и девчонки поплачут, и мальчишки подерутся, но и без этого тоже нельзя — жизнь, она и на борту жизнь.

Если капитаном на корабле дядя Женья, то штурманом, без всякого сомнения, Вовка Терёшкин. Правда, пока он только сам так считает, но старается и другим доказать, кто первый помощник у капитана. Потому Вовка, благо, в школу ему пока ходить не надо, всегда рядом с дядей Женей. И тот его привечает — сдружились эти двое, большой да маленький.

Вовке шесть лет. Он крепенький, юркий, лицо круглое, всегда краснощёкий и неунывающий, как и положено быть штурману. Вовке, что ни скажут воспитатели, а особенно дядя Женья, он всё и всегда выполняет с охотой и добросовестно, будто ему и труда никакого не составляет. Другие из команды, бывает, артачатся — то не так, да это не эдак, а Вовка нет — надо значит надо — и делает. Мальчишки постарше, конечно, такой его чертой пользовались час-

тенько — многое он за них делал, но как-то без обиды, словно и не замечая, что это не его работа. Такой уж он был — штурман Вовка Терёшкин.

Новый год подкатил незаметно — казалось, недавно в школу пошли, а тут — бац! — и уж декабрь на исходе. Это значит, пора о главной мачте для корабля позаботиться. Вовка так и сказал капитану:

— Дядь Жень, надо за ёлкой ехать.

Дядя Женя даже руками всплеснул:

— Точно, Вовка, а у меня из головы вон! Ладно, ты подсказал вовремя, а то бы остались без ёлки.

Вовка гордо задрал подбородок:

— То-то. Помнить надо, Новый год никак!

Бедняга Вовка, он совсем забыл, что малышей в лес за ёлкой никогда не брали, с дядей Женей ездили ребята постарше. Когда дошло дело до сборов в лес, и двое мальчишек уже хвастали, что поедут за ёлкой с завхозом, Вовка приуныл. Но ненадолго. Придя с улицы, где он отчаянно катался с ледяной горы на санках, Вовка обмёл веником снег на валенках, сбросил пальто и шапку, потёр свои красные щёки и твёрдой поступью отправился к дяде Жене.

Капитан что-то строгал в столярной мастерской.

— Это как же, — сказал с порога Вовка, — это как же получается?

Дядя Женя посмотрел на него из-под очков:

— Что?

— Я про ёлку вспомнил, а в лес, значит, без меня?

— Ну-у, Владимир, — дядя Женя положил рубанок на верстак, — я от тебя не ожидал!

— Чего? — захлопал глазами Вовка.

— Ты же знаешь порядок — за ёлкой со мной всегда ездят старшеклассники.

— Ну, так что, пусть ездят. И меня возьмите. Если бы не я, вы бы все без ёлки остались!

Кто-то заглянул в мастерскую, но дядя Женя махнул рукой. Посмотрел на Вовку, усмехнулся:

— Непременно бы остались.

— Ну вот. Значит, надо мне ехать... А то еще и ёлку без меня неправильную выберете, кривую какую-нибудь, некрасивую.

— Погляди-ка тут за инструментом, — сказал дядя Женя и пошёл к директору.

Вовка уселся на стул рядом с верстаком и стал ждать. Ждать пришлось долго, Вовка даже задремал маленько, но тут вернулся дядя Женя.

— Такие дела, — сказал он, — поедешь, моряк, с нами за ёлкой. Собирайся.

Громко сопя от радости, Вовка пошёл к старшеклассникам и гордо заявил:

— Вот так вот, пацаны, я с вами в лес еду!

Старшеклассники презрительно посмотрели на штурмана:

— Мелкота! Смотри не потеряйся в лесу-то. Там волков видимо-невидимо.

Волки, действительно, в лесу были. Говорят, они приходили даже в соседнюю деревню и разорвали собаку. Но Вовке сегодня всё было нипочём. Он знал, что в лесу видимо-невидимо зайцев, а не волков. А с дядей Женей вообще не страшно, потому что дядя Женя был сначала моряком, а потом охотником, для него что море, что лес, как своя ладонь. Он вообще ничего не боится, и Вовка, сколько себя помнил, а помнил он себя давно, всегда хотел быть похожим на него.

— Если вам страшно, — сказал он с достоинством старшеклассникам, — то оставайтесь дома, ёлку мы с дядей Женей и без вас выберем.

Сборы были недолгими, и вскоре вся команда во главе с капитаном отправилась на детдомовской «Газели» в путь.

За декабрь снегу навалило много. Вдоль расчищенной трактором дороги громоздились высоченные скаты, и Вовка мечтал, глядя в окно, как хорошо было бы полазить по этим снежным горам. Пока он мечтал, дорога пошла лесом; по обеим сторонам её стояли островерхие ели, так густо заснеженные, что и зелени-то почти не было видно.

— Вот тут и будем выбирать, — сказал дядя Женя и заглушил мотор.

Было тихо и солнечно. Где-то вдалеке стучал по стволу дятел. По обочинам дороги петляли заячьи следы.

Выскочив из машины, Вовка зажмурился от яркого солнца и даже прижал к глазам руки. Дядя Женя сунул за ремень топор и закурил:

— Давайте, братцы, выбирайте ёлочку.

Все трое мальчишек стали бегать вдоль дороги и высматривать подходящее дерево. Предлагали разные, но дядя Женя отрицательно качал головой.

Повезло, конечно, Вовке. Забежав по дороге дальше всех, он увидел по правую руку ёлку, всю в снегу и в солнце. Вовка сразу понял, что это — она.

— Вон, — крикнул он, — вон смотрите! Дядя Женя, вон какая ёлка! Как раз, что нам надо.

И все почему-то сразу согласились. Даже старшеклассники не спорили.

Теперь предстояло пробраться к ёлке. Снегу было дяде Жене по пояс, а Вовке и вовсе по макушку. Пока решали, как идти, Вовка, недолго думая, прыгнул в сугроб и... поплыл. Он и впрямь плыл, снег держал его лёгкое тело, а Вовка, загребая руками и толкаясь ногами, быстро продвигался к намеченной цели.

Лесная тишина огласилась хохотом наблюдавших.

— Ведь плывет, гляди-ка, плывет! — сквозь смех говорил дядя Женя, указывая рукавицей на Вовку. — Ну, точно, быть тебе, парень, моряком!

Потом все пробрались к ёлке, обтоптали вокруг неё снег, и дядя Женя аккуратно и умело срубил ее почти под корень.

— Ты уж прости нас, матушка! — тихо сказал он.

— Что она, живая что ли? — удивился Вовка.

— А то как же. Всё кругом живое.

Вовка удивился ещё больше, но думать об этом было некогда.

Так же аккуратно, чтобы не поломать сучья, ёлку затащили в грузовой отсек машины. И поехали обратно.

У ворот детского дома их встречала гурьба мальчишек и девчонок — все с нетерпением ждали ёлку.

— Привезли? Привезли? — кричали все наперебой.

— Привезли, а то как же, — солидно ответил Вовка, спускаясь из кабины на землю.

Ёлка была вся в снегу, большая и кудрявая. Мальчишки подхватили её за нижние крепкие ветви и потащили к дому.

— В дверях аккуратней, — крикнул им вслед дядя Женья, — не поломайте ветки!

Вовка побежал следом. Но пока он бежал, ёлку старшие уже затащили в дом. Крыльцо всё было засыпано снегом, иголками и мелкими обломками веток. Не успел Вовка ухватиться за высоко прибитую дверную ручку, как дверь открылась, и в проёме показалась голова одного из старшеклассников.

— Вовка, — хитро улыбаясь, сказал он, — тебе поручили убирать крыльцо!

— Кто это поручил? — обиженно ответил Вовка, которому страх как хотелось вместе со всеми устанавливать ёлку на крестовину.

— Кто поручил, тот знает! Так что, давай, драй палубу! — хихикнул старшеклассник и закрыл дверь.

«Ну уж нет, — подумал Вовка, — не может такого быть, кто это поручил так скоро?». Но тут перед ним вырос дядя Женья.

— Ладно, моряк, — мирно сказал он, — подмети крыльцо и приходи.

Приказ капитана для штурмана закон. Дядя Женья вынес Вовке швабру и сказал:

— Ты успеешь. Отдрай, сынок, эту палубу как следует.

Чуть не плача, впервые без всякой охоты, Вовка взял швабру, которая была выше его на голову, и стал выметать морозные доски крыльца. Ему представлялось, как там, в доме, все крутятся вокруг ёлки, как дядя Женья устанавливает крестовину, а в зале пахнет хвоей, и снег, оттаивая, стекает с веток на пол холодными лужицами.

Вовка, как обычно, сделал все добросовестно — вымел крыльцо, убрал в мусорный бак иголки, ещё раз подмел. Потом он поставил в угол швабру, посмотрел на неё и сердито сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот погодите, вырасту выше швабры, покажу вам, вы у меня палубу подраите!

Из-за тучки выглянул узкий месяц, но Вовка его уже не видел, он мчался, забыв обиды, в зал к своей ёлке.

Васильки во ржи на краю поля

— Ну что, — сказал дядя Женья, положив свою тяжёлую руку на Вовкино плечо, — на рыбалку поедем?

Вовка задохнулся от радости.

— А Витька возьмём?

— Возьмём твоего Витька, — ответил дядя Женья и легонько стукнул Вовку по затылку. — Собирайтесь, после обеда – вперёд и с песней.

— На озеро?

— Нет. Ко мне домой, на реку. С вечера все приготовим, а на зорьке и отправимся. Лады?

— Лады! — крикнул уже на бегу Вовка и понёсся на поиски дружка.

На улице светило неяркое сентябрьское солнце. Лишь кое-где на деревьях проблескивали жёлтые листья – осень в этом году явно не торопилась, радовала «васильков» хорошей погодой. На площадке, где были устроены клумбы, копошились девчонки, пересаживая цветы. Вовка на ходу успел дёрнуть за косичку Алёнку, пользуясь тем, что руки у неё были заняты большим букетом только что нарезанных георгинов, и она не могла дать ему сдачи.

— Вовка – дурак! — моментально среагировала Алёнка и показала Вовке язык. Но он даже не остановился, на всех парах бежал к мастерским, где, по его разумению, должен был находиться Витёк.

Витёк обрадовался сообщению не меньше приятеля, но как человек практичный сразу задал резонный вопрос:

— А нас отпустят?

— Ну! С дядей Женей-то! А то не отпустят!

— Так. А удочки?

— Что — удочки?

— Удочек-то у нас своих нету. Сам знаешь, пацаны не дадут, и так от зависти позеленеют, когда узнают, что мы с дядей Женей едем.

Вовка пригорюнился.

— Это точно, — сказал задумчиво он. — Ладно. Пойду у дяди Жени спрошу.

И он снова умчался, припрыгивая и умудряясь на бегу почесать левой рукой правую лопатку.

— Дядю Женю не видали? — крикнул он девчонкам на клумбе.

— Нет, — ответила одна из них, а злопамятная Алёнка опять обозвала Вовку дураком и высунула свой длинный язык.

— погоди у меня! — мстительно сказал Вовка и погрозил ей кулаком.

— На кухню он пошел, Володя, — разгибаясь и держась за спину, проговорила воспитательница Нина Васильевна. — Погляди там.

«За прикормкой, наверно», — подумал Вовка. Мальчишки, собираясь на рыбалку, всегда выпрашивали остатки еды у поварихи Валентины Петровны. Та ворчала, что рыбы у них едят больше, чем поросята и, вообще, вся детдомовская живность вместе взятая, но всё же отваливала рыбакам с полведёрка каши или макарон.

— Чай, не оголодают поросята, а? — смеялась она. Но, чур, уговор — ловите много рыбы, чтобы на всех хватило, а не одним кошкам!

Много мальчишки никогда не ловили, оно и понятно — какая рыба на озере, так — карасишки с палец да ротаны, пожиратели всего живого. Поэтому уловом их кормились, действительно, три детдомовских кошки, да еще доставалось любимцу всех — псу Шарику. Зато дядя Женя, тот, да, притаскивал рыбы на весь «Василёк». Особенно по осени — и крупных пятнистых щук с хищными челюстями; подставь только палец — и мёртвая так ухватит, что без крови не вытащишь, и серо-зелёных судаков, застывших и похожих на осиновые чурки, а бывало и красавца белочешуйного жереха принесёт. Правда, повариха Валентина Петровна всё равно как бы недовольно ворчала, дескать, кто этих чудищ чистить будет? Но это уж она так, для порядка. Еду же готовила из рыбы наивкуснейшую, а на большие праздники под настроение щук даже фаршировала. Это было объедение! А заливное из судака? А уха тройная?.. Да, ничего не скажешь, умела Валентина Петровна порадовать детдомовцев — и больших, и маленьких — своим кулинарным искусством.

И дяде Жене, видно было по выражению его лица, доставляло удовольствие приносить свой улов «василькам».

— Куда мне одному-то? — говорил он, вываливая на пол кухни из мешка рыбу, словно поленья.

— Ты, чай, сетки, Евгений, ставишь? — спрашивал завхоза шофёр Сергей Сергеич, сам большой любитель порыбачить.

— Вот уж нет, — обижался дядя Женя. — Никогда сетями не ловил и не буду. На мой век рыбы в реке хватит, чтобы её нормальной снастью брать. Удочка ведь она что — сноровки требует да терпения. С удочкой рыбу победить надо, понимаешь? Сначала хитростью взять, а потом умением.

— Ну, и сетка не для дураков придумана, — возражал Сергей Сергеич.

— Не спорю, тоже снасть. Но это больше промысел, а не охота.

Мальчишки слушали такие разговоры, затаив дыхание. Конечно, они держали сторону дяди Жени, хотя повыбирать из сетки запутавшихся рыб не отказались бы. Вон бредешком, например, — пройдёшь вдоль песчаной отмели на озере карасей-то! Только успевай выпутывать из ячеи. А попробуй-ка, поймай их на удочку? Держи карман шире! И не клюнет даже. Был у «васильков», что постарше, бредешок невеликий припрятан, так что хаживали они с ним по озеру в летние вечера.

И не только мелочь попадалась, залетали экземпляры и покрупней — этак грамм на семьсот.

— И где же ты ловишь? — продолжал пытаться завхоз Сергей Сергеич, которому, как все знали, на рыбалке не очень-то везло.

— В реке, — отвечал тот, хитро улыбаясь.

— Ладно, в реке! Что-то я там таких судаков не видывал.

— Э-э, друг сердечный, тут ведь слово надо заветное знать.

— И что это за слово?

— Ну, слово не слово, а заговор рыбацкий.

Сергей Сергеич придвинулся поближе.

— Скажешь мне? — всерьёз спросил он.

— Скажу по дружбе, — в тон ему, понизив голос, ответил дядя Женя.

— Ну?

— Вот слушай да на ус мотай. Как поймаешь первую рыбку — не важно, большую или маленькую, маленькую даже лучше — зажми её вот таким макаром в руку и говори такие слова: «Ловись, рыбка, не переловись...» Запомнил? А сам в глаза смотри...

— Кому?

— Как — кому? Рыбе! Потом не жалеи, брось её в воду и скажи: ключ-замок Нептуну под бок! И плюнь подальше.

Шофёр подозрительно посмотрел на дядю Женю.

— При чём тут Нептун?

— Царь морской, не знаешь, что ли? — не выдержав, завхоз расхохотался, а за ним и все собравшиеся.

— Тьфу, придурок! — обиделся Сергей Сергеич. — Я было поверил.

— Ага, тебе ещё и рецепт прикормки дай, раскатил губу!..

Дядя Женя, действительно, был на кухне. Его голос раздавался из-за двери, когда Вовка подошёл ближе.

— А что я не знаю-то, что? Скажи, если ты знаешь! — горячо говорил завхоз, и глуховатый голос поварихи отвечал:

— Да вот хотя бы – родители-то кто у него?

— А мне какое дело? Нету никаких родителей и всё тут! Бросили они мальчишку.

Вовка замер и наострил уши.

— Ну-у, милай, — протяжно сказала Валентина Петровна, — тут, поди, все брошенные. Не в том дело.

— А в чём?

— А в том, что алкаши были у него родители — и мать, и батька. Я их знала...

— Так что?

— А знаешь что ли, каким они его наследством наградили? Мальчонка вон хилый и не растёт, вроде.

— Ничего он не хилый, — возразил дядя Женья. — Парень как парень. Я тоже в его возрасте метр с кепкой был.

— Ты и сейчас немного больше, — сказала насмешливо повариха.

— Ну-ну! У меня ведь найдется, что ответить.

— Ладно, шучу я. А знаешь, как он родился-то? — вернулась к теме Валентина Петровна.

— Уж как дети рождаются я, надеюсь, знаю.

— Знаешь, да не всё. Мать его пьяная родила. И не просто пьяная, а вдребезги. Без памяти валялась на полу и родила, не заметила даже.

— Неужто так бывает? — удивленный голос дяди Жени почему-то резанул Вовку по сердцу.

— Бывает, значит. Ладно, соседка зашла в дом, тоже, между прочим, лыка не вязала, но увидела всё-таки, что роды случились, людей позвала.

— Эх, водка-водка, всю Россию губит!

Слышно было, как дядя Женья вздохнул.

— Чаю налить? — спросила Валентина Петровна.

Дядя Женья ничего не ответил, и на какое-то время наступило молчание. Вовке стало стыдно, что он подслушивает под дверью, и он пошёл на цыпочках к выходу, когда снова раздался голос завхоза:

— Ладно, Валентина. Чего только не бывает на свете. Мне вон в городе детский врач рассказывала случай. Родители оба спортсмены-пловцы, а ребёнок у них родился – сплошной букет болезней, начиная с двойного порока сердца. С чего бы это, а?

— Божья воля, — ответила Валентина Петровна.

— Оно, конечно, воля Божья. Так ведь что ещё – смотрит эта мама на врача и говорит: «И что я с «этим» буду делать?». А сама на младенца показывает.

— Не взяла? — охнула повариха.

— Во время операции умер, — ответил дядя Женья. — А если бы и не умер, я думаю, не взяла бы. Вот тебе – и не пьяница, в достатке, небось, живёт. Так-то. А врачиха мне тогда ещё одну историю рассказала. Совсем другого плана. Там родила женщина, что называется «ни мышонка, ни лягушку, а неведому зве-

рушку». Мальчик ли девочка – и то не могли определить. И что ты думаешь? Повезла по специалистам, продала квартиру, операции там, лечение всякое, молитва материнская да забота – и выходили малыша, растёт себе человек человеком. А всё – мать. Без её сердца – куда? Никуда. Нет человека.

— Так и я тебе про то же говорю, — загремела посудой Валентина Петровна.

— Ну и ладно, поговорили, значит. — Дядя Женя закашлялся. — Жизнь-то, Валентина, продолжается. Так, что ли? Поживём ещё, посмотрим да порадуемся. Ну-ка, насыпь нам прикормочки... Да не жалей, не жалей. Не отощат твои поросята!

Вовка открыл дверь и, будто ничего не слышал, спросил:

— Дядь Жень, а удочек-то у нас с Витьком своих нету, чё делать?

— Найду я вам удочки, не беспокойся, моряк.

После обеда на стареньком дяди Женином УАЗике они выехали за ворота детского дома.

— Собственно, дело такое, — говорил дядя Женя, держа одной рукой баранку, а другой ловко прикуривая, — прикормка нам не очень-то и нужна. Смотря, конечно, что ловить настроимся – если леща с язем, то без неё не обойтись, а если хищника – окуня, судака или щуку – так не надо и кормить его.

— Хищника лучше, — сказал Вовка, вспоминая дяди Женины уловы.

Витёк молча кивнул.

Дядя Женя выдул дым за окно кабины. В машине вкусно пахло табаком и немного бензином.

— Хищника-то оно, конечно, заманчивей. Но снастей у меня на троих не будет. Давайте так: завтра идём на леща, а к следующему разу я ещё пару спиннингов налажу. Принимается?

Вовка с Витьком всему были рады – на леща так на леща, тоже рыба не слабая. На том и порешили.

Дом завхоза стоял так, точно его специально для рыбака строили: с одной стороны озерцо, с другой – за нешироким пустырьём, поросшим низкорослым кустарником – длинный извилистый залив, по обоим берегам березы прямо к воде клонятся да ольха сережками сорит, а если пройти чуть вперёд на восток, так прямо на Ветлуге окажешься. За домом, жёлтое, как блин, лежало поле. Летом тут рожь росла, а теперь её сжали, и только с краю, по меже, оставались редкие высохшие стебли, среди которых то тут, то там синели головки васильков.

Дядя Женя провел мальчишек вдоль запущенного огорода к бане.

— Как, моряки, баньку истопим?

— А как же, — солидно ответил Вовка и сорвал с ветки запоздалую, совсем уже чёрную вишню, обклеванную с одной стороны птицами.

— Тогда таскайте дрова, — сказал дядя Женя, — а я воды нанашу.

— Васильков-то сколько! — кивнул головой на поле Витёк. — Можно букеты нарвать и продавать у большой дороги.

— Да... — задумчиво проговорил дядя Женья. — Васильки... Я люблю васильки. Крепкий цветок.

— Учительница говорила, что василёк – сорняк, — заметил Витёк.

— Ну так что? — дядя Женья пожал плечами. — Мало ли как наука определяет, у неё задача такая. Сорняк, значит, сорняк. Зато красота вон – кругом желтизна, а он – синий!.. А тебе не нравится?

Витёк не ответил, а Вовка сказал:

— В природе всё нужно, – и сорняки, и всякие там мыши и лягушки. Даже змеи... Вот только для чего?

— Для равновесия, — засмеялся дядя Женья и пошёл вдоль грядок, погромыхая вёдрами.

Когда из трубы бани заструился дымок, Вовка с Витьком пошли копать червей, а дядя Женья готовил ужин – макароны по-флотски. После ужина они мылись в бане, где было так жарко, что Вовке казалось – сейчас уши бантиком завернутся. Но уши выдерживали, а дядя Женья хлестал мальчишек берёзовым веником и обливал холодной водой.

— Закаляйтесь! Моряки вы или салаги? — прикрикивал он.

— М-моряки! — придушенно говорил Вовка, а Витёк уже ничего не говорил, он только лежал на полке и тихонько постанывал.

Потом они пили чай со смородиновым листом и перебирали удочки. Дядя Женья дал мальчишкам по настоящему «телескопу» – пятиметровка с кольцами и катушкой! Таких, конечно, в детдоме не было. Он ещё научил их вязать крючки узлом «в петлю», самый прочный для крючка узел.

— Хоть с ушком крючок будет, хоть с лопаточкой – этот узел не подведёт! — говорил дядя Женья, ловко прихватывая в петле свободный конец лески зубами. — Вот так!

Чуть только начало светать, как дядя Женья разбудил друзей, сладко спящих на одной широкой кровати. Они наскоро собрались, выпили по стакану чая и, прихватив снасти, пошли по узкой тропинке к заливу. Было тихо и холодно, ладно ещё мальчишки послушались дядю Женью и надели резиновые сапоги, а то сейчас уже насквозь бы промокли от густой росы, выпавшей за ночь на кусты и высокую ещё, не по-осеннему сочную и упругую траву.

Вода в заливе была чёрной и неподвижной. Над ней местами висели лохмотья тумана. «Холодно, наверно, рыбам-то», — подумал Вовка и зябко передёрнул плечами. Вдоль берега по глинистой отмели торчали рогульки.

— Вот оно, моё местечко заветное, — тихо сказал дядя Женья, раскладывая на траве удочки, прикормку в полиэтиленовом пакете и ведёрко с червями. — Только не шуметь. Ходить зря не надо и болтать тоже.

— Кто тут водится? — деловито спросил Витёк.

— Молчи, сказали! — прошептал Вовка и засопел, разматывая свою снасть. Витёк стерпел и ничего не ответил.

Закинули удочки. Красные поплавки солдатиками встали на спокойной воде. Дядя Женья налепил из прикормки с десяток шаров величиной с яблоко и

разбросал их около поплавков. Шары с плюханьем падали в воду и тонули, оставляя за собой струйку белой мути.

— А сам говоришь — не шуметь! — сказал Вовка, внимательно наблюдая за действиями завхоза.

Дядя Женья поднял указательный палец:

— Вот теперь — ждём!

Клёв начался минут через пятнадцать. Один из поплавков на дяди Жениных удочках вдруг приподнялся и утонул. Вовке показалось, что поплавок нет уже целую вечность.

— Подсекай! — прошептал он и тут краем глаза заметил, как его поплавок пополз в сторону и тоже скрылся под водой.

Руки сами ухватились за удилище и рванули его вверх. Но тяжести на крючке не оказалось — вся снасть по инерции полетела в небо. А дядя Женья тем временем выводил рыбину на отмель.

— Сошла! — огорчённо сказал Вовка Витьку. — Ты видел, как взяла-то, видел?

— А ты не спеши, — дядя Женья медленно вытащил на берег глотнувшую воздуха, замершую рыбину. — На рыбалке спешить никогда не надо... Язь, — определил он, опуская рыбу в садок. Но мальчишки уже не слышали, потому что тащил Витёк — удилище его согнулось в дугу, а натянувшаяся леска издавала не то свист, не то звон, готовая вот-вот лопнуть.

— Тихо, тихо, — шёпотом говорил подошедший с подсачком в руках дядя Женья. — Не торопись, его утомить надо...

Наконец рыба показалась на поверхности, блеснула белым боком и с новой силой устремилась в глубину.

— Не удержу! — выдохнул Витёк.

Вовкино сердце билось где-то уже выше горла.

— Слабины не давай! — дядя Женья бросил подсачек и перехватил удилище из рук Витька. — Ну-ка, я сам!..

Держа удилище вертикально в правой руке, дядя Женья подхватил левой подсачек и потащил рыбину к берегу. Она, видимо, сразу почувствовала более сильного противника и послушно пошла навстречу. Ещё одна попытка уйти в сторону, к траве — но уже поздно, крупный темноспинный язь замер, прогнувшись на подъёме под своей тяжестью в кольце подсачка.

— Вот это да! — восхищенно прошептал Витёк. — Вот это язище!

— Солидный экземпляр, — ответил дядя Женья и ухватил язя под жабры. — Такие тут водятся — килограмма полтора потянет.

— Больше, — сказал Вовка. — Килограмма три!

— Истинный рыбак! — усмехнулся завхоз и пошёл к своим удочкам, унося в садок побеждённого язя.

Потом они поймали ещё несколько хороших рыб, варили уху здесь же на берегу и хлебали её, обжигаясь, прямо из котелка деревянными ложками.

Все самое интересное всегда быстро кончается, и пора уже было возвращаться в детский дом.

— Обещали в обед, значит, будем в обед – слово держать надо, — сказал дядя Женья. Мальчишкам страшно не хотелось уезжать, но они не возражали, знали, что для моряка слово – закон, а дядя Женья был моряком на все сто, и сами они мечтали стать морскими волками.

Пока дядя Женья складывал вещи в машину, Вовка с Витьком подбирали опавшие яблоки в большую корзину – гостинец «василькам». По небу тянулись низкие тяжёлые облака, но дождя не было. Вдруг над полем появился журавлиный клин. Молча и сосредоточенно птицы летели на юг, за Ветлугу, в дальние страны. Задрав головы, мальчишки стояли и смотрели в небо. Наконец раздалось печальное курлыканье.

— Неохота улетать-то, — сказал Витёк.

— Тут у них дом, — ответил Вовка. — Журавлёнки, небось, вывелись.

— Они вместе летят, — сказал подошедший сзади дядя Женья. — За лето взрослые птенцов летать выучили, теперь за море повели. Всему научат пока вместе.

Все замолчали. Журавлиный клин скрылся из виду.

— Ну, по коням, пора! — дядя Женья взял корзину с яблоками.

Вовка стоял, поджав губы, глядел в поле.

— Чего ты, пошли, — окликнул его дядя Женья.

Вовка оглянулся.

— Васильки вон... — тихо сказал он.

— Что — васильки?

— Ну, это... тоже...

Дядя Женья поставил корзину на землю. Помолчав, сказал:

— А ты нарви цветов-то. По одному, вишь, они одинокие, а вместе — букет, красота!

Вовка шмыгнул носом и, ничего не ответив, пошел собирать букет.

— Здорово, — поддержал завхоза Витёк и тоже стал рвать васильки, — их, как ландыши, продать у дороги можно!

А Вовка подумал, что хорошо бы подарить такой букет Алёнке, может, язык показывать перестанет. А что – ей бы пошло, глаза-то у нее такие же синие, как эти васильки! Но он, конечно, вслух этого не сказал.

No pasaran, моряк!

Директор детского дома «Василёк» Анна Сергеевна положила телефонную трубку, вздохнула и посмотрела в окно. По дворовой площадке ветер гонял последние сорванные с тополя листья, уже не жёлтые, а бурые и сухие. Даже через стекло было слышно, как они шуршат по асфальту. В кабинете горела настольная лампа, но, несмотря на полумрак, большой свет зажигать почему-то не хотелось. В углу на диване сидела воспитатель Нина Васильевна и что-то вязала.

— Ну, что? — спросила она.

— Часа через два-три, сказали подъедут, — ответила Анна Сергеевна и посмотрела на телефон. — Пора собирать девочек, попрощались уж, наверно.

— Я посмотрю, как на кухне, — поднялась с дивана Нина Васильевна и отложила вязание. — Может, хоть чаю попьют, Валентина пирожков фирменных напекла, васильковских.

— Не знаю. Едут на такси, видно, торопятся. Но ты всё же проверь, на всякий случай.

Анна Сергеевна пошла по коридору к комнате сестрёнок. Во всех помещениях стояла непривычная тишина. Большинство детей ещё не вернулись из школы, а те, что вернулись, жались, притихшие, по углам. Расставаться всегда грустно. Уж кто-кто, а директор детдома знала это не понаслышке — сколько мальчишек и девчонок, ставших уже родными, провожала она в этих стенах. Одни из них подрастали и уходили в мир жить и работать самостоятельно, других, как сегодня сестрёнок Юлю и Наташу, брали в семьи чужие люди, усыновляли или удочеряли их, увозили далеко от родного гнезда. Впрочем, их

гнезда были теперь уже там, с новыми папами и мамами. Радоваться надо, а вот почему-то грустно... Ни к кому нельзя привязываться. Это точно. Если бы ещё удавалось!

Из игрового зала навстречу директору вышел взъерошенный Вовка Терёшкин. Вечно улыбающийся, сегодня и он имел печальный вид.

— Ты что это, Володя, не в школе? — спросила Анна Сергеевна и сама заметила, как устало звучит её голос. — Или уже занятия кончились?

Вовка смешался, но ненадолго.

— Нет, я... это... вот, — он протянул директору забинтованную руку.

— Что случилось?

— Палец я вчера порезал в мастерской, — ответил Вовка и сразу перевёл разговор на другую тему. — Анна Сергеевна, там Юлька ревёт.

— Ну, не Юлька, наверно, а Юля, все-таки! — поправила Анна Сергеевна.

— Да, Юля. Она ревёт на всю округу.

— Кто её обидел?

— Да никто! Уезжать не хочет. Дурочка, я бы на её месте...

Анна Сергеевна взяла здоровую Вовкину руку в свою.

— Пойдём-ка, поглядим.

В комнате сестрёнок, которых сегодня детдом провожал в далёкую Испанию, яблоку негде было упасть. И воспитанники, и воспитатели собрались здесь — кто сидел, кто стоял, а младшая из сестёр шестилетняя Юля стояла посреди комнаты и ревела в голос, прижимая к груди рыжего котёнка по кличке Маус.

Анна Сергеевна погладила девочку по голове, пытаясь успокоить.

— Что ты, что ты, Юленька? — говорила она, а у самой замирало сердце. — Ты же хотела ехать? У тебя теперь будут папа и мама...

Плач не утихал.

— Да она не потому ревёт, — подал голос кто-то из ребят.

— А почему?

— Ей котёнка жалко!

Плач усилился.

— Котёнка? — Анна Сергеевна улыбнулась и потрепала за ухо притихшего Мауса. — Вот так беда! Возьмёшь его с собой, да и всё.

— Правда? — Юля подняла мокрое лицо на директора.

Анна Сергеевна обвела взглядом лица мальчишек и девчонок.

— Как, ребята, отправим Мауса с девочками в Испанию?

— Отправим! — дружно отозвалась комната.

Тут подал голос Вовка Терёшкин:

— Ничего не выйдет, у Мауса документов нет.

— Зачем котёнку документы? — пожала плечами Анна Сергеевна.

— Как это зачем? Через границу без документов ездить нельзя.

— У него, как у кота Матроскина — хвост и усы вместо документов! — защитил котёнка Вовкин приятель Витёк.

Вовка не сдавался.

— Маус там скучать будет по нам...

— Так и скажи, что тебе жалко! — крикнул Витёк.

— Мне? — возмутился Вовка. — Мне? Ничего мне не жалко. Я, если хочешь знать, этих кошек... терпеть не могу. Вот собаки — другое дело... Пускай едет, так и быть. Только пограничники его не пропустят, вот увидишь!

— Ладно-ладно, — прервал спорщиков сидящий за столом на фоне плаката с изображением ансамбля «Король и шут» завхоз дядя Жень. — Хотите, я вам историю про кошек расскажу?

Дяди Женины рассказы все любили и потому дружно ответили:

— Хотим!

— Гости скоро будут здесь, — возразила Анна Сергеевна.

— Это недлинная история, — сказал завхоз, устраиваясь поудобней на стуле.

Анну Сергеевну девочки взяли за руки и усадили на кровать рядом с сёстрами. Все замолчали, и стало слышно, как где-то из крана звонко капает вода. Дядя Жень, поддёрнув рукава тельняшки, приступил к рассказу.

— Такие дела, значит. Было это в брежневские времена. Сам Леонид Ильич любил охоту и...

— Это кто — Леонид Ильич? — спросил неугомонный Витёк.

— Это... — дядя Жень помолчал. — Как вам сказать? Генеральный секретарь партии, главный был в стране.

— Как сейчас Путин?

— Ну, можно и так сказать.

— Ладно. Рассказывай, дядь Жень, а то не успеешь, — сказал устроившийся на маленьком стульчике рядом с завхозом Вовка.

— И то. Слушайте лучше. Так вот, любил Леонид Ильич поохотиться. И всех гостей, которые к нему приезжали, приглашал на охоту. Те и рады из ружья-то попалить по живым мишеням. Бывали новички, но встречались и опытные, кто умел зверя или птицу на мушку взять. К таким относился Луис Корвалан. Был в те времена такой деятель, вождь чилийского народа. Он в Союз, к нам, то есть, тогда нередко наведывался. К приезду высоких гостей, а особенно друга Луиса, егеря готовили охоту. Ну, сами понимаете, где набрать столько дичи, чтобы на всех хватило? В лесах Подмосковных, в заповедниках даже, её изрядно повывели — в друзьях-то у нас в ту пору недостатка не было. И вот егеря заранее отлавливали зайцев, привозили к месту охоты и в нужный момент по сигналу главного выпускали ушастых под ружья охотников. Те давай палить. Бах! Бах! Никто без трофея не оставался. Вот, поди, думали, какая богатая страна Россия — сколько в ней дичи и зверья!

— Приезжали бы к нам, — перебил Витёк, — у нас не надо заранее никого ловить, вон зайцы-то чуть в дом не забегают!

— Ага. И волки, — поддержал кто-то от двери.

— Дядь Жень, ты чего их слушаешь? — подал голос Вовка. — Продолжай!

Дядя Жень откашлялся.

— Да... Приехал однажды Луис в очередной раз после тюрьмы (он там у них, в Чили, значит, частенько в кутузку попадал за политику), и, ясное дело, просится на охоту, душа отдыха хочет, настрадался на родине-то. Брежнев —

пожалуйста, мол, кого пожелаешь, заокеанский дорогой друг, стрелять? Друг пожелал стрелять зайца. Как раз начало декабря, морозы ещё не крепкие, снежок выпал мягкий, свежий, первая пороша, можно сказать. Отдал Леонид Ильич все распоряжения, и пока егеря готовились, он с Корваланом решал задачи международного коммунистического движения. Делу время, потехе час, как положено. Наконец этот час наступил, и вожди со свитой двинулись на потеху.

А егеря между тем ломали головы — где взять зайца? Ну ни одного нету! Что делать? Тут один из них, головастый такой, возьми да и предложи: давайте, дескать, на кошку шкуру заячью наденем и пустим по снегу. Кто там разберет, чай, выпьют да закусят — не до того будет. Туда-сюда, а делать-то нечего, сейчас уж и начальство подъедет, надо решаться. И решились: будь что будет, нарядим кота Барсика в зайца, пожертвуем им ради дружбы с чилийским народом! Так и сделали. Пошла охота. Стоят вожди на позиции с тульскими ружьями-вертикалками в руках, вокруг генералы, переводчики — свита, одним словом.

Нет и нет зайца. Собаки бегают, лают, а косого выгнать не могут. Брежнев уж на главного егеря строго поглядывает, мол, что такое, почему непорядок? И вдруг, глядь, — заяц! Только странный какой-то — не прыжками идёт, а крадётся по снегу да все оглядывается. Луис на друга Леонида Ильича смотрит. Тот кивает, дескать, пали! Чилийский вождь вскинул ружьё, прицелился — бах! Проммах. А заяц вскинулся да ни с того ни с сего неожиданно шасть на берёзу и застыл, к стволу прижавшись. Заморский гость обомлел, ничего не поймёт. А потом заговорил взволнованно. Переводчик объясняет, мол, товарищ Корвалан много охотился в разных странах мира, но чтобы зайцы по деревьям лазили — такое в первый раз видит! Брежнев посмотрел на генералов, те в папах уткнулись, молчат. Генсек брови насупил и подозревал главного егеря. Тот смекнул, что двум смертям не бывать, а одной не миновать — надо говорить всё как есть. Вытянулся по стойке смирно и рапортует:

— Товарищ Леонид Ильич, за неимением зайцев пришлось...

Брежнев его остановил, пожевал губами и сказал:

— Переведите товарищу Луису Корвалану, что он видит очень редкую породу сибирского зайца.

Стали переводить, а Барсик на берёзе — натерпелся бедняга — как заорёт:

— Мяу-у!

Тут дядя Жёня ещё и Вовку за живот ухватил. И все засмеялись, включая воспитателей.

— А Барсик? — спросил Вовка.

Что — Барсик?

— Барсик-то живой остался?

— Конечно, живой. Хотя и не получилась из него жертва дружбы народов, зато прославился. Егеря его потом берегли и всем показывали, как особый экспонат.

— Да, кошки — они живучие, — неожиданно заключил Витёк.

— А ты-то, Евгений, откуда всё это знаешь? — спросила Анна Сергеевна, вытирая платком слезу в уголке глаза.

Дядя Жёня хитро усмехнулся.

— Так я и предложил кота в зайца переодеть!

Комната так и заходила от смеха.

— Выдумал ты всё, баламут! — махнула рукой повариха Валентина Петровна.

— Не любо – не слушай, а врать не мешай, — ответил завхоз и настороженно поднял вверх указательный палец. — Тихо! — чутким слухом охотника он уловил звук работающего двигателя.

Все замолчали. На дворе раздался сигнал машины.

— Приехали! — выдохнула Анна Сергеевна.

Толпясь и переговариваясь, все потянулись к выходу. Вовка Терёшкин выглянул в окно. На площадке стояли две машины: УАЗик заведующей роно и зелёная «Волга» с шашечками.

— Вот это да! — восхищенно произнёс Вовка, прижимаясь к стеклу носом. — Они, что, из Испании на такси ехали?

— А чё им не ехать-то, — сказал стоявший за Вовкиной спиной Витёк. — У них денег, поди, куры не клюют. Наташка с Юлькой теперь хорошо заживут. Апельсины будут прямо с деревьев рвать. Меня бы туда!

— Нужен ты им! Они за девчонками приехали.

— Как всегда. За девчонками почему-то чаще приезжают. Непонятно, мужики им не нужны, что ли?

— Выходит так, — ответил Вовка многозначительно.

А в это время в зале детдомовцы познакомились с гостями из испанского города Алькантарилья Мигелем и Розой Фернандес. Муж и жена были очень похожи друг на друга – оба худые, стройные, темнокожие, одеты по-спортивному – настоящие испанцы! Широко улыбаясь, они пожимали всем руки, громко повторяя на чужом языке:

— Buenos dias! Buenos dias! Buenos dias!¹

Испанцев сопровождала молодая переводчица Вера в голубых джинсах и яркой оранжевой куртке. Она молча стояла в стороне, ожидая, когда начнётся разговор.

Потом Роза Фернандес с расстановкой, коверкая, как все иностранцы, слова, произнесла:

— Здрав-ствуй-те, ребята!

— Здравствуйте! — нестройно ответили детдомовцы.

Тут сквозь толпу пробился Вовка. Он подошёл к Мигелю, протянул ему руку и сказал, сурово сдвинув белесые брови:

— Добрый вечер! Вы, значит, из Испании?

Мигель осторожно пожал Вовкину руку и потрепал его по голове. Он ничего не успел ответить, потому что дядя Женя отвёл Вовку в сторону.

— Давайте знакомиться, — сказала Анна Сергеевна. Вовка видел, что она волнуется, побледнела даже. — Вас мы теперь знаем...

Переводчица в оранжевой куртке перевела слова директора. Испанцы кивали головами, потом мужчина назвал имена Наташи и Юли.

¹ Здравствуйте! (исп.)

— Вот они. Вот они наши, а теперь ваши девочки, — представила Анна Сергеевна обомлевших сестёр.

Роза Фернандес обняла обеих и прижала к груди, опустившись перед сёстрами на колени. Она гладила девочек по голове и что-то тихонько лопотала по-своему. В зале стало очень тихо.

— Anda, querida²! — сказал испанец жене и положил руку ей на плечо.

Женщина поднялась с колен и быстро заговорила, обращаясь к Анне Сергеевне. Переводчица перевела:

— Роза говорит, что они очень торопятся. Их ждет такси, потому что нужно успеть к поезду. Девочки должны быть переодеты.

— Мы одели их во всё новое, — возразила Анна Сергеевна.

Переводчица Вера кивнула головой и перевела. Мигель стоял молча, разглядывая обступивших его ребят, улыбался, а его жена быстро-быстро говорила.

— Нет, — перевела Вера. — Они хотят одеть девочек в одежду, которую привезли с собой.

— Хорошо, — пожала плечами Анна Сергеевна. — Если вы так хотите... Пройдём ко мне в кабинет. Там они смогут переодеться.

Госпожа Фернандес взяла сестрёнок за руки и пошла за Анной Сергеевной. С ними отправились переводчица Вера, заведующая роно и воспитательница Нина Васильевна. Анна Сергеевна по-прежнему не зажгла большой свет в кабинете, включила настольную лампу. Безропотно девочки стали раздеваться. Испанка с помощью переводчицы доставала из сумки и раскладывала по дивану новую одежду.

Посмотрев на часы, переводчица сказала, что нужно поторопиться. Анна Сергеевна пожала плечами и отошла к своему столу, стала перекладывать на нём какие-то бумаги. Она видела боковым зрением, как Роза стала помогать девочкам снимать одежду. На пол падали кофточки, платица, поспешно сдёрнутые с сестрёнок новой мамой. У Анны Сергеевны защемило сердце.

Наконец переодевание было закончено и все пошли в зал, где уже нетерпеливо прохаживался Мигель. Он что-то сказал жене, увидев девочек.

— Мигелю нравится, — перевела переводчица. — Он благодарит руководство детского дома и всех присутствующих, а также просит поторопиться.

— Gracias! — улыбался испанец. — Gracias³!

Он говорил быстро, но с паузами, а переводчица переводила:

Мигель сказал, что их городок Алькантилья очень красив, в нём живёт много хороших людей, и девочкам там понравится. У него есть друг, его зовут Филипп Лаго. Очень добрый человек. Он и его жена Мария хотят взять в России мальчика. Возможно, они приедут к вам, в детский дом «Василёк». Здесь хорошие дети.

Мигель кивал, слушая переводчицу, а когда она замолчала, указал пальцем на стоящего рядом с сестрёнками Вовку и засмеялся:

— Por ejemplo, este muchacho⁴.

² Поторопись, дорогая! (исп.)

³ Спасибо! (исп.)

Переводчица перевела слова Мигеля:

— Вот этот мальчик, например.

Вовка сделал шаг вперед. Но тут в наступившей тишине раздался голос завхоза:

— Да что вы, господа хорошие, этот парень не может к вашему Филиппу поехать. У него тут родители... И вообще нельзя ему в Испанию. У него... документов нету!

— Перестань, Евгений, — прервала дядю Женю Анна Сергеевна. — Мигель пошутил.

Тут все заторопились и пошли на улицу к машинам.

А Вовка так и остался стоять посреди зала. Не ожидал он такого от дяди Жени, вот уж никак не ожидал! Почему это, скажите на милость, ему нельзя в Испанию? Какие-такие родители? Откуда бы им взяться? Причем тут документы? Нет, Вовка решительно ничего не понимал.

Сумерки осенью в Заветлужье короткие — не успеешь оглянуться, как уже темно. Около крыльца под фонарем толпились возле машины детдомовцы, прощаясь с сестрёнками. Мигель и Роза, уложив в багажник нехитрые пожитки сестёр, стали торопливо прощаться со всеми, повторяя:

— Gracias! Adios! Gracias! Adios! Adios!⁵

Переводчица Вера, докурив длинную сигарету, оглянулась, ища, куда бы бросить окурки и, не найдя урны, бросила его на газон. Таксист включил зажигание, и машина довольно заурчала. С трудом оттаскивая сестёр от плачущих подружек, Анна Сергеевна с вымученной улыбкой кивала испанцам.

— Да-да, до свидания! Счастливого пути!

Наконец Юлю и Наташу затолкали в машину. Все махали на прощанье руками, взрослые понимали, конечно, что сестёр, которых сейчас увозили за тридевять земель, в неизвестную Алькантарилью (вот названьице, попробуй выговори — язык сломаешь!), никто из них больше не увидит. Никогда. А дети, они всегда живут в настоящем времени, плакали, звали подружек в гости и обещали приехать к ним сами.

Машина развернулась и, набирая скорость, покатила к воротам «Василька». Из приоткрытого окна высунулась голова Розы Фернандес, и ветер донёс её прощальное: «Hasta la vista!⁶».

Сигнальные огни «Волги» рубиново светились где-то далеко в поле. И всем, стоящим возле крыльца, стало холодно.

— Домой, домой, быстро домой! — подгоняла детей Анна Сергеевна. — Вон ветер-то какой холодный. Не хватало ещё простудиться кому-нибудь.

Вовка три дня не подходил к дяде Жене, даже в мастерскую не заглядывал. На четвёртый день они встретились в коридоре.

— Ты куда это пропал, Владимир? — как ни в чём не бывало, спросил завхоз.

⁴ Например, этот мальчик (исп.)

⁵ Спасибо! До свидания! Спасибо! До свидания! До свидания! (исп.)

⁶ Пока! (исп.)

Вовка насупился, не зная, что отвечать.

— Ну, что молчишь? Случилось что?

«Будто не знает, — подумал Вовка, — притворщик, а ещё взрослый!».

Обида перехватывала ему горло, но он всё же выговорил:

— А зачем ты... меня... в Испанию... Может, я там...

— Вон что! — засмеялся дядя Женя. — Так бы и сказал!

— Вот я и говорю...

— Да ладно тебе, Вовка, или ты не моряк? Чего в этой Испании делать?

Никого там наших нет, рыбалки нет, Шарика и того нету!

— Зато апельсины и... — Вовка шмыгнул носом и замолчал, не зная, что же ещё есть в этой Испании. — А ты зачем так сказал?.. Не знаю я никаких родителей! С Луны они что ли свалятся?

Дядя Женя опустил голову.

— Ну, прости, брат, это я так, сгоряча, что ли. Ладно, мир? — он протянул Вовке свою большую тёмную руку.

Не мог Вовка долго помнить обиды, не умел. Сердце его радостно стучало, когда жёсткая ладонь дяди Жени легонько сжала пальцы.

— Мир, — серьёзно сказал он и посмотрел на дядю Женю. Тот молчал. Вовка вдруг почувствовал тёплую волну, исходящую от этого человека, захотелось прижаться к нему и сказать что-то хорошее, но он не знал, что.

— Давай, беги, — дядя Женя разжал ладонь. — Делом занимайся.

Вовка пошёл по коридору, возле двери директорского кабинета оглянулся. Завхоз стоял и глядел ему вслед. Вовка улыбнулся и помахал рукой. В ответ дядя Женя поднял свою руку со сжатым кулаком и громко, на весь коридор, сказал:

— Но пасаран, моряк!

Вовка не знал, что значат эти слова, он знал, что они правильные.

Шарик

Повсюду весна разгулялась, а здесь, в Заветлужье, ещё только-только стало подтаивать. Но солнце уже по-весеннему ярко рассыпалось в снегах, на сугробах лежали длинные фиолетовые тени от деревьев, а в полдень на припёке стала позванивать капель. Длинные сосульки, что свешивались с крыши на южной стороне, держались ещё крепко, но детдомовцы сбивали их палками, ломали на куски и, конечно же, совали за щёку вместо леденцов, – зря, что ли они так называются – сосульки.

Весной все оживает. Порой сразу и не заметишь – вроде, белым-бело кругом, а невидимый ключик уже точит снежный покров, где-то под этим ещё твердым панцирем проклюнулся и так же невидимо пробивается к солнцу под-снежник. Хрупкий, вроде, нежный росток, а сколько в нём жизненной силы!

Вот и в детском доме «Василёк» всё, кажется, по-старому, а на самом деле нет, стоит приглядеться, как увидишь, что обитатели переменились. Всё те же валенки да шапки, всё те же уроки да работа, а что-то едва ощутимое витает в воздухе и заставляет улыбаться даже всегда строгого директора Анну Сергеевну. Что уж говорить об остальных. Мальчишки чаще толкают девчонок, а девчонки вспомнили про спрятанные губные помады и краски для ресниц. На улице полетели снежки, и все задорнее становился девчоночий смех и заливистой лай Шарика.

Вот с Шариком-то как раз и произошла трагедия. Любимец всего детдома, пёс Шарик отвечал своим маленьким хозяевам такой же любовью и преданностью. Он уже полтора года проживал в «Васильке», да и от роду ему было те же

полтора года. Как-то раз в осенние холода Вовка Терёшкин пришёл к завхозу дяде Жене. Осторожно расстегнув куртку, он вытащил из-за пазухи крохотного щенка и сказал:

— Дядь Жень, я кутёнка нашёл, наверно, породистый, погляди-ка.

Дядя Женя поглядел на черный бархатистый комочек, шевелящийся на Вовкиных ладонях, и улыбнулся:

— Порода знаменитая, сразу видно – дворянин.

— Это как? — спросил Вовка.

— Дворянча, значит.

Вовка не сдавался.

— Ну и что? — упрямо поджав губы, сказал он. — Смотри, какой... ласковый. У дороги нашёл... Никому он не нужен... — Вовкин голос предательски дрогнул. — Дворянча тоже разные бывают.

— А я разве спорю? — сказал дядя Женя. — У меня однажды была дворянча, Пальмой звали, так она лучше любой лайки белку гоняла. Да. И на птицу брал, утку из любого болота, бывало, достанет.

Щенок задвигался на руках у Вовки и тоненько заскулил.

— Есть, наверно, хочет, — определил Вовка и прижал кутёнка к груди, — надо его покормить.

Он вопросительно поглядел на дядю Женю. Тот вздохнул.

— Ты, как я понимаю, Владимир, оставить в доме щенка хочешь?

Пошмыгав носом, Вовка сказал твёрдо:

— Да.

Так щенок остался в детдоме. Его называли Шариком, потому что он был круглый, весёлый, а когда бегал, звонко лая, по двору за ребятней, казалось, что вот-вот взлетит на воздух. Дядя Женя сделал ему около гаража тёплую будку, там Шарик стал жить, туда таскали ему мальчишки еду, а девчонки делали красивые подстилки из старых одеял.

Прошёл год. Вторая зима была на исходе. Шарик подрос, но характер у него остался такой же жизнерадостный и задорный. Сам чёрный, а на мордочке две белые отметины, нос, будто кожаная заплатка на футбольном мяче, уши обвислые, а хвост кренделем. Бывало, ухватит кого-нибудь из девчонок за щиколотку и ну рычать, головой своей лобастой мотает, вроде как злится. За мальчишками носился по детдомовской территории, ловил на лету бабочек, охотился в поле за мышами, а беднягу Мурку, пушистую любимицу поварихи Валентины Петровны, загонял на тополь каждый Божий день.

Особенно Шарик любил провожать детвору в школу, а школа была в селе за два километра от детского дома. Дети выходили после завтрака за ворота, а тут их уже поджидал Шарик. Он бежал впереди по дороге, лаял на птиц, иногда возвращался к толпе детдомовцев и кого-нибудь пытался ухватить за ногу или потрепать портфель. Когда последний ученик исчезал за дверью школы, Шарик, посидев немного у калитки, возвращался назад, бродил по двору за дядей Женей или сидел у кухни, ожидая, когда Валентина Петровна вынесет ему что-нибудь вкусненького. А после обеда бежал, не спеша, в село встречать своих друзей.

В сентябре Вовка Терёшкин впервые пошёл в школу. К учёбе, как и ко всякому делу, он отнесся всерьёз и получал до самой весны одни пятёрки. Весной, правда, сидеть за уроками ему стало скучновато. Солнце светило в окно так притягательно, что Вовка едва сдерживался, чтобы не вытащить из портфеля карманное зеркальце и не пустить по рядам парт солнечных зайцев. Отсидев в школе положенные часы, он мчался на улицу, и воспитателю Нине Васильевне стоило большого труда усадить его за стол делать домашнее задание. Тут снежки, там сосульки, а ещё и о скворечниках надо позаботиться, а то дядя Женья забудет – короче говоря, забот у Вовки было полон рот, не до книжек и тетрадок.

И вот как-то после весенних каникул мальчишки возвращались после школы домой. Вовка первый увидел Шарика. Тот лежал посреди дороги весь в крови, но ещё живой. Вовка рванулся вперёд, бросил портфель и, подбежав к собаке, упал возле неё на колени.

— Шарик, Шарик, ты что?.. — шептал он, боясь притронуться к окровавленной шерсти своего друга. — Как же это, Шарик?..

Машина раздавила заднюю часть тела пса, он не скулил, чуть приподнял голову и тут же ронял её, загребал передними лапами розовый от крови снег.

Мальчишки стояли молча, поражённые страшным зрелищем. Вдруг Вовка поднялся на ноги и бросился бежать по дороге к детдому, только крикнул на бегу:

— К дяде Жене надо! Я сейчас...

Завхоз выслушал сбивчивую речь запыхавшегося мальчишки, ничего не говоря, вытащил из-под верстака кусок мешковины, бросил в стоящие у крыльца плетёные санки и крупным шагом пошёл за бежавшим впереди Вовкой.

Как ни торопились Вовка с дядей Женей, всё же они опоздали. Шарик уже не поднимал головы и не сучил лапами. Он вытянулся и застыл. Глаза были открыты, и на мордочке не таял снег.

Дядя Женья потрогал пса за шею и сказал:

— Умер, братцы, Шарик.

Никто не сказал ни слова. В молчании погрузили сразу ставшую тяжёлой собаку в санки и отправились домой. На другой день, в воскресенье, Шарика похоронили.

За северной стеной гаража детдомовцы давно уже устроили кладбище животных. Сейчас под снегом не были видны аккуратные холмики, под которыми вечным сном спали любимцы мальчишек и девчонок – скворец Рома, кошки Муська и Пушок, хомячок Тишка и волнистый попугайчик Кузя, который мог говорить: «Кузя хор-р-роший, хор-р-роший!» и ещё что-то неразборчивое.

Никто не видел, когда дядя Женья выдолбил в мёрзлой земле для Шарика неглубокую могилу, но утром она уже была готова. Шарик лежал зашитый в мешковину возле дверей в дяди Женину мастерскую. Ещё до завтрака сюда пришел Вовка Терёшкин.

— Дядь Жень, — сказал он, — а Шарик-то, наверно, надо крест на могиле поставить.

— Нет, дружок, кресты только людям ставят, да и то не всем — крещёным. Дядя Женья вытащил из-за уха папиросу, закурил.

— Да-а, — согласился Вовка. — А как же Шарик?

— Не знаю. Так уж, значит.

— Нет, дядь Жень, так нельзя. Давай вот что сделаем: напишем на дощечке его имя и поставим на могилу. Все будут знать, что тут Шарик похоронен.

— Да ведь и так все будут знать.

— Это сейчас все будут знать, а потом – нет. Мы вырастем, уедем в город, а другие «васильки» увидят нашу надпись и тоже знать будут.

— Что ж, — согласился дядя Жень. — Резонно. Так и сделаем.

Хоронить Шарика собрались все детдомовцы, даже старшеклассник Виталик, который всегда обижал пса, стегал его хворостиной и злил, – и тот пришёл. Тут были и воспитатели, и даже директор Анна Сергеевна, не говоря уж о поварихе Валентине Петровне.

Комья жёлтой глины ярко выделялись на белом снегу. Было очень тихо, только откуда-то издалека доносилось потенькивание синицы. Когда дядя Жень опускал Шарика в яму, девчонки одна за другой стали всхлипывать. Вовка держался. На улице было тепло, но он почему-то сильно замёрз, и его колотила крупная дрожь. Наконец всё было закончено. На свежем холмике дядя Жень установил столбик с табличкой: «Шарик. Погиб 16 апреля 2003 года».

Понемногу собравшиеся стали расходиться. Вскоре около холмика остались Вовка и дядя Жень. Вовка вытирал варежкой глаза.

— Ветер сегодня какой-то, — сказал он.

— Тепло, значит, будет, — ответил дядя Жень. — К перемене погоды всегда ветер поднимается.

Не было, конечно, никакого ветра, но завхоз сделал вид, будто не замечает Вовкиных слез.

— Ладно, — сказал он и положил руку мальчику на плечо, — пойдём к дому ближе.

Вовка поднял голову.

— Дядь Жень, а Шарик сейчас где?

— Как где? В земле. Ты же видел, как я его закопал.

— А душа его где? — допытывался Вовка.

Дядя Жень сдвинул на затылок шапку.

— Этого я, моряк, не знаю.

— Ну, где-то же есть?

— Есть, наверно, — неуверенно сказал дядя Жень. — Вот и южном полушарии, а мне там плавать доводилось, есть созвездие Гончих псов, может, там?

— Правда?

— Ну что тебе сказать?... Не нашего ума дело... Да ты не задумывайся об этом, так уж устроено – все на свете умирают.

— Все? — Вовка посмотрел на дядю Женю. Видно было, что мысль о смерти впервые проникла в его сознание.

— Все.

— И... ты умрешь?

Дядя Жень усмехнулся.

Умру в свое время.

Вовка долго молчал, потом спросил:

— Значит, и я умру?

— Вон тебя куда занесло! — сказал дядя Женя. — Твоя смерть ещё очень далеко, не видать её совсем. — Он закурил, мотом обнял Вовку. — Пойдем, философ.

И они пошли по натопанной тропинке мимо гаража — большой и маленький — и рука большого лежала у маленького на плече.

В ноябре в последний день каникул детский дом «Василёк» в полном составе провожал двух сестрёнок Катю и Алёнку — их удочерила семья из Подмосковья. Событие и радостное и в то же время печальное. Редкий детдомовец не хотел бы обрести настоящую семью, жить в городской квартире, ходить в школу, где тебя не дразнят сиротой, не чувствовать спиной жалеющие взгляды взрослых, произносить удивительные слова «папа» и «мама». Сёстры, а за ними и все девчонки расплакались, мальчишки стояли возле машины, насупившись, и молчали.

Такое случалось нередко. Время от времени кого-то из детдомовцев забирали к себе сердобольные дяди и тети. И не только из российских городов и весей. Недавно увезли сестёр Юлю и Наташу за тридевять земель, в далёкую Испанию. Прощались с ними и знали — больше никогда не увидятся. Те, кто оставался, испытывали горькое чувство — почему не меня, чем я хуже? И каждый всё-таки надеялся, что в следующий раз счастливый жребий выпадет именно ему. На этот раз удача улыбнулась Кате с Алёнкой, сестрёнкам-двойняшкам, которых шесть лет назад пьяная до бесчувствия мать родила в грязной деревенской избе. А теперь у крыльца детдома девочек ждала большая красивая машина, готовая увезти их в такую желанную, счастливую жизнь. По крайней мере, все верили в это.

Отъезжающие расселись в автомобиле по местам. Новый папа сестрёнок пожимал руки директору и заведующей роно, когда Алёнка неожиданно вы-

скочила из машины и, подбежав к Вовке Терёшкину, сунула ему в руку завернутую в цветную тряпочку маленькую куклу. Вовка открыл рот, чтобы что-то сказать, но ничего не сказал, так и стоял, глядя то на куклу, то на Алёнку, с которой он дружил, несмотря на обидное прозвище жениха. И Алёнка, так же ничего не говоря, юркнула в машину и захлопнула за собой дверцу.

Никто не произнёс ни слова. Машина, погудев на прощанье, медленно тронулась. Приунывшие мальчишки и девчонки разошлись по комнатам, и до вечера в детдоме стояла непривычная тишина. Потом жизнь потекла по своему руслу.

Вскоре наступили холода, и озеро, лежащее невдалеке от детского дома, под горкой, затянулось первым гладким, пружинящим льдом. Мальчишки тут же, не успев лёд окрепнуть, исчертили его своими коньками. Лёд потрескивал, прогибался, НО держал отчаянных конькобежцев.

Но – потехе час, а делу, как говорится, время. Вовка Терёшкин эту истину усвоил твёрдо. Как-то раз после обеда он пришёл к завхозу и, деловито потирая руки, сказал:

— Что, дядь Жень, хорошо в тепле-то сидеть, а пора уже прорубь рубить.

Завхоз посмотрел на Вовку из-под очков:

— Лёд, пожалуй, тонковат, Владимир.

— В самый раз. Мы на коньках всё озеро изъездили. Только у ключа промоины, а так – крепкий.

— Ну, я завтра погляжу, — согласился дядя Женья.

Прорубь он вырубал на озере ежегодно. Детдомовская прачка Марья Васильевна не любила полоскать бельё в домашних условиях. «Нет уж, — говорила она, — я по старинке, в живой воде полоскать привыкла. Как выполощешь в проруби-то да на морозе развесишь – совсем другое дело. Холодом пахнет, чистотой».

Дядя Женья не возражал, рубил по первому льду прорубь, ставил от ветра щит, а потом ходил и чистил её всю зиму, до оттепели. Свежевыстиранное бельё мальчишки отвозили на санках к озеру, дожидались, когда Марья Васильевна выполощет и уложит задубевшие на морозе простыни, наволочки и пододеяльники в санки и везли их обратно домой.

Через день дядя Женья, Вовка и его приятель Витёк отправились на озеро. Мальчишки взяли с собой коньки, чтобы, пока дядя Женья рубит прорубь, побегать по ещё чистому, не занесённому снегом льду.

Яркое солнце слепило глаза, и лёгкий морозец с ветерком пощипывал за уши. В больших санках дядя Женья вёз пешню, топор, железный ковш на длинном черенке с дырявым дном для очистки проруби от мелких льдин, моток толстой верёвки и фанеру, чтобы устроить защиту от ветра.

Лёд уже окреп. Он не трещал даже под тяжестью дяди Жени, шедшего впереди и постукивающего перед собой пешней.

Обозначив место для проруби, дядя Женья присел на санки покурить.

— Мы тебе помогать будем, — сказал Вовка, устроившись рядом.

— Сделаем так, — ответил ему завхоз, выпуская через нос белые струйки дыма, — лёд колоть я буду один, вы пока покатайтесь на коньках, а вот фанеру примораживать будем вместе. Договорились?

— Договорились.

Мальчишки надели коньки и покатались по гладкой ледяной поверхности, едва припорошенной снежком, к дальнему концу озера. Прокатались вдоль заиндевевшего камыша, сбегали к мосткам, вмёрзшим в лёд, и повернули назад, когда Витёк предложил посмотреть на промоину, где с берега бил ключ. Вовка кивнул головой в знак согласия и поспешил за катившим впереди товарищем.

Полынью уже было видно, и ребята немного сбавили скорость. Витёк оглянулся и крикнул Вовке:

— Только глянем — и назад.

Не успел тот ответить, как Витёк, взмахнув руками, как-то неожиданно быстро стал погружаться в откуда ни возьмись взявшуюся промоину. Вовка резко повернул в сторону, правая нога его подвернулась, и он упал на лёд. В глазах полыхнуло. Из носа потекла тёплая розовая струйка крови. Поднявшись на четвереньки, Вовка отполз подальше и оглянулся. Витёк барахтался в полынье, цеплялся за лёд, который с треском обламывался под его локтями.

— Помоги мне, дай руку! — шептал он. И Вовка заметил, что губы у Витьки совсем белые, а глаза большие-пребольшие. Вовкины зубы предательски стукнули, ему очень захотелось убежать подальше, но он пополз к промоине, вытирая рукавом сочившуюся на губы и подбородок солоноватую кровь. Лёд затрещал, из полыньи на него накатила вода. Вовка попятился и, оглянувшись, закричал, что есть мочи:

— Дядя Женья! Сюда! Дядя Женья...

Вытащив из кармана куртки нож, он попытался воткнуть его в лёд, но тот крошился, и нож соскальзывал, не находя точки опоры.

— Щас, Витёк, щас, — выдыхал Вовка и все ударял остриём ножа в ледяной панцирь. — Держись только...

— А ну, назад! — прогремел голос дяди Жени.

Вовка оглянулся. Завхоз был рядом. Тяжёло дыша, он сбрасывал на бегу рукавицы, полушубок и шапку, потом лёг на лёд и швырнул Витьку конец верёвки. Витёк потянулся за ней, но не достал. Закраина полыньи хрупнула, и Витёк с головой ушёл под воду.

— Отползай дальше! — не оглядываясь, прохрипел дядя Женья. Он смотал на локоть верёвку и, широко размахнувшись, бросил ее вынырнувшему Витьку. Верёвка шлепнулась у самого края промоины, и Витёк на этот раз ухватился за неё.

— Держись крепче, моряк! — спокойным голосом сказал дядя Женья и стал вытягивать отяжелевшего Витьку на лёд.

Над озером совсем низко пролетела с громким криком ворона. Вовка лежал на льду и смотрел в небо. В груди его громко стучало сердце, казалось, оно вот-вот выпрыгнет через горло.

— Дура! — почему-то сказал Вовка, глядя на ворону и прикладывая к носу горсть снега.

Мокрый Витёк стоял, опустив голову, и тоненько поскуливал. С его одежды стекала струями вода, но куртку на плечах уже прихватило морозом.

— Ша-а-пку утопил, — наконец выговорил он.

— Новую дадут, — дядя Женья строго смотрел на мальчишек. — А теперь бегом домой. Без разговоров, марш! — И надел свою шапку Витьку на голову.

Кое-как стянув коньки, приятели бросились бежать по озеру к дороге. Выбравшись на пригорок, Вовка оглянулся: дядя Женья укладывал инструменты в санки и не глядел на них. Вовка набрал в грудь воздух и изо всех сил рванулся следом за убежавшим Витьком.

В детском доме Витька раздели, растёрли махровым полотенцем, повариха Валентина Петровна напоила его чаем с малиной и уложила под тёплое одеяло. Витек только стучал зубами, громко икал и ничего не говорил. Всё пришлось рассказывать Вовке.

— Никто без моего разрешения с этого дня на озеро не ходит! — вынесла приговор директор Анна Сергеевна.

— А как же... — начал было кто-то из старшеклассников, но Анна Сергеевна даже слушать не стала, отрезала:

— Никак!

Через неделю происшествие на озере стало забываться, но дядя Женья ходил какой-то хмурый и неразговорчивый. Однажды видели, как он зашёл в кабинет к директору и долго оттуда не выходил.

— Женить его надо, — шептались на кухне работницы.

— Тебя, что ль, в невесты-то? — сказала Валентина Петровна посудомойке бабушке Галине.

— Скинуть бы годков этак тридцать пять, — подбоченилась та, — уж я бы его окрутила.

Жена дяди Жени умерла три года назад при родах, умер и младенец. Бывший моряк жил один в большом пятистенном доме с высоким крыльцом, единственным живым существом в котором, кроме хозяина, была охотничья собака по кличке Верный. После смерти жены дядя Женья всё реже ходил на охоту и рыбалку, всё чаще проводил время в детдоме — за делом, среди детворы ему было хорошо. И дети его любили.

Наконец Вовка не выдержал. В субботу, посмотрев кино по телевизору, он отправился в мастерскую к дяде Жене. Тут было тепло, пахло сосновыми стружками и лаком. Вовка стоял у двери и молчал.

— Проходи, моряк, что застыл? — не оглядываясь, сказал дядя Женья. Он что-то писал, сидя за маленьким столом у окна.

Ничего не говоря, Вовка прошёл в мастерскую, выдвинул из-под верстака табурет и уселся на него. На столе свистнул закипевший чайник.

— Ну вот, будем сейчас чай пить, — обернулся дядя Женья и снял очки. — Ты как, не против?

— Дядь Женья, ты чего какой-то не такой? — прямо спросил Вовка.

Завхоз развел руками.

— С чего ты взял?

— Да уж вижу.

Разливая чай, дядя Женя молчал, глядел в бокалы, потом поставил чайник и сказал:

— Знаешь, моряк, что я тебе скажу... — он замялся, посмотрел куда-то на потолок, тяжело вздохнул и продолжил. — Вот, что я тебе скажу... — слова, будто застревали у него в горле, и он с трудом выталкивал их оттуда. — Ты своих родителей, отца, мать, помнишь?

Вовка поднял голову.

— Не-а, — сказал он, — не помню. Бабушку только малость.

— Хочешь жить со мной? — резко, на выдохе, проговорил дядя Женя.

Как будто вспыхнуло много-много электрических лампочек, так показалось Вовке. В груди стало горячо и дыхание перехватило. Боясь расплакаться, он сорвался с места и, шагнув к дяде Жене, уткнулся носом в широкую грудь, обтянутую тельняшкой. Плечи его затряслись.

— Ну, ну... Что ты, моряк? — приговаривал тихо дядя Женя, поглаживая рукой Вовкину спину. — Всё будет хорошо. Всё будет нормально, сынок, ты уж мне поверь.

А Вовка ничего не говорил, он всё крепче прижимался к капитану, вдыхал запах табака и кожи, и его маленькое сердце знало, что, действительно, всё будет хорошо.

Как Шурка на первую парту попал

Само собой разумеется, что на первой парте никто не хотел сидеть, даже девчонки, которые страх как любят повертеться на глазах учителя, — и те обходили первую парту стороной. Уж больно заметное было место. И по такой причине все первые парты в трёх рядах пустовали, особенно часто та, что в левом ряду у окна. На ней оказывались только провинившиеся. Начнёт кто-нибудь зайчики пускать карманным зеркалом, или жёванной промокашкой плевать через трубочку — будь здоров, садись на первую парту, на глаза учительнице.

Но вот как-то раз весной перед началом первого урока, когда весь 5-й «б» с шумом рассаживался по своим местам, и классный руководитель Зоя Васильевна уже вошла в класс, Шурка Сыроежкин уверенной походкой отправился к первой парте и положил на неё свой рюкзак. Все так и обомлели. Даже лучший друг Шурки Серёжка Ляпин и тот дар речи потерял. А его сзади подталкивала Иринка, самая, пожалуй, вредная девчонка в классе:

— Что, дружок-то твой, на первой парте?

Серёжка молчал.

— Что молчишь? — не унималась Иринка. — Чего он натворил опять?

Обернувшись, Серёжка молча показал Иринке кулак. Она замолчала.

— Здравствуйте, ребята. Садитесь, — сказала Зоя Васильевна.

Начался урок.

Как и почему попал Шурка Сыроежкин на первую парту, я вам сейчас расскажу. По секрету. Такой, значит, уговор: никому об этом не говорите, а то, мало ли, узнает кто из нашего класса, дуэли не миновать.

Шурка, можно сказать, за любовь пострадал. Никто на всём белом свете, даже Серёжка, не знал, что после новогодних каникул Шурка влюбился в отличницу и самую примерную ученицу в классе Ольгу Серову. Он сначала и сам не знал, что влюбился, а просто ему вдруг захотелось что-то такое особенное для неё сделать. Он вспомнил рассказы отца, как тот носил после школы мамин портфель до её дома. Но у Ольги портфеля не было, а рюкзачок как понесёшь, когда свой на плечах?

Потом, дальше больше, как только увидит в стайке девчонок Ольгу, так будто кто-то его к электрической розетке подключает: начинает всех задирать, толкаться и т. д. А Ольга этого не замечает. Каких только фокусов не выделывал Шурка, чтобы привлечь внимание отличницы – все было бесполезно. После школы, вроде бы, ничего: уроки наскоро сделает и на улицу, где его Серёжка уже поджидает. Тут у них дел по горло – не до любви. А как придёт в школу да увидит стройную фигурку Ольги с туго заплетённой косой на плече, опять сердце не на месте – замирает и падает. И дышать трудно.

Ольга сидела одна на четвертой парте всё в том же ряду у окна. А Шурку за очередную выходку, когда он после перемены вошёл в класс на руках, Зоя Васильевна посадила с Иринкой – на исправление. Зоя Васильевна часто так делала – рассаживала мальчишек хотя бы на время с девчонками, так они меньше шалили. Но Шурка и тут не успокоился. На второй день принёс из дома какой-то немыслимой конструкции бумажный самолёт и запустил его в середине урока. Самолёт оказался долголетающим, он медленно облетел класс и плавно приземлился на учительском столе.

Зоя Васильевна подняла глаза от журнала:

— Кто конструктор? — спросила она строго.

— Туполев! — вполголоса сказал Серёжка Ляпин.

— Ты, Ляпин?

— Почему всё время я? — с искренним возмущением отозвался Серёжка.

— Не я это!

— А кто?

Ответа не последовало.

— Что, смелости не хватает признаться? — Зоя Васильевна презрительно усмехнулась.

— Это я! — сказал Шурка и встал.

— Сыроежкин? Та-ак. Значит, и на новом месте ты продолжаешь безобразничать?

Шурка молчал. Глядя в окно, он всё же держал в поле зрения Ольгу. Но она словно ничего не замечала, укладывала на парте книжки и тетрадки.

— Язык проглотил? Ну, что ж, я подумаю, что с тобой делать, а пока мы продолжим урок, а ты постой.

И тут произошло неожиданное. Шурка вдруг почувствовал, как горячая волна нахлынула на него, и он сказал зазвеневшим голосом:

— Зоя Васильевна, можно я туда сяду?! — он показал на пустующее место рядом с Ольгой.

Ольга даже рот открыла от удивления. А Иринка покраснела, как огнетушитель в школьной раздевалке. В классе стало настолько тихо, что все услышали, как на улице шумит снегоуборочная машина.

Зоя Васильевна надела очки, задумчиво постучала карандашом по столу и сказала коротко:

— Хорошо. Садись.

Девчонки по всем рядам зашушукались, а Шурка, ни на кого не глядя, собрал рюкзак и перенёс его на парту к Ольге. Он сел на краешек скамьи и так вытянулся, что, казалось, ему линейку вставили под пиджак. Ольга поджала губы и отодвинулась.

— Что ж, продолжим урок, — сказала Зоя Васильевна. — К доске пойдет Ляпин. Будем решать такую задачу...

Они подружились. Сначала в классе смеялись над Шуркой, но он на смешникам спуска не давал — подрался даже с закадычным дружкой Серёжкой. Они неделю не разговаривали, потом помирились.

— Ладно, — хмуро проворчал Серёжка, — в конце концов, все женятся.

Шурка жениться не собирался, даже не думал об этом раньше, а теперь задумался. А что? Идея неплохая. Надо только школу закончить, потом институт — Шурка хотел стать инженером, как отец, — а после и жениться можно.

— Это сколько же лет пройдет? — задумчиво произнес он.

Серёжка ответил:

— Вот, считай, — лет десять минимум.

— Долго, — сказал Шурка.

— Ничего не поделаешь.

— Да. Придётся подождать.

Незадолго до весенних каникул Шурка узнал, что скоро у Ольги будет день рождения, и стал заранее готовиться. Начал издалека.

— Тут меня одна девчонка на день рождения приглашала, — равнодушным тоном сказал он матери, — как ты думаешь, что ей подарить?

— Это зависит от того, что она любит, — ответила мать. — А что за девочка?

— Ну, это... Мы с ней за одной партой сидим. Ольга. Серова.

— Давно ли ты с девочками стал сидеть? — засмеялась мать.

Шурка почувствовал, что краснеет.

— Зоя Васильевна посадила.

— Натворил что-нибудь?

— Вот обязательно «натворил»! Ничего я не творил. Всех с девочками рассаживали...

— Ладно-ладно, не кипятись. А к подарку надо относиться серьёзно. Подумай, а потом поговорим.

День и ночь Шурка думал о подарке. Посоветовался с Серёжкой. Тот предложил подарить Ольге пистолет.

— Зачем ей пистолет, девчонке-то? — удивился Шурка.

— А что, — убедительно заговорил Серёжка, — для самозащиты. Положит в карман и если что...

— Так ведь пистолет игрушечный?/

— Ну и ладно. Он почти как настоящий. Я вот всегда ношу с собой, — Сережка распахнул куртку, под ней оказалась жёлтая кобура с блестящими клёпками, из которой торчала рукоятка пистолета.

— Ишь ты! — восхищённо сказал Шурка. — А я и не знал, что ты с оружием ходишь.

— Это мне недавно отец подарил, — ответил Серёжка, медленно застёгивая пуговицы. — «Вальтер» — хорошая пушка. И тебе советую приобрести.

Но пистолет, как подарок, всё же не устроил Шурку. Он стал наблюдать, что же любит Ольга, но она ничего особенного не любила, разве что шоколадки, так и это на подарок не тянуло. «Вот мученье-то, — думал Шурка, — и так придётся всю жизнь! Может, и жениться не стоит?..».

Тут приехал из командировки отец, и Шурка завёл разговор о подарке с ним. Отец долго не раздумывал:

— Красивый платок на голову и торт — вот и подарок тебе! — сказал он.

— Так она платков не носит, — возразил Шурка.

— А ты откуда знаешь? — уверенно говорил отец. — Сейчас зима, потому и не носит, а весна придет — оденет, никуда не денется.

«А ведь и правда, я же не помню, в чём ходила Ольга осенью. Может, и в платке», — подумал Шурка.

— Ладно, — сказал он. — Так я и сделаю.

— Правильно, — отец потрепал Шурку по голове, — вот тебе деньги, — он вытащил из грудного кармана бумажник, — сходи и выбери красивый платок. Какие у твоей девчонки глаза?

Шурка не сразу понял.

— Как какие? Большие.

Отец расхохотался.

— Это хорошо, что большие. А цвета какого?

Шурка задумался.

— Кажется, зелёного, — неуверенно сказал он.

— Вот к цвету глаз и подбирай. Понял?

— Понял, — Шурка взял деньги. — Я с Серёжкой схожу в магазин, ладно?

— А что, сам выбрать не сумеешь?

— Да нет, — замялся Шурка. — Ну, понимаешь, буду я там платок выбирать...

— Ясно, — усмехнулся отец. — Идите с Серёжкой.

Наконец подарок был куплен, — кроме платка цвета морской волны Шурка купил ещё книжку про Гарри Поттера и красивую открытку с розами. Он бы и ещё чего-нибудь купил, но деньги кончились. Оставалось ждать приглашения на день рождения.

В классе уже все привыкли, что Шурка и Ольга стали друзьями, только Иринка иногда злословила, но впечатления это ни на кого не производило. Шурка неожиданно подтянулся по математике и русскому языку, и классная

была довольна, что он сидит за одной партой с отличницей. Зоя Васильевна, конечно, не знала, что Шурка бессовестно списывает у Ольги домашние задания, да и классные тоже. Ольга же, которая раньше никому не давала списывать, для Шурки делала исключение, поступаясь своими принципами. После школы они ходили вместе домой, болтали про всё на свете, больше, правда, болтал Шурка, который любил рассказывать содержание книжек и фильмов, но про день рождения Ольга ничего не говорила, а Шурке спросить у неё было неудобно.

Четырнадцатого февраля вся школа помешалась на «валентинках», не обошёл стороной день влюблённых и пятиклашек. Шурка написал открытку Ольге и подложил ей в учебник. И сам получил «валентинку» с признанием в любви, но, прочитав, понял, что писала не Ольга – уж её-то почерк с завитушками он узнал бы из тысячи!

Зима потихоньку уступала место весне. На солнце было уже тепло. Зачернел асфальт на тротуарах. Серёжка пришёл в школу в лёгкой куртке и без шапки. Шурка расстроился, что не догадался придти так же. Накануне Ольгиного дня рождения он купил шоколадный торт с орехами, попросил мать погладить ему брюки и рубашку – в общем, приготовился.

Утром Шурка встретил Ольгу у дверей школы и поздравил с днём рождения. Ольга была весёлой и красивой, она поблагодарила Шурку за поздравление, но про день рождения опять ничего не сказала. Все уроки Шурка сидел как на иголках.

Вот и уроки кончились. Пора идти домой, а приглашения всё нет. Шурка не знал, что и подумать.

— Ну, что, — спросил его Серёжка, — во сколько идёшь?

Шурка замялся.

— Так... Вечером.

Ольга пошла домой с подружками, а Шурка, постояв на школьном дворе, отправился другим путём, чтобы не попадаться им на глаза. «Она, наверно, мне позвонит», — думал он, поднимаясь по лестнице на свой этаж. Дома мать тоже спросила, когда он идёт на день рождения. Шурка как можно равнодушнее ответил, что позже и закрылся в своей комнате.

Звонка не было ни через час, ни через два – его вообще не было. Шурка всё понял. Он сам набрал номер Ольгиного телефона. Послышались длинные гудки, потом голос Ольги произнёс весело:

— Алло?

Шурка молчал.

— Я вас слушаю, алло?

Шурка молчал. В трубке раздавалась музыка и звонкий смех девчонок. Потом кто-то сказал: «Девочки, за стол!» Он положил трубку. За окнами темнело. Шурка надел праздничный костюм, взял торт и подарок и пошёл к двери.

— Веди там себя прилично, — сказала мать на прощанье. — Долго не задерживайся.

— Я быстро, — ответил Шурка и захлопнул за собой дверь.

Дом Ольги находился всего в двух кварталах от Шуркиного.

Войдя в подъезд, Шурка огляделся. Никого не было. Сорвав ленту с упаковки, Шурка достал платок и книгу и втиснул их в щель почтового ящика Ольгиной квартиры. Упаковочную плёнку и красивую открытку с розами он бросил в мусоропровод, а открытку перед тем разорвал на три части. После чего Шурка отправился к Серёжке, с которым они и съели шоколадный торт с орехами.

— А что же ты его на день рожденья не взял? — спросил Серёжка, вытирая коричневые от шоколада губы.

— Там своих тортов – целая гора! — соврал Шурка.

— Весело было?

— Ага. Весело. Да чего там, — одни девчонки! Больше не пойду.

— И правильно, — сказал Серёжка и отрезал еще кусочек торта. — Мы лучше на хоккей ходим.

Шурка кивнул.

— Ну-ка, покажи мне свой пистолет...

На другое утро, когда прозвенел звонок, и учительница вошла с журналом под мышкой в класс, Шурка твёрдой поступью прошёл к пустующей первой парте в левом ряду у окна. На Ольгу он не смотрел.

Раечка

Из рассказов бабушки Мани

...Не надо было мне впускать их в избу, прости, Господи, ряженных-то этих! Да что ж, мой грех, мой... Думала, как лучше, а вышло, гляди, совсем наоборот. Вот расскажу по порядку.

В эту войну было. Декабрь студёный выдался. Как говорится, и холодно, и голодно. Оно бы всё ничего, да остались в доме одни бабы – сынков-то моих на войну взяли. А дочери при мне, да... У меня, ведь, трое их, дочек-то, так и управляемся.

Вот помню, незадолго до Рождества, приходит средняя моя – Аннушка – с работы, в строчевышивальной артели работала, что в селе у нас за оврагом, и говорит:

— Можно, мама, я Раечку к нам привезу домой?

Я про Раечку эту уж слыхала, девчушку так звали, татарочку. То ли умерли её родители, то ли потерялись, не знаю, всяко в войну-то случилось. Вот и привезли девчушечку в артель, там она и жила в сторожке. Аннушка рассказывала, будто заболела Раечка крепко, а ухаживать за ней некому. Оно и понятно, у всякого в лихую годину свои заботы. Да... Что ж, думаю, ртом больше, ртом меньше – какая разница, а всё же за девчонкой догляд будет.

— Привози, — отвечаю, — чего уж там, чай, проживём.

На другой день и привезла. Сосед Павел Арсеньтич, инвалид, лошадку запряг и съездили. Я у печки возилась, слышу дверь: бух! Выглянула – с морозу в избе пар, целое облако, а в нём – Аннушка моя да с ней девчонка годов двена-

дцати-тринадцати. Тонюсенькая, что твоя камышинка! Одни глаза, вроде как во всё лицо. Да, глаза... Глаза-то у неё большие были, чёрные, горячие такие...

— Здравствуйте, — говорит.

Вижу, стесняется девчушка. Надо, смекаю, с ней поласковой.

— Здравствуй, — говорю, — доченька. Озябла, поди?

— Йок, — отвечает. И опять застеснялась. — Зима холодный.

— Ну, проходи, у печки вон погрейся. Скоро обедать станем.

Так-то вот мы с Раечкой и познакомились. Оно, конечно, привязалась я к ней, жалела, видит Бог... Да и она, поначалу стеснялась да дичилась, а потом пообвыкла и открыла сердце-то. Доброе оно у неё было, чистое. Всё языку меня своему обучала, что как называется, как говорится.

— Исямисис, — говорит, — здравствуйте.

— Исямисис, — повторяю.

Она смеётся. Будто колоколец серебряный по избе. И я за ней, грешница. Да... А хворь в ней всё одно сидела, притаилась только. Чем болела Раечка, не знаю, а так, что-то вроде лихорадки какой. Днём ничего, а к ночи — как огонь, глаза-то бывало, так и жгут и ко лбу не притронешься. Уж я, грешница, по всякому её лечила: и баней, и травами — без толку. Знахарка была в соседней деревне, Рачихой звали, да померла на Казанскую, а фершал наш — Кузьма Иваныч — и трезвый-то ничего не знает, а уж пьяный — так совсем дурак дураком. Правда, приводила его, оставил порошков каких-то, да я и давать-то Раечке побоялась.

Скоро совсем девчушке плохо сделалось — всё больше лежала, к теплу тянулась, а то наоборот — жарко ей становилось, ровно в бане. Да... Личико-то осунулось, и ручонки, помню, поверх одеяла лежат — тоненькие, прозрачные даже... Прости, Господи...

Тут святки. Это вот я и впустила тогда ряженных.

Война-войной, а ребятишкам повеселиться всё одно надо. Ходят по деревне, где споют, где спляшут — ну, кто — что и подаёт: хлебца там, картошку горяченькую — всё еда. Чем богаты, тем и рады.

И к нам заявились. Я, было, сперва не хотела впускать — на шумят, дескать, холоду нанесут, а потом думаю, что же, пусть поглядит Раечка-то, может, сердешной и веселее станет.

— Открой, — говорю Катюшке (это моя младшенькая). — Пусть заходят.

Зашли человек пять-шесть. Война, понятно. Разве раньше так было! Я помню, сама в девчонках хаживала. Бывало, соберёмся девки вечером — а мороз трещит, звёзды колючие, снег под ногами, что твой поросёнок взвизгивает — и по деревне. А парни за нами... Ну, не про то речь. Так вот, влетели эти мальчишки — в снегу, рожицы сажей вымазаны, у одного подушка под пальтишком засунута, другой в шубе наизнанку. Пляшут, визжат — чертенята да и только!.. Гляжу — смешно, а и заплакать впору. Да что там!..

Вижу, Раечка моя сначала вроде как испугалась, а потом, видно, поняла, что тут игра такая — смотрит, радуется, аж привстала на кровати-то. Щёки покраснелись, а глазёнки — что твои фонарики. И в ладошки хлопает. Вот, думаю, и ладно — всё праздник сердешной. Измучилась, чай, душа у неё на чужбине, без родителей, да хворость ещё эта...

Ушли ряженые, я и спрашиваю:

— Что, Раечка, у вас, чай, такого-то нету?

— Йок, — отвечает, — нет, апа.

Это она меня так называла – апой. Бабка, значит, по-ихнему.

— То-то, — говорю, — понравилось?

— Понравилось. Смешной мальчики...

А сама легла спать, но успокоиться весь вечер не могла, крепко её плясуны чумазые разволновали. Всё расспрашивала – что за ряженые, зачем по домам ходят, ну и всё такое прочее. Я сидела возле неё и рассказывала: про звёзды колючие, лучистые, про Рождество, святки, про молодость свою. Она мне: «Рахмат! Рахмат!» — шепчет. Уж я знаю, что это по-татарски «спасибо».

— Да мне-то за что спасибо, доченька? Это вон ряженым...

— Я знаю, знаю... — говорит. — Ты, тётя Маша – хороший. У тебя сердце добрый...

И ведь, дура я, дура, рассудила – на пользу радость-то, дескать, на поправку дело пойдет. Ан нет. Совсем даже наоборот. После этого вечера в два дня, как свечечка, истаяла, Царство ей Небесное, хоть и некрещёной померла...

Последний наш разговор мне часто вспоминается. Хоть и никчёмный, вроде, разговор был, а вот запомнился крепко.

Утром Раечке полегчало. То все бредила, лопотала по-своему: «Эти!.. Эни!..». Это она маму с тятей звала, ну, как все дети. Да... А тут отпустила её хворь. Лежит, помню, улыбается, покушала даже малость – из окуньков, что Павел Арсеньтич принёс, ухи я сварила.

Дома никого, дочери мои на работе, дай, думаю, полы помою. Вот и скребу половицы, а Раечка глядела на меня, глядела да и говорит:

— Не умеешь ты, тётя Маша, полы мыть!

Смешно мне стало – это я-то не умею!

— А сама ты умеешь ли? — спрашиваю.

— Я умею.

— Ну вот, поправишься и меня научишь.

— Эе, я люблю дома чисто-чисто! Секрет знаю. Тебе расскажу.

— Вот, — говорю, — и ладно.

— Тётя Маш? — спрашивает.

— Ай?

Я — покреститься хочу. В веру вашу...

— Ну что ж, — отвечаю, — это можно. Вот поправишься...

Она затихла. Уснула, думаю. Домыла полы, подошла к ней, а она уж холодная...

Вот такая история. Я и думаю: чему быть, тому не миновать, известно, а всё ж – ну как не впустила бы я тогда ряженных, вдруг оно всё по-иному бы обернулось, и поправилась бы моя Раечка? Али зря себя мучаю, так-то думая? Может, и не зря? Может, нужна была девчужке радость эта светлая? Один Бог знает. И забыть бы, да нет, сколько годов прошло, а не забывается.

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя, грешную... Ведь ещё раз взяла грех на душу. Рачка-то померла некрещёной. Что делать? Как схоро-

нить? В нашей деревне, да и в селе не то чтобы татарского кладбища, у нас и татар-то сроду не бывало. Ну и решилась я – положили Раечку в нашей могилке — все мои сродники в ней. И сама тут лягу, когда час придет.

А пока что, в поминальнике Раечка у меня записана – там мама, тятя, сестра, муж Алексей Иваныч, и сынки мои оба — Александр и Ванюшка, с войны не вернувшиеся. И Раечка там. Ведь перед смертью-то хотела она святое Крещение принять. Прости, Господи! А что? Тоже, однако, – дитя Божие.

СВЕТ НЕСКАЗАННЫЙ

Утренник

Тугие струйки молока звонко ударяют в стенки подойника. Этими звуками всегда начинается утро. И как обычно не хочется вылезать из тёплой постели, умываться ледяной водой на дворе из подвешного рукомойника, ойкая и подпрыгивая от холода. Но бабушка на этот раз неумолима: даже не напоив чаем, берёт меня за руку и ведёт, сердитого и хмурого, за собой в посёлок.

Солнце ещё не взошло, только вдалеке за полем разливается над деревьями бледный, анисовый какой-то, отблеск. И кажется даже, что воздух пахнет яблоками.

Свежо и морозно. Трава, сверкая лёгкой изморозью, поскрипывает под ногами. И вот уже моё плохое настроение вместе с остатками сна растворяется в этом хрустком, ломком, весёлом воздухе.

— Утренник! — говорит бабушка, неопределённо махнув рукой. А мне смешно, потому что я знаю: утренник — это праздник в детском саду с красными флажками и песнями под гармошку слепого дяди Лёши.

— Утренник! — повторяет бабушка. Моё маленькое сердце ещё не умеет восхищаться и даже не знает, что это такое, оно, может быть, в первый раз сладко сжимается от непонятного, необъяснимого, удивительного ощущения Красоты.

...Прошло много лет, теперь я понимаю, что тот утренник остался во мне навсегда. Больше всего на свете я люблю эти часы, когда солнце ещё не растопило серебряных нитей на траве и кустах, тонкой пороши на железных крышах домов, когда воздух пахнет свежей землёй и яблоками — анисом, тем самым анисом, который я так любил собирать под старой яблоней в саду за домом.

И мне всё кажется, что и сегодня в каком-то другом измерении осталось всё это и продолжается вне времени: тонкие снегириныные перья зари на густой синеве неба, неподвижные большие деревья, старуха и мальчик, идущие по полю... И тишина там такая, какой не бывает на свете! Из всех звуков там только один: хруст травы под ногами – ломкой, точно стеклянной, прихваченной ночью молодым морозцем...

Мы шли в церковь на утреннюю службу. Бабушка вела меня к Причастию...

Избушка

Над запрудой, в молодой берёзовой рощице, сквозной и весёлой, стояло неказистое, точно из земли выросшее строение об одном оконце, вырезанном в бревенчатой боковой стене. Дом не дом, сарай, не сарай, а так – избушка на курьих ножках. Кстати, в деревне у нас так её и называли – «избушкой».

Мы, мальчишки, побаивались ходить через запруду вечером. В густеющих сумерках тёмное строение среди белых стволов казалось похожим на большого зверя, присевшего и ожидающего чего-то. Рассказывали, будто старая Августа, что жила на краю деревни у самого оврага, видела раз ночью как упал с неба в рощу огненный сноп. Неспроста он туда упал, это всем ясно: уж конечно, сюда по ночам собирается вся нечисть – ведьмы, лешие, домовые. А что – самое подходящее для них место.

Была у избушки своя загадка, была. Ну, хотя бы и то, что в деревне никто не помнил, когда и зачем избушку здесь срубили. Мы и у Августы спрашивали, а она в деревне самая старая, – нет, и она не помнит. Сколько живу, говорит, столько и стоит на этом месте избушка. Лет сто, значит, а может, и больше.

Мы и про сноп огненный у Августы спросили, только она ничего нам не рассказала.

— Какой сноп? Да вы что, не видала я никакого снопа... Идите-идите, архаровцы!..

Врёт, старая! Не захотела признаться. Но мы с моим другом Славкой набрались храбрости и три вечера кряду лежали в зарослях бузины, ждали, когда

стемнеет и слетит с неба в рощу огненный сноп. Никакого снопа мы не видели, но были уверены, что он слетает, только позже, когда нас уже загоняют по домам.

А днём в избушке мне бывать доводилось. Ищешь, помню, бабушку, кто-нибудь из деревенских и подскажет:

— В избушку ступай. Там твоя бабка.

И бежишь по тропинке вниз сквозь ольховник, по мосточку осклизлому через запруду, а там слушаешь: если тихо, так назад, сломя голову, если поют — шагай смело дальше. Сумрачно тут у запруды и прохладно. Огромная старая ветла склоняется над водой, сквозь её густые ветви не пробиваются солнечные лучи. И тихо, только вода через запруду переливается: бульк-бульк, бульк-бульк-бульк, да из рощи — песня, протяжно и светло. Это бабы поют в избушке — далеко слышать.

*Бывало вспа-ашешь пашенку,
Лошадок распряжё-ошь,
А сам тропо-ой знакомо-у
В зелё-оный сад идё-ошь...*

С берёзок последние листья ветром обрывает. Там, за деревьями, поле — конца и краю не видать. А если встать на краю рощи и смотреть туда, где поле переходит в небо, то чем больше смотришь, тем заметнее, что земля и впрямь круглая.

По-осеннему тихое, неяркое солнце бьет сбоку, и бродят по замшелой стене избушки причудливые тени. Когда песня, не страшно, только удивительно: никого нет, а голоса звучат. Будто избушка сама поёт.

Откроешь с трудом тяжёлую скрипучую дверь и осторожно ступаешь по земляному, утопанному как камень, полу, на котором валяются очёсы, стебли льна, а то и снопы цельные. По ступенькам узкой лестницы — наверх. Тут навроде чердака, бабы сидят полукругом, раздёргивают льняные стебли на волокна — треплют и чешут лён.

Помню — руки. Тёмные, вены под кожей, точно корешки молодой рябины, взятой из земли для пересадки. Старые руки, а быстрые, ловкие. Они живут как бы сами по себе. Бабы разговаривают неспешно, а руки так и порхают — делают своё дело. Уж на что Августа старуха древняя, а и то руки у неё, как у молодой — скорые, с тяжёлым гребнем управляются только гляди!

Работают бабы и поют. Одна песня сменяет другую. И знакомые, и такие, что по радио не услышишь. Этим песням, как и избушке, сто лет, наверно.

«Ванька-ключник»

Бабушка моя песен знает великое множество. Долгими вечерами сидим мы с ней дома, огня не зажигаем — сумерничаем. Поёт она негромко – и «На муромской дорожке», и «Всё васильки, васильки», и «Степь да степь кругом», и «От павших твердынь Порт-Артура», «Гора Афон, гора святая» – много всяких. Одна песня особенная. Про Ваньку-ключника:

*В саду ягода-калина,
Принакрывшись, расцвела.
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.*

По радио другие песни поют. Громкие, бодрые, от них прыгать и бежать куда-нибудь хочется. А эта – не то. Когда её слушаешь, кажется, тебя и нет вовсе.

*А у князя был Ванюша,
Ванька-ключник молодой.
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.*

С этим Ванькой-ключником у меня особые воспоминания. Бывало, запоёт про него бабушка, а я так и вижу:

*Вот идут, ведут Ванюшу,
Ветерочком кудри вьёт.*

*А княгиня молодая
Потихоньку слёзы льёт.*

Уж так-то мне Ванюшу жалко! Не ясно только, за что же злой князь казнил удалого ключника. Спросишь у бабушки, а она:

— А за то, мой мальчик, что княгиня его полюбила.

— Ну так что?

— Как – что? — растеряется бабушка. — Чай, она была мужняя жена.

— Ну? — не понимаю я.

— Вот тебе и «ну»! — сердится она. — Грех, поди.

— Почему грех-то?

— Охти, тебя! Вырастешь – узнаешь.

Ну и ладно. Не хочет говорить – не надо. Песню я всё равно люблю. Видался мне Ванюша в образе нашего деревенского плотника Мити. Тоже – голова кудрявая, идёт – шапка на затылке, лихо так, а ветер волосы развевает. И терем я видел, в котором «свет-княгиня» жила. Представлялся он мне той избушкой в берёзовой рощице, залитой тихим предзакатным светом. А наличники у терема были кружевными, как на окнах дома у Мити-плотника.

Печально и светло от тех песен. А ещё – стихи. Старые. Таких в книжках не было.

*Город чудный, город древний,
Ты разнёс во все концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.
Опоясан лентой пашен,
Весь белеешь ты в садах.
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..*

Нараспев читает бабушка, и встают передо мной в темноте яркие картины никогда не виданной Москвы, и жжёт в груди то от неясной тоски, то от острой жалости. Это когда про Стеньку Разина.

*Вот и помост перед Стенькой,
Разин бровью не повёл.
И наверх он по ступенькам
Бодрой поступью взошёл.*

Это ж надо! Ведь на казнь! И не страшно ему? А может, и страшно, только он такой, Стенька-то, – сильный и гордый.

*Поклонился он народу,
Помолился на собор.
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор.*

У меня перехватывает горло. Но еще креплюсь.

*Ты прости, народ крещёный!
Ты прости, прощай, Москва!..
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.*

Вот и плачу. Тихонько, чтобы бабушка не услышала. В темноте она не видит, как слёзы горохом катятся по моим щекам.

— Ещё, бабушка, ещё!

Она кладёт руку мне на голову.

— Что же тебе ещё рассказать, мой мальчик?

И рассказывает, рассказывает. Поёт своим старческим голосом...

В ту пору в деревне пели часто. Ну, мужики, конечно, по праздникам, а бабы – и за работой. Не только, когда лён трепали. Помню, с поля возвращаются – грабли на плечах – и поют, громко, заливисто. А то в поле: прибежишь, бывало, к бабушке за гривенником на кино, а её звено снопы вяжет – золотые, тяжёлые. Наставлено их домиками видимо-невидимо по всему полю. Солнце садится. И свет над полем несказанный. И песни. Далеко разносятся они над жнивьем. Вспомнишь – и щемит, щемит в груди. Сладкая и чистая боль. Не боль даже, а такое, что и словами не высказать...

— Так что спеть тебе, мой мальчик?

— Про Ваньку спой, про Ваньку-ключника.

— Ну, слушай...

«Наслещики»

По большим праздникам – на Рождество, на Пасху – дома у нас собиралось множество старушек из окрестных деревень. «Наслещики» – называла их бабушка, и я думал, что это от слова «наследить» – после гостей оставался в доме беспорядок, хотя были старушки все чистенькие и аккуратные, ничего не ели, только пили чай из самовара с твёрдыми, как камень, баранками. Как-то спросил у бабушки про эти «следы». Она рассмеялась:

— Полно, что ты, да какие от них следы?

— А почему тогда – «наслещики»?

— Ночуют у нас, вот и наслещики. Всегда так говорили. И мама моя, Царство ей Небесное, помню, тоже так их называла.

Всё же я эту загадку разгадал. Только позже. В школу уже ходил и однажды в каком-то рассказе наткнулся на слово «ночлежка». И выстроилось в голове: «ночлежка» – «ночлежники» – «ночлещики» – «наслещики». То есть те, кого пускают в дом переночевать.

Деревня наша в двух шагах от посёлка, а в нём – единственная на всю округу церковь. Вот на большие праздники и стекается сюда люд из ближних и дальних селений. Отстоят службу, помолятся, за упокой подадут и за здравие, а там назад, домой, километров за десять пешком, в какие-нибудь Таборы, Полу-бенки или Мортки.

В такие дни в доме у бабушки празднично. Почищены ризы у икон, масло в лампадке свежее затеплено, полы намыты и выскоблены добела. И вот «наслещики» появляются, на иной праздник с дюжину, не меньше, их у нас ночует. До

всенощной сидят, потом уходят в церковь и возвращаются утром, а то и к полудню. Чаю напьются – и в путь по заснеженным дорогам.

Но главное – пока сидят, сумерничают. Песни, бывает, поют, ещё мной неслыханные. Вот про Митрофановское кладбище, например. Как отец на этом кладбище дочку свою зарезал по наущению мачехи. Жуть. Ещё – стихи, а чаще рассказывают истории всякие – про жизнь святых, мучеников. Помню страшный такой рассказ о том, как голову Иоанна Крестителя на блюде царю принесли. Я эту голову видел у нас в церкви на аналое под стеклом. Как настоящая! Много и о чудесах разных. Сидишь, бывало, в уголке и слушаешь, слушаешь, а по спине – холодок, мурашки между лопаток так и бегают.

— Ну вот, пришла ей, значитца, на второго сына похоронка, — притаённо говорит тётка Прасковья, постоянная наслещица из далёкой залесной деревни. У неё большая, что твоя горошина, родинка на носу. Из-за этой родинки сухое лицо тётки Прасковьи с впалыми щеками и острым, выдающимся вперёд подбородком, кажется очень добрым. Она и правда, добрая. Всегда мне то пряник, то просвируку принесёт. Вот продолжает:

— Поплакала над похоронкой-то, да и возроптала. Как же, мол, так – и мужа убили, и сынков обоих. Куда ж, дескать, Господь глядел?! Я ли не молилась, говорит, я ли свечи не ставила?.. Тут нехорошо с нею сделалось – в сердцах к божнице кинулась, схватила икону – Николу, значитца, Чудотворца Мирликийского – да об пол. Только схрупало. Икона, конечно, пополам.

— Ох, батюшки! — восклицает кто-то из старушек. — Николу? Да неужто?

— Я тебе говорю – его, Угодника, — строго отвечает тётка Прасковья.

— Прости, Господи, грехи наши! — со вздохом восклицает густой голос из «красного» угла. Это – Антиповна, тоже гостья частая.

— Дальше слушай, — продолжает рассказчица. — Заревела она, сердешная, икону-то сложила и спать легла. А утром встала – что ты думаешь – икона на божнице цела-целёхонька. И трещинки даже нету.

— Вот чудо-то! — шепчет рядом со мной старушка, такая горбатая, что даже сидеть, не опираясь на палку, не может.

А тётка Прасковья заканчивает рассказ:

— И ведь что – вернулся её сынок-то. В плену был у немцев. Да... Только сама она с той поры маленько не в себе стала. Ходит по деревне и всё шепчет, шепчет. А то молиться начнёт прямо среди улицы...

И других историй полно. О ведьмах, домовых – всякой разной нечисти. Однако реже, да и то с оглядкой, с постоянным крестным знаменьем и поглядом на угол, где теплится лампадка перед святыми ликами. Там и Николай есть, Чудотворец. Потемнелая такая икона, старая, наверно, очень. На ней – седой старик с крестовым воротником. Уж так хотелось мне снять его с божницы да посмотреть – нет ли где трещинки. А – страшно. Рассказывала мне бабушка:

— Николу Чудотворца любят все и уважают. А то как же! Он ведь – бедных защитник. В горестях и бедах – первый помощник. «Правило веры и образ кротости...» Да... Обратишься к нему с молитвой – если от сердца, не откажет, поможет завсегда. Святителю отче Николае, моли Бога о нас!

Я к Чудотворцу обращался. Что-то стало мне казаться тогда, что бабушка моя скоро умрёт, и я просил святого: пусть этого никогда не случится.

Прихода «наслещиков» я ждал с нетерпением. Спрашивал у бабушки, когда придут.

— Вот погоди, — отвечала она, — праздник скоро, Покров, тут и пожалуют. А ты, чай, с нами к заутрене пойдёшь?

— Пойду! — уверенно заявляю я.

Просплю, конечно. Жалеет меня бабушка, не будит. И только два раза в году строго – без никаких поблажек – водит меня к причастию. Это в Великий Пост и на именины, в октябре, когда празднуется память святого князя Владимира Новгородского.

...Годы прошли. О ком сегодня помолиться мне? О чём просить Спасителя?

Об исцелении души? Подай, Господи!

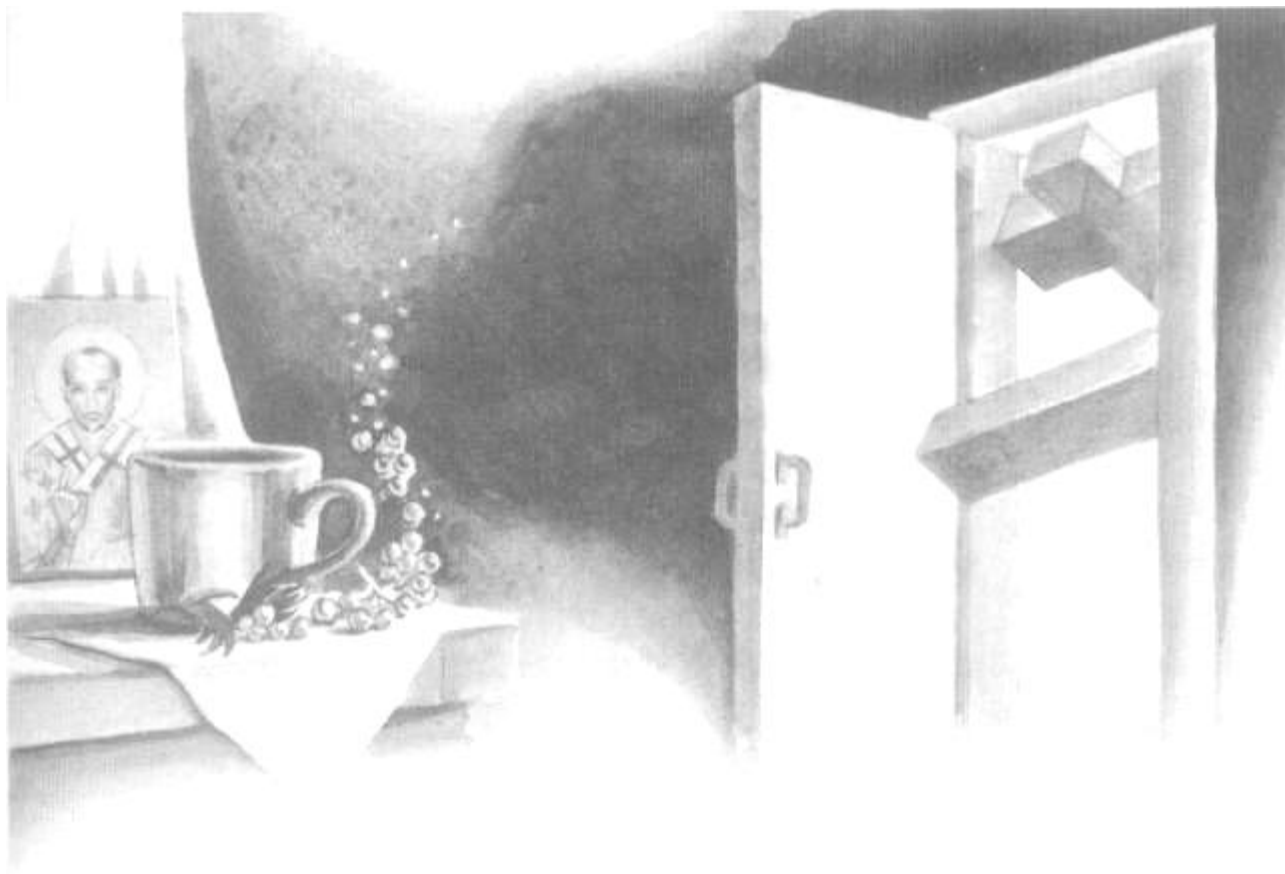
О детях моих, чтобы и у них в жизни была своя избушка в сквозной берёзовой рощице, и морозный анисовый утренник, и тихий свет над августовским полем? Даруй им, Господи!

О душе бабушки, пребывающей там, в заоблачных полях, уставленных без конца и края золотыми снопами? *Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.*

Из той, неведомой нам жизни пришла она ко мне однажды ночью и, присев на край кровати, заговорила таким знакомым родным голосом. И тоска несказанная в последний раз острой иглой проколола моё сердце.

— Ну, полно, мой мальчик! Всё будет хорошо. Ты ведь уже большой и знаешь, что такое смерть. Не рви сердце. Коли помнишь про меня, значит, я тут, возле тебя, рядышком. Я всегда буду с тобой в трудный твой и радостный час. Не плачь, мой мальчик. Вот кончается ночь, и утро высушит твои слёзы!..

Животворящий Крест

Осенью, когда по деревне полетели первые лёгкие паутинки, я заболел. Бабушка сказала, что в речке перекупался. Но это не так. Потому что перекупаться вообще нельзя, не докупаться – это я понимаю, это ещё можно, а перекупаться – нет.

Получилось у меня воспаление лёгких. Я никому не советую болеть воспалением лёгких: что хорошего валяться две недели в кровати? Да ещё с высокой температурой. А когда встанешь, комната так и плывёт – стол на потолок уходит, а божница с иконами – под окно. И ноги слабые, не держат. Так что не успеешь и шагу сделать, как опять в кровати оказываешься.

Помню сквозь жар, как приходил фельдшер из посёлка, слушал меня трубкой и качал головой. На голове у него волос мало и лёгкие они, словно пух – так и хочется подуть как на одуванчик. Я и хотел подуть, но бабушка пригрозила мне пальцем. Имя у фельдшера было чудное – Капитон, Капитон Евдокимович.

— Дело нешуточное, — говорил он бабушке. — Да, нешуточное... Гм... Надо бы в больницу его, — он кивнул на меня.

— В район.

Бабушка сокрушённо охала.

— Да как же, батюшка, в район-то? Как один там мальчонка-то будет?

— Не хочу в больницу! — крикнул я и вдруг, сразу ослабев, уснул. Ничего больше не помню.

В больницу меня бабушка не повезла, лечила сама как умела. Хуже всего было ночью. Я бредил, и мне часто снился один и тот же неприятный сон. Снилось, будто я смотрю от реки на тропинку, которая сбегает с горы, а по той тропинке, вернее, наперерез ее, голый человек толкает перед собой огромный короб, в котором горит огонь. Короб медленно двигается, а языки пламени так и рвутся из него, даже меня, хоть я и далеко, обжигают.

Я просыпался весь в жару. Бабушка обычно сидела на краю моей кровати, подперев кулаком голову. В комнате было темно, только лампадка у образов чуть теплилась.

— Что, мой мальчик? Чего тебе хочется? — спрашивала бабушка, заметив, что я проснулся.

— Калины, — шептал я, облизывая сухие губы и снова закрывая глаза.

Да, калина меня, можно сказать, на ноги поставила. Бабушка толкла её в большой глиняной кружке, добавляла мёду и давала мне. Я ел сладко-горькое месиво, и мне становилось легче.

Когда я не спал, бабушка тихонько пела песни, рассказывала стихи и разные истории, до которых я был большой охотник. Одна из таких историй — о Животворящем Кресте — особенно врезалась мне в память.

Произошло это давно, когда ещё бабушка была маленькой. Ну, лет сто назад, наверное, не меньше. Недалеко от нашей деревни есть село. Я его знаю, проезжали на автобусе, когда ездили с бабушкой в район летом. В самом центре села и сейчас ещё стоит колокольня, высокая такая, из белого кирпича. А раньше, рассказывала бабушка, и церковь стояла. Знаменитая была церковь, древняя, в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня. И хранился в этой церкви чудесный крест. Он и в церковь-то попал чудом. Будто бы однажды проходил недалеко от села через болото человек, да и стал тонуть в трясине. Совсем было уж утонул, как вдруг ноги его почувствовали опору. Так и спасся. Пришёл он потом в село и рассказал обо всём. Мужики, конечно, собрались и пошли поглядеть на то место. И в болотину полезли — охота пуще неволи. Залезли в болото, нащупали ту опору и достали из трясины крест.

— Большой был крест, выше человеческого росту, — рассказывала бабушка, а я слушал, затаив дыхание, даже про калину и кружку забыл. — Да, выше, я сама видала, — она перекрестилась на образа. — Раньше на праздники тот Крест по домам носили — по всем деревням, бывало, носят...

— А зачем по домам-то? — спрашивал я.

— Так чудодейный был Крест. Болящим исцеление давал, бедным — утешение. Занесут его в избу, батюшка кадит, и все поют:

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...

— Баб, а в болоте-то Крест не сгнил, что ли?

— Нет. Чай, не простой был. Животворящий Крест, святой. Помню, сосед наш, Матвей Иванович — ноги у него не ходили — приложился к Кресту и, что ты думаешь, пошёл ведь! Да... Бывало, приносят Крест в деревню, так ведь что — в иную избу запросто занесут, а в иную — хоть и большая изба-то, и ворота широкие — не идёт Крест и всё тут!

— Почему?

— А потому, родное сердце, что и в малой избёнке праведно люди жить могут. В такую, значит, и Крест входил без труда. А другая изба, что твои хоромы, да живут в ней люди недобрые – так и не пойдёт в неё Крест. Понял ли?

— Понял.

— Ну и ладно.

— Вот бы к нам этот Крест сейчас занести, я бы скоро поправился!

— Конечно.

— А он к нам вошёл бы, в дом-то?

Бабушка вздохнула.

— Это, мой мальчик, один Бог знает.

— А ты как думаешь?

Она гладит меня по голове. Рука у неё прохладная, так приятно ощущать её на горячем лбу.

— Вошёл бы, конечно, думаю, вошёл бы, — отвечает она.

Я задремал, и бабушка замолчала.

Так мы с ней часто беседовали. Иногда сквозь сон я видел, как она встаёт, тяжело вздыхая, опускается на колени перед иконами и начинает шёпотом молиться. Молится она долго, я почти никогда не могу дождаться, когда она подымется с колен, засыпаю.

И вот однажды ночью, когда я наблюдал за бабушкиной молитвой, меня как кипятком обдало: а ну как бабушка умрёт?! Раньше я никогда об этом не задумывался, и теперь сердце моё сдавила неведомая прежде жалость. Я представил бабушку, лежащую в гробу со свечкой в руках наподобие бабки Гани, нашей соседки, которая умерла в начале лета, и мы со Славкой ходили на неё смотреть.

Слёзы потекли у меня из глаз, и я, как ни крепился, всхлипнул.

Бабушка услышала и подошла к кровати.

— Что? Что с тобой? — спросила она, наклоняясь надо мной.

Я не отвечал, уткнувшись в подушку.

— Да скажи ты мне, наконец, родное сердце, что стряслось-то? — тормошила она меня за плечо.

Немного успокоившись, я повернул к ней голову.

— Баб, а ты... умрёшь?

— Я?.. Ну да, конечно, умру когда-нибудь.

— Не скоро?

— Уж как Бог даст. Что это ты вдруг?

— Так... Почему люди умирают?

— Вот те на! Ответь-ка ему!.. Почему умирают... А как же иначе? Смерти никто не избежит, так Господу угодно.

— Зачем?

— Это не нам знать. — Бабушка помолчала. — Да и не надо знать-то... Живи на свете по заповедям Божиим, чтобы дал Он мирную и непостыдную кончину – и весь наказ тут. А час придёт, так и умрёшь, как полагается.

— Значит, Бог жизнью распоряжается? — спросил я.

— А то кто же? Конечно, Он — Господь наш — и жизнью, и смертью.

— И Он может сделать так, чтобы человек дольше жил?

— Может. Он всё может. Да будет тебе, спи, не задавай вопросов, они от лукавого.

Я замолчал и стал обдумывать одну мысль, которая пришла мне в голову во время разговора. О чём бабушка молится? — думал я. — Что у Бога просит? Наверно, просит, чтобы не торопился посылать ангела по её душу. Точно. А то как же — если она умрет, с кем я-то останусь? Папа с мамой когда ещё приедут! Значит, надо и мне попросить Его за бабушку. Детская молитва скорее дойдёт. Так бабушка говорит. Попрошу, чтобы бабушка жила долго-долго! Только вот сделать это надо так, чтобы никто не видел и не слышал. Кроме Бога, конечно. И я решил помолиться, когда бабушка куда-нибудь уйдёт.

Такой случай долго мне не предоставлялся. Я уже стал помаленьку вставать с кровати, и комната уже не кружилась у меня перед глазами. Дело шло на поправку. Я бродил по дому, глядел в окно на молодой клён возле плетня, который, пока и болел, стал совсем красным, просто огненным. Ветер срывал с клёна листья, и они, кружась, падали в траву. Целая груда нападала, даже и травы было не видно.

И вот, где-то в конце сентября, бабушка собралась в церковь.

— Я быстро обернусь, — сказала она. — Ты уж один посиди, ладно? А то, хочешь, я Славку приведу?

В другое время я бы обрадовался, но сейчас друг мой Славка не входил в мои планы.

— Нет, — ответил я. — Посижу один. А Славка вечером придёт.

— Ну, как знаешь. А мне надо к празднику. Большой нынче праздник-то — Воздвижение Креста Господня.

— Это про который ты рассказывала?

— Нет. Крест другой, конечно. На нём Спаситель был распит. А мать царя Константина, Елена, нашла Крест на Голгофе.

— А тот, из болота, где теперь?

— Бог весть. Сказывали, в музее его поставили. Не знаю. Кто сейчас разберёт? Церковь давно разрушили, одна колокольня в небо перстом торчит... Спаси, Господи, люди Твоя...

— Ну ладно, иди, а то опоздаешь на праздник.

Я видел в окно, как бабушка прошла мимо дома, свернула за угол на дорожку, ведущую в посёлок. Потом задёрнул занавески на всех окнах, чтобы никто не подглядел, как я буду молиться.

На божнице у нас стояло много икон: и старые — большие и тёмные, и маленькие из картона, эти были совсем новые, их бабушка приносила из церкви. Из всех образов я знал Спасителя, Богородицу, Николая Чудотворца и ещё батюшки

Серафима с маленькой иконки, на которой он был нарисован стоящим на коленях в лесу, и рядом с ним лежал топор.

Я нашёл спрятанные бабушкой спички, зажёл свечу, а от неё, как учила бабушка, лампадку перед образами. Потом опустился на колени и стал смотреть на лики святых, не зная, кого же из них просить за бабушку.

В доме было тихо, только часы-ходики за перегородкой громко стучали. Остановив свой выбор на Николае Чудотворце, я, глядя на тёмную икону, на которой едва просматривались кресты на одежде старца с высоким лбом, держащего в одной руке книгу, стал вспоминать молитвы. Твёрдо помнил я две — «Отче наш» и «Богородицу». Ещё «Верую», но не всю, до слов «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна...». Что потом, запомнить не мог. Но эти молитвы как-то не подходили к тому, что мне было нужно. На всякий случай я негромко прочитал их, а как быть дальше? С божницы на меня строго смотрели лики святых, я чувствовал смущение и страх: вот собрался попросить бабушке долгих лет жизни, а как это сделать, не знаю. Главное, с чего начать, как обратиться к Николаю Чудотворцу? Просто Николай — боязно, всё-таки старый уже человек, дядя Коля — к святому так, пожалуй, нельзя. У меня даже голова начала немного кружиться и на глаза навернулись слёзы.

В конце концов, я подумал, что какие бы слова я ни сказал, на небе меня всё равно услышат и поймут — там же знают, что я ещё маленький и не все молитвы знаю. И ещё я дал себе слово, что обязательно спрошу у бабушки, как надо молиться Николаю Чудотворцу.

— Батюшка Николай Чудотворец! — начал я. — Сделай, пожалуйста, так, чтобы моя бабушка, — я назвал её имя, — никогда не умерла... То есть, нет, если так нельзя, то пусть живёт долго — долго...

Тут я вспомнил о маме и папе. Как-то не хорошо получится: за бабушку прошу, а за родителей нет. И я добавил:

— И ещё папа и мама пусть долго живут... И никто из них пусть не болеет. Особенно бабушка, потому что она уже старенькая, у неё ноги болят и сердце, она скоро умереть может. Но я её очень люблю и жалею, поэтому ты помоги мне — пусть она живёт ещё много лет, она добрая и всегда Богу молится... и тебе тоже, я вижу, как она ночью кланяется иконам.

Сделай так, батюшка Николай Чудотворец, и я всю жизнь буду тебя любить и свечки тебе ставить, а как молиться тебе, я у бабушки спрошу...

Сердце моё сжалось, и я заплакал. Строгие лики на божнице заколыхались и расплылись в сплошное светлое пятно, в самой середине которого было яркое сияние от лампадки. Говорить я уже не мог, слёзы катились из глаз горохом, и я вытирал их со щёк обеими руками, но они всё катились, горячие и солёные...

Вечером, когда бабушка, подоив корову и протопив печь, присела ко мне на кровать, я спросил:

— Баб, а как Николаю Чудотворцу молятся?

— Как молятся? Да как и всем святым. Что это ты вдруг?

— Так... Молитва же, наверное, есть специальная?

— Ну да. Конечно, есть. — Бабушка внимательно на меня посмотрела. — И не одна.

— Скажи мне.

— Слушай, вот какая молитва. И она стала говорить слова, а я про себя повторял их за ней: *«Святителю отче Николае, ноли Бога о нас»*.

— Значит, если у него попросить, он потом Богу передаст?

Бабушка улыбнулась и погладила мне волосы.

— Ну, вроде того. Он за нас Христа молит.

Скоро я уснул и в ту ночь мне не снился голый человек, толкающий короб с огнём. Приснилось, что в наш дом занесли Животворящий Крест. Он был такой огромный, но в комнате поместился свободно. Возле Креста стоял высоколобый старик в сверкающих одеждах с крестовым воротником. В одной руке он держал раскрытую книгу, а в другой блестящее кадило на цепочках. Ласково улыбаясь, старик размахивал кадилом, из которого сизыми клубками вылетал дым, и я чувствовал тонкий запах ладана.

Я крепко спал до самого утра и проснулся совсем здоровым.

Царь-цветок

На Рождество в ту зиму морозы ударили, каких давно не бывало. В комнате, когда кто-нибудь входил или выходил, врывались из сеней белые клубы пара. Стёкла на окошках густо заиндевели. Диковинные цветы, павлиньи перья, резные листы папоротника, сказочные башни и звёзды – можно глядеть часами и фантазировать сколько душе угодно, что я, впрочем, и делал – благо, времени в каникулы полно, а гулять мороз не пускает.

Тем не менее, жуткий холод не помешал в праздничную ночь собраться в доме бабушки «наслещикам». Старухи разместились, кто где – по лавкам у стола, и на кроватях вдоль стен, так что место нам со Славкой досталось лишь на печке. А мы и рады были тому – отсюда куда удобней слушать байки «наслещиц», которым в такие вечера конца нет, – говорят и говорят, пока не придёт время отправляться в церковь на ночную службу.

В печке, где-то глубоко под нами постреливают дрова. Тепло. В комнате полумрак – только лампадка горит у образов в углу, да на столе чуть коптит керосиновая лампа.

— Вот так, бабоньки, — негромко и как-то таинственно рассказывает не старая ещё женщина по имени Агафья. — Сам он мне говорил, вот крест, — она перекрестилась, — ты, говорит, Гапа, верь мне, сорву я Иванов цвет, и будем мы с тобой богатыми, свадьбу сыграем...

Она замолчала.

— Ну? — не вытерпела соседка наша Софья.

— Свадьбу-то мы сыграли, а цветок он так и не сорвал. Да я и не пускала его. Вот, говорю, что за дурь выдумал — Иванов цвет!.. А потом на фронт Стёпу взяли, под Москвой и погиб...

Все замолчали. Стало слышно, как тикают ходики за перегородкой.

— Да, сказки это всё про цветок-то, — сказала Софья.

— Может, и сказки, — ответила, вздыхая, Агафья, — а Степан мой верил. Кто сорвёт, говорил, цветок в Иванову ночь, тому все клады откроются.

Мы со Славкой свесили головы с печки и, затаив дыхание, слушали.

— Всем травам царь, — продолжала Агафья. — Да, чай, дело известное. Ты, Лексевна, — обратилась она к бабушке, — лучше меня про травы-то всё знаешь.

— Ну, что я знаю, — отозвалась бабушка. — Так, беру кой-какие от хвори разной, как мама учила.

— Чай, и на Ивана Купалу рвёшь?

— Это да. Рву. Медвежье ушко. Травка полезительная.

— А про папоротник, знаешь?

— Что знать-то? Никто не видал, как он цветёт. Да и цветёт ли?

Они ещё долго говорили про разные страсти, которые выпадают на долю отчаявшегося отыскать цветок папоротника, а мы мотали всё это на ус. Страсть как нам захотелось найти царь-цветок. По прошествии нескольких недель я спросил у бабушки, когда празднуют Ивана Купалу.

— Не Ивана Купалу, — строго ответила бабушка, — а Иоанна Предтечу, Крестителя Господня, запомни это.

— Ладно. Так — когда?

— А тебе зачем? — вдруг заинтересовалась бабушка и засмеялась. — Или папоротник искать собрался?

— Да, — ответил я. — Нельзя что ли? Вот найду цветок...

— Полно, родное сердце, не цветёт ведь папоротник-то.

— Как это не цветёт? А тётка Агафья рассказывала...

— Вон что, — бабушка погладила меня по голове, — ты только слушай наслещиц-то, они наговорят.

Я рассказал о разговоре с бабушкой Славке, и мы решили, что она всё-таки скрывает от нас правду про Иванов цвет, боится, что мы пойдём его добывать, а там мало ли что случится.

Конец зимы, весну и начало лета мы со Славкой разрабатывали планы похода за папоротником. Долгими зимними вечерами, лёжа на тёплой печке, шептались.

— Неужели, — говорил Славка, — все клады нам откроются?

— А как же! Все до единого. Зря говорить старые люди не будут. Первым делом сокровища Стеньки Разина отыщем. Тут они, на берегу Волги, только никому не известно место, где зарыты. А нам цветок укажет.

— Ладно, начнём с этого клада, а потом и до других доберёмся. — Славка замолчал. — Вот только я не пойму, что же никто до нас цветок не сорвал?

Вопрос был резонный, и как ответить на него я не знал.

— Может, кто и срывал... В старину, наверно...

— А я думаю, боялись все, — Славка придвинулся ко мне ближе. — Помнишь, тётка Агафья рассказывала, будто бы вся нечисть гонится за тем, кто цвет сорвёт?

— Помню. Ну, мы ведь не робкого десятка, верно?

— Верно. Сорвём — и бегом назад.

— Попробуй-ка нас догони! Только помни — оглядываться нельзя.

— Я помню. Агафья говорила — кто оглянется, с ума сойдёт. Тем временем жизнь в деревне катилась своим чередом.

За морозами пришла оттепель. Белые игольчатые перья, мохнатые еловые лапы, листья папоротника на стёклах в один день исчезли, а лотки на подоконниках наполнились талой водой. Как-то раз бабушка вернулась из церкви и радостно сказала с порога:

— Ну, вот и весна не за горами. Марья-зажги-снега нынче.

Я сидел за столом и решал задачку, которая ни за что не хотела решаться.

— Кто? — кажется, такого имени я от бабушки ещё не слышал.

— Марья-зажги-снега, заиграй-овражки. День такой. К теплу пошло.

— Красиво назвали, ничего не скажешь.

Бабушка засмеялась.

— А ты на улице-то был?

— Был, как же.

— Значит, видел, как солнце в сугробах горит. То-то.

Вскоре повисли на скатах крыш сосульки, которые мы со Славкой сбивали палками. Потом вдоль улицы потекли ручьи. С каждым днём они становились всё шире и глубже, вода в проталинах стремительно неслась к оврагу, а там наподобие водопада с шумом срывалась вниз — к запруде. Это время — одно из самых интересных, потому как пора кораблям отправляться в плавание. Школа с её скучными заботами отошла в сторону. Все вечера, наскоро сделав уроки, мы вырезали из сосновой коры кораблики, оснащали их, чтобы назавтра запустить в мутную бурлящую воду и бежать следом за ними по рыхлому снегу, зорко следя, чей придет к оврагу раньше.

Отошло время корабликов, начался ледоход на Волге. Тут занятие не менее интересное, но довольно опасное, поэтому родители не знали, куда мы исчезаем после школы. А мы, забросив под стол портфели, мчались на реку, где в кустах краснотала были припрятаны длинные шесты — главное оружие при катании на льдинах. Течение у берега было не сильным, и мы, забравшись на льдину, потихоньку отталкиваясь от дна шестом, пробивались вперёд, к чистой воде. Иногда перескакивали с льдины на льдину, бывало, что срывались и плюхались в воду — благо, что глубоких мест вдоль нашего берега нет. Дома в таких случаях приходилось врать, дескать, провалился в канаву у дороги. «И где вы только канав находите», — ворчала бабушка, развешивая нашу задубевшую амуницию возле тёплой печи.

А после льдин, в мае, — ловля плотвы, у нас её называют сорожка, на муравья. Вот уж забава! Солнце вовсю пригревает, вода в реке очистилась от мути, на деревьях чуть заметные свежие листочки, словно облако вокруг стволов — хорошо! Снасть не хитрая — поплавок «гусинка» да мормышка «дробинка». И

рыба, видно, соскучившись за зиму по кисленькому, ну хватать копошащихся на крючке Муравьёв! Вот был поплавок – и нету. Только успевай подсекать.

Сорожку ловили обычно в Крестовском заливе – и от дома недалеко, и клёв отменный. В этом-то заливе мы и надеялись летом отыскать царь-цветок, зная по рыбалке, какие густые тут по северному склону заросли папоротника.

— Вот только, как нам из дому вырваться? — говорил Славка.

— Придумаем что-нибудь, — отвечал я ему, хотя ума не мог приложить, что тут можно придумать.

Дело в том, что царь-цветок, если верить тётке Агафье, а мы ей к лету верили уже безоговорочно, надо рвать в полночь. А нас из дома с ночёвкой не отпускали.

— Идите рыбачить чуть свет, — наказывала бабушка, — но чтобы к темноте вернулись. Мы обычно так и делали, а если когда и ночевали на берегу, так со взрослыми, или старшими мальчишками.

И вот Славка однажды придумал.

— Слушай, — говорит, — давай возьмём с собой Витьку?

— Ты что, рассказал ему про папоротник? — заподозрил я недоброе.

— Нет ещё... — неуверенно ответил Славка. — Расскажу, если возьмём.

Витька был старшим братом Славки, ему исполнилось уже пятнадцать и с ним, действительно, нас могли отпустить на ночь. Только больно уж не хотелось посвящать задаваку Витьку в нашу тайну.

— Скажем, что пойдем на рыбалку в Кресты, — уговаривал Славка, — возьмём удочки...

Я уже не сомневался, что дружок мой проговорился брательнику. Тем более, что было делать? И я согласился.

— Только, Славк, ты ему всё про цветок-то не говори пока, потом скажем. А то ещё сболтнёт кому-нибудь из своих пацанов.

— Ладно. Я ему скажу, мол, на рыбалку пойдем, ну и как цветёт папоротник посмотрим. И всё.

На том и порешили.

Наступил июль. У нас под окном зацвела липа. Да так густо зацвела – прямо, как в снегу, и запах по всей деревне, аж голову кружит. Бабушка липовый цвет собирает и сушит, потом складывает в белый матерчатый мешочек – на зиму, от болезни. Она много всяких корешков, трав и цветов собирает, некоторые даже ночью и высушивает по-разному – какие в тени, а какие на солнышке. Потом настаивает – в подполье целые батареи банок стоят с её снадобьями. Но я эти настойки не пью, а зачем, я и болеть-то не болею, ну редко очень. Зато люблю, когда она заваривает ягоды шиповника. Заварка получается такой красивой, тёмно-красного цвета и вкусная. Бабушка говорит, что и полезная к тому же, – этого сказать не могу, не знаю.

За неделю до праздника Ивана-Купалы (ох, не любит бабушка, когда так говорят про этот праздник и всегда поправляет – «Иоанна Предтечи, родился Креститель Господень в этот день»), так вот за неделю до праздника мы стали готовиться к походу, говорили дома, мол, на ночь рыбачить идём скоро.

— Как так на ночь? — строго спросила бабушка. — А кто вас отпустит?

— Так мы это, мы с Витькой, — объяснял я не очень уверенно. — Он уже взрослый, у него вон усы растут. Отпустишь? |

— Когда?

— В пятницу, шестого, — выпалил я.

— Шестого? — переспросила бабушка. — Ишь, как точно. Али рыба-то по числам клюёт?

Да-а, бабушку не больно-то проведёшь. Всегда ухо остро держать надо.

— Нет, ну мы так решили... У Витьки время свободное, вот и...

— Ладно, поглядим, как доживём.

Что ж, полдела сделано. Мы со Славкой перебрали удочки, наточили ножи, приготовили топор и зачем-то моток верёвки, взяли котелок, спички, соль — словом, всё, что нужно. И тут — на тебе — Витька нам заявляет, что не может пойти в этот день с нами. У нас аж руки опустились.

— А чего ты? — насупился Славка. — Ведь обещал.

— Мужики, — заговорческим шёпотом сказал Витька. Не обижайтесь, но давайте в другой раз.

— Да какой другой раз, — чуть не закричал Славка. Какой ещё другой раз! Иванов цвет только этой ночью бывает, раз в году, понял?

— Да знаю я, знаю, — шептал Витька. — Ну не могу. У меня... В общем, Нинка, девчонка моя, со мной всю ночь гулять согласилась...

— Что она в другую ночь не согласится, что ли? — не успокаивался Славка.

— Не согласится. Не отпускают её, а тут мать в город уезжает к старшей дочери, а отец дежурит ночью. Вот Нинка мне и говорит, пойдём, говорит, на реку ночью венки по воде пускать. Ну, а я не пойду? Пойду, конечно. Такое дело.

— Зачем венки-то по воде пускать? — уныло и как-то обречённо спросил Славка.

— Откуда мне знать, — пожал Витька плечами. — Начиталась, поди, чего-нибудь. Она такая.

Я молчал и думал, как же нам быть. Опять придётся обманывать.

— Вить, — предложил я. — Ты дома скажи, что на рыбалку с нами пойдёшь, и мы тоже так скажем, ну, а сами в разные стороны. Идёт?

Все согласились проверить такую операцию.

Наконец наступил долгожданный день. Бабушка повздыхала, но отпустила меня, спросив:

— Значит, Славка с Виктором идут?

— Угу, — невразумительно промычал я.

— Куда? — допытывалась бабушка.

— В Крестовский залив.

— Смотрите, осторожней там, у воды.

— Ладно, чай, не первый раз.

Бабушка укоризненно покачала головой:

— Праздник вот, а ты вместо церкви — на рыбалку.

— Бабушка, — я старался говорить как можно убедительней, — я в это воскресенье пойду исповедаться и причащаться.

— Это хорошо, — заулыбалась бабушка, а мне стало как-то стыдно и я, чтобы уж совсем её успокоить, спросил:

— А кому молятся об удачной рыбалке?

— О рыбалке? — бабушка задумалась. — Апостолам, наверно, они ведь рыбаками были. Я точно не знаю, родное сердце. Думаю, что братьям, святым Петру и Андрею.

— Ага, — сказал я. — Буду знать теперь.

— Я у батюшки нынче спрошу. Он наверняка скажет.

Мне опять стало как-то не по себе оттого, что обманываю бабушку, и я постарался быстрее убежать, успокаивая себя тем, что рыбачить мы всё-таки в Крестах будем.

Часа в три, когда солнце ещё стояло высоко, но уже не так припекало, мы накопали червей и, взвалив на плечи, свои запасы, отправились огородами в долгожданную экспедицию добывать Иванов цветок.

Крестовский залив, или, как его называли, Кресты представлял собой затопленный глубокий когда-то овраг. По крутым берегам его густо росли деревья — молодые берёзки, ёлки, разный кустарник, а ближе к воде ольха. Дно в заливе илистое, коряжистое, потому рыба тут водилась, да и глубина местами достигала пяти-шести метров. Северный берег залива, куда мы держали путь, был более пологим, здесь, в отличие от противоположного, можно было найти сколько угодно мест для ночлега.

Мы давно уже облюбовали одну полянку недалеко от истока, где залив, становясь все уже и уже, переходил в ручей, звонко журчащий между камней и поваленных деревьев. Тут тропинка спускалась к мостику, по которому можно было перейти с берега на берег.

— Смотри, сколько тут папоротника, — сказал Славка, осторожно ступая по трём нетолстым жердям, перекинутым через ручей и образующих своего рода мостик. Почти сразу от берега начинались заросли разлапистого папоротника.

Я смотрел, как жерди прогибаются под Славкиной тяжестью, и ноги его по щиколотку заливает вода.

— Да, хватает. Видно, ему по климату здесь. — Я снял кеды, чтобы не замочить и пошёл следом за Славкой. — А какой зацветёт, неизвестно.

— Посмотрим. Цветок-то будет огненный. Помнишь, тётка Агафья говорила — как раскалённый уголь.

— Красный, наверно.

— А может, жёлтый.

— Она ещё говорила, что вокруг куста, где цвет-то будет, надо холстину постелить и круг очертить горячей лучиной.

— А как ты узнаешь, вокруг которого чертить надо?

Славка задумался.

— Ладно. Там увидим.

Вот и пришли. Поляна была небольшая, с правой стороны — обрыв над излучиной, тут течение ускорялось, прямо и слева — пологий спуск к воде, поросший разнотравьем. У самой воды стояла одинокая ольха с облезлым стволом. Около неё мы обычно рыбачили. В конце мая рано утром и ближе к вечеру здесь

клевали некрупные лини, а в июне – бойкие голавлики. Пока было жарко, мы натаскали дров для костра, сложили их под ольхой, перекусили и пошли запускать удочки.

Клевало хорошо. Мы быстро натаскали на уху разной мелочи – окунишек, ершей, плотвичек. Я стал чистить рыбу, а Славка отправился с котелком на ручей за водой. К сумеркам у нас уже была готова уха, а вот под чай второй котелок мы забыли.

— Давай съедим уху, котелок помоем и заварим в нём чай, — предложил я.

Славка согласился. Но когда мы съели уху, да и то не всю, идти за водой не захотелось. Решили обойтись без чая. Про папоротник сначала не говорили, но потом всё же не выдержали.

— Славк, — сказал я, — а что мы с сокровищами-то делать будем?

— Я думаю, надо закопать сундук в саду за баней, — ответил Славка.

— Почему – сундук, может, котёл? Разбойники в котлах клады зарывали.

— Ну, котёл, какая разница?

— Да я не про это. У нас ведь денег много будет, драгоценностей разных.

— Это точно. Я матери бусы подарю, а сеструхе серьги – вот обрадуются!

— А представляешь, принесём мы на урок истории старинные монеты...

— Золотые?

— Золотые. И серебряные. Что нам жалко, что ли?

Мы расхохотались.

— А Вера Пална что скажет? — давась от смеха, говорил Славка. — Где, спросит, взяли? Ха-ха-ха...

— Да уж... А мы?

— Скажем – Волга на берег вынесла.

— И все пацаны рванут на Волгу!

— Пускай поищут.

Ночь медленно опускалась на землю, в воздухе стоял комариный звон, и мы время от времени шлёпали себя ладонями по лбу, обороняясь от невидимых кровопийц.

— Вот ведь, паразиты, и дыму не боятся, — говорил Славка, подкладывая в костёр свежих еловых веток, которые густо дымили.

— Теперь ещё ничего, — ответил я, — а в мае, сколько их было?

— Что ты! Меня как-то искушали, что и глаз было не видеть.

— Слушай, Славк, а помнишь, что Агафья ещё говорила про цветок-то?

— Что?

— Она говорила, что хозяин цветка невидимкой может стать.

Славка присвистнул:

— Вот это здорово! Сядем в автобус и поедем в город, а платить не надо. Там – в кино... И опять платить не надо.

— Размечтался!

— А что? Это почище кладов будет.

Ночь в начале июля ещё короткая — не успеет стемнеть, как уже светает. Но нам со Славкой на этот раз так не показалось.

Сумерки тянулись бесконечно, и мы, воюя с комарами, то и дело поглядывали на часы, когда же двенадцать? Наконец, стало темно, на небе показались бледные звёзды. Чуть слышно плескалась невидимая вода. Я подбросил в огонь сухих веток, чтобы костёр разгорелся поярче. Не успело пламя вспыхнуть, как на другом берегу недалеке от нас ухнул филин. Мы переглянулись.

— Наверно, уже скоро полночь, — шёпотом сказал Славка и посмотрел на часы. — Да, ещё двадцать минут.

Честно признаться, мне было немного жутковато, и я видел, что и Славке тоже.

— Давай готовиться, — так же шёпотом проговорил я.

Заранее мы придумали спрятать все вещи в кусты, чтобы налегке, когда сорвём царь-цветок, бежать в деревню, а за пожитками придти завтра поутру. Так и сделали.

— Ну, что, пошли? — неуверенно спросил Славка. — Может, головню возьмём, чтобы светить?

— Нет, не надо головню, а то цвет вдруг не увидим при освещении-то?

— Пожалуй. Значит, так пойдём, в темноте?

— Угу, — ответил я и почувствовал, что идти в темноту мне совсем не хочется, а хочется оказаться дома.

— Идём. Ты — первый, — Славка отступил в сторону.

— Почему — я? Пошли рядом, не по тропе же идём.

За костром темнота оказалась ещё гуще. Мы осторожно продвигались к зарослям папоротника. Вот и конец поляны. Тут надо было немного подняться в горку. Я запнулся и чуть не упал, Славка поддержал меня, схватив за руку. Вдруг почти рядом с нами захлопала крыльями птица. Сердце у меня упало куда-то вниз, наверно, в пятки. Славка зашептал, не отпуская мою руку:

— А нечисть, что, тоже где-то тут?

— Не знаю... Раз цветок стережёт, значит, тут.

И в это время случилось неожиданное. Прямо перед нами на листе папоротника мы увидели его Иванов цвет! Мы замерли на месте. Цветок был не красный и не жёлтый, он походил на огонёк серебряного цвета, который чуть подрагивал и мерцал.

— Вот он, царь-цветок! — выдохнул Славка.

Страх, как не бывало. Только гулко стучало в груди сердце, и в голове стоял звон. Я схватил листок с горящим на нём цветком, оторвал его от стебля и сунул под рубашку. Мне показалось, что грудь мою и живот обожгло огнём.

— Бежим! — тихо сказал я, и мы помчались с горы через поляну к мостику.

— Не оглядывайся! — задыхался сзади Славка, но я бы и так не обернулся за все сокровища мира.

Как мы пронеслись через мост, как поднялись по тропинке в гору, как бежали полем вдоль перелеска, я не заметил. Помню только деревню и наш дом. Славка постучал в окно, и вскоре бабушка открыла нам дверь.

— Вы что, полуношники? — удивилась она.

Мы стояли на пороге и, задыхаясь, мямлили что-то невразумительное.

— Та-ак, — понимающе закивала бабушка. — Или испугались чего?

Я кивнул.

— Ладно. Чего бояться-то, дома уж теперь, — бабушка провела нас к столу. — Ну, отдышались? А старший где?

Славка неопределённо махнул рукой:

— Там.

Потом бабушка поила нас чаем, и когда всё успокоилось, я вытащил из-под рубашки папоротник и протянул ей.

— Что это? — щурясь, спросила бабушка. — Никак кочедыжник? И зачем мне?

Она взяла в руки лист и развернула его. Каково было наше удивление, когда никакого серебряного цветка там не оказалось.

— Ишь, — сказала бабушка, — светляк к листку приклеился.

— Где? — одновременно вскричали мы со Славкой и уставились на листок. Там лежал невзрачный серенький червячок.

— Это – светляк? — спросил я.

— Он самый, — ответила бабушка. — Ты что, светляков не видал?

Я ничего не ответил.

Бабушка уложила нас на полу, постелив на два матраца цветастую простыню.

— Спите, архаровцы, Бог с вами!

Мы лежали молча, и Славка вскоре засопел, а я всё глядел на огонёк в зелёном стаканчике лампадки под образами, который иногда вздрагивал и покачивался из стороны в сторону. Вот засинели окна. Начинало светать.

Ягодная пора

Пора ягодная!.. Жарко. С раннего утра до позднего вечера солнце печёт. Из воды не вылез бы, хоть и холодная она у нас в речке, страх! Вызрела смородина, вишня – листьев не видать — ягоды крупные, налитые, почти чёрные. Поспешать надо, как говорит бабушка, не то птицы обклюют. Любят они сладкую вишню, никаких пугал не боятся, как бы мы их с бабушкой им наряжали.

Нас с другом моим Славкой гулять не отпускают, пока не наберём по две литровые банки чёрной смородины. Можно сразу две, можно – одну до обеда, одну после. Вот мы и ходим: сначала Славке банку наберём, потом мне. И – на речку,купаемся до посинения и опять под куст на сбор. Вроде можно было бы каждому из нас по отдельности свою норму набирать – всё то же ведь получается, но мы собираем вместе, так веселее, да и скорей, нам кажется.

— Молодцы! — говорит Славкин отец. — Надо с детства работать приучаться. Не всё по деревне без толку бегать, штаны рвать.

Это мы знаем. Я вижу, что бабушке одной тяжело. И помочь ей охота, и ягоды собирать не хочется – сколько ни рвем, всё, кажется, на кустах не убывает. Бабушка жалеет меня, отпускает иногда пораньше, но я креплюсь, продолжаю обрывать смородину, забираясь в самые недоступные для бабушки места.

— Нет, — говорю. — Я пользу хочу приносить.

— Ишь ты! — удивляется бабушка. — Пользу? — и смеётся. — Чай, от тебя другая польза.

— Какая?

— Ну, какая – живёшь на свете, вот и польза.

— Ото всех, кто живёт, что ли, польза?

— А как же, ото всех, конечно.

— А от злых людей, вон как дядька Иван?

— Дядька Иван? С чего ты взял, что он злой?

— А то добрый!

— Это уж кому как поглянется. С виду он, может, и смурной, а какое сердце-то у него, ты знаешь? Э-э, чужая душа, милок, — потёмки. А я так думаю: коли живёт на свете, то и от него, значит, польза кому-то.

Вот так разговариваем мы с бабушкой, а сами смородину обрываем. Это когда Славки нет, а когда он тут, у нас с ним свой разговор.

Смородину собирать — дело нелёгкое. Медленно, ох, как медленно наполняются банки, хоть мы и хитрим — рвём ягоды покрупнее, а мелкие оставляем, всё равно после нас кусты обирают взрослые. Вот и ползаем под кустами, потому что крупные ягоды прячутся от солнца в глубине ветвей, чаще снизу — там целые грозди висят — тяжёлые, что твой виноград. Виноград мы со Славкой пробовали два раза — когда моя мама из санатория вернулась, этот был зелёный, но сладкий, а ещё Славкин старший брат привозил чёрный — тот помельче, но сладости в нём больше, вот только косточки мешают. Эти косточки мы в саду за вишнями в землю закопали и водой полили — может, вырастет виноград? Не вырос.

Пока собираем нашу норму, наедемся вишни, смородины, кислого ещё крыжовника — аж скулы сводит и на ягоды смотреть не хочется, а всё равно, нет-нет, да и кинешь в рот вишню, а то и целую кисточку красной смородины обдерёшь уж больно соблазнительно она выглядит: солнце ягоду насквозь просвечивает, каждую прожилочку видать. И удобно: берёшь большим и указательным пальцами у основания кисточки и тянешь вниз, раз — и у тебя в горсти целая горка ягод!

Ягоды собирают все — и взрослые, и дети — кто в банку, кто в корзинку, кто в тарелку, а потом сыпают вместе — ох, и много получается! Но так их хранить нельзя — испортятся, и потому рассыпают тонким слоем на бумаге или клеенке в тенёчке для просушки. Тут же и варенье варят — из красной и чёрной смородины и вишни. Вишню ещё сушат в зиму. Сушёная вишня — вкуснота! Мне она даже больше свежей нравится. У бабушки за печкой висят котомки с разными сушёностями — с грибами, травами, яблоками, малиной, вишней. Запустишь в котомку руку, наберёшь на ощупь в горсть ягод помягче и сидишь потом, обсылаешь каждое ядрышко... Ну, одной горсточкой дело, конечно, не обходится, а после язык болит, самый кончик. Когда бабушка говорит: «Типун тебе на язык!», я сразу вспоминаю сушёную вишню и боль на кончике языка — наверно, это и есть типун.

Ягод много. Так много, что все не переваришь на варенье и не пересушишь. Потому часть урожая наши деревенские возят на рынок в город. Город далеко — надо плыть по Волге на пароходе целую ночь, и я там ни разу ещё не был. Славка был, его брат с собой брал, говорит, что город большой — дома огромные из кирпича, магазинов тьма, и трамваи по рельсам ходят, а пароход проплывает под мостом, который стоит на быках.

Вот бы поглядеть! Славка, конечно, рассказывал, что быки те совсем не настоящие, а каменные. Ну, это ясно, мост же тяжёлый. Настоящим-то быкам его никак не удержать, если б даже и захотели. Ну и что, каменные даже интересней. Что я, живых быков не видал? Сколько угодно. А каменных не приходилось. Я спросил у Славки, есть ли у каменных быков хвосты и рога. Славка сказал, что есть. Быки как быки, говорит, только каменные.

В общем, так меня эти быки заинтересовали, что стал я просить бабушку, которая тоже каждый год ездила на рынок, взять меня с собой. Бабушка брать меня не хотела, но я не сдавался, канючил, тянул каждый день свою песню: возьми да возьми!

— Вот пристал, ну ровно банный лист! Да как я тебя, родное сердце, возьму? А потеряешься, не дай Бог?

— Не потеряюсь. Я с тобой везде буду ходить.

— Со мной! Чай, я торговать ягодами стану, а ты чего будешь делать?

— И я торговать!

— Ну да, без тебя не наторгую!

— Возьми, баб...

Я пустил слезу.

— Перестань! Ну, хватит...

Я добавил громкости.

— Вот ведь! — в сердцах сказала бабушка. — Чисто ныло-кость.

Уж и ныло-кость. Ладно. Пусть ныло-кость. Это так у нас зовут капризных ребятишек. Прозвище обидное, хоть и непонятное. Я как-то задумался о том, что бы это за ныло-кость такая? Думал-думал и ни до чего не додумался. Стали со Славкой вместе думать.

— Это, наверно, зверь такой, — сказал Славка.

— Какой?

— Ну, такой... Маленький...

— Мохнатый?

— Нет, — Славкин голос набирал уверенность. — С гладкой кожей.

— Противный, наверно.

— А то! Ходит и ноет, ноет.

Мы решили, что ныло-кость, если где и водится, так это в Большом овраге. Точно! Овраг этот за деревней, как идти в посёлок. Сначала он мелкий, а потом глубже, глубже и совсем глубокий. На дне его ручей журчит, а через ручей — мостик, так — две доски без перил. По склонам оврага цветов и трав всяких — видимо-невидимо. И вероника, и вороний глаз, и чистотел, земляника ещё, пастушья сумка, медуница, часики... Много. Бабушка мне про каждый цветок рассказывала — для чего он живет на свете, от какой болезни лечит. Я, правда, забываю сразу, что и как, а бабушка все помнит.

Да, в Большом овраге ныло-кости раздолье. Только интересно, где она прячется: в густой осоке у ручья или в ивняке, что разросся справа от тропинки? Славка считает, что под мостом. Он говорит, будто один раз слышал, как там кто-то поскуливал. Ныло-кость, конечно. Кому же ещё?

Нам очень хотелось поглядеть на этого зверька, и мы решили его изловить. Излазив вдоль и поперёк весь овраг, мы никакой нило-кости не нашли, но на всякий случай расставили ловушки. Ловушки мы сделали из балалаечных струн: пропустив в петельку на струне другой конец, мы получили большую, свободно затягивающуюся петлю – в неё-то и должна была угодить лапой нило-кость.

Нет, не угодила. Мы решили, что зверь этот хитрый и пугливый, навряд ли хоря, только без шерсти, от людей прячется, а ноет, видимо, по ночам, как старая собака Арсеньтича Жулька па луну. Ночью мы, конечно, в овраг идти не отважились, но ловушки время от времени проверяли, только никто в них не попался.

Вот такая история с этой нило-костью. А бабушку я всё-таки уговорил взять меня в город.

— Только чтобы без капризов! — строго сказала она. Будешь слушаться?

И я совершенно искренне ответил:

— Буду!

— Смотри!

Запрыгав от радости, я побежал к Славке поделиться своим счастьем. Но Славка не обрадовался и даже огорчился, потому что он-то ведь не ехал, оставался собирать смородину.

— Да ладно, Славк, — сказал я ему, — ты ведь уже был в городе, и мост на быках видел.

— Ага, видел... Я бы ещё поглядел.

— Ну, в другой раз поглядишь.

— Да...

Чтобы успокоить Славку, я отдал ему своего «чижа». Хороший был «чиж», из крепкого дерева выструган и лёгкий.

Пароход от поселковой пристани отходил около полуночи, по прибытия его обычно ждали задолго, часов с девяти. Вся пристань уже заставлена корзинками, натянутыми сверху белой материей. Рядом с корзинами сидят и стоят – кто, как может – люди. Много людей. Я столько ни разу не видел. Все с ягодами в город едут.

Сначала мне нравится всё разглядывать, но скоро надоедает. Спать охота, а присесть негде.

— Потерпи, — говорит бабушка, — вот пароход придёт, сядем, там и поспишь.

Наконец, из тьмы, где влажно дышит водохранилище, появляются огни. Они всё приближаются, вот уже слышно густое шлёпанье – пароход разворачивается и подходит к пристани. Возле перил в ярком свете стоит матрос с дочерью загорелым лицом и с толстенной верёвкой в руках.

— Чалку давай! — кричат с пристани.

Матрос что-то кричит в ответ и кидает верёвку за перила.

Заволновался народ. Все хватают свои корзины и проталкиваются поближе к сходням. Не оказаться бы в хвосте! У нас две большие корзины, их несёт бабушка, и одна маленькая – моя. Я сам её ягодами наполнил, сам и несусь.

Вот наторгуешь денег и купишь себе, что хочется, сказала бабушка.

Мне хочется магазинный пистолет, какой был у Мишки. Этот Мишка приезжал на лето из города к нам в деревню к своему дедушке. Мы со Славкой онемели, когда его пистолет увидели. Это, я скажу, пистолет! Почти что правдашний.

Мы поднялись по узенькому трапу на пароход. Я крепко ухватился за бабушкин рукав, потому что, честно говоря, немного побаивался потеряться в этой толчее. Не сразу, но всё-таки бабушка нашла свободное место где-то внизу, в третьем классе. Как только мы присели, я положил голову на бабушкины колени и сразу уснул.

Проснулся я от холода.

— Скоро придём, баб?

— Скоро, — отвечает бабушка. — Вот уже светает.

— А город не видать?

— Видать, наверно. Поди наверх, погляди. Только сразу назад.

— Ага.

Я уже совсем было побежал, но бабушка передумала.

— Погодь-ка, вместе пойдем.

Тоже, значит, интересно. Мы поднялись на палубу. Несмотря на ранний час, у бортов стояло много народу, все глядели на поднимающееся из-за Волги солнце. Небо там было розовое, и сосны розовые, и вода розовая. А над водой туман. К самому пароходу подползает. Зябко. Впереди в сизой дымке чуть проглядывают очертания города. Они становятся всё отчётливей по мере нашего приближения. Я гляжу туда, не отрываясь. Можно уже различить дома и деревья.

Вот и мост на быках. Я бы не узнал, что это он, да бабушка сказала:

— Гляди, вот — мост на быках.

Где же быки? Нету никаких быков. Я все глаза проглядел и не увидел. Мост, конечно, огромный, у меня аж дух захватило, какой огромный, но меня интересовали главным образом быки. Мост держится на могучих каменных опорах, которые уходят в глубину, и о них разбиваются волны. Это что ли быки?

Заливал, значит, Славка про рога и хвосты. Выдумщик. Не видал, наверно, ничего, потому что спал, как сурок — он спать-то любит. А эти быки, если они быки, и на быков-то не похожи вовсе.

Мне стало грустно и захотелось домой. Славка сейчас ещё спит, это уж точно. Скоро по деревне стадо погонят. Пастух на барабанке застучит, коровы замычат в стойлах — погулять им охота. Когда стадо гонят, я всегда просыпаюсь, а потом опять засыпаю. Ещё крепче.

А город совсем близко: горы крутые, круче, чем у нас около Крестовского залива, а на них — кремль с башнями в остроконечных шапках. Домов-то сколько! Всё окна, окна, окна, в них солнце блестит — это как пчелиные соты, которые Арсеньтич из ульев вытаскивает, чтобы нас со Славкой свежим мёдом угостить.

Заглядевшись, я совсем забыл про мост на быках.

К берегу лепились пристани — большие, намного больше, чем наша, в посёлке. Пароход причалил к одной из них, и мы пошли на выход.

— Ты куда, Лексевна, на Мытный? — спрашивают у бабушки.

— Ага, на Мытный, тут ближе.

За пристанью — площадь. Народу-то! Как у нас в посёлке на первомайской демонстрации. А тут ещё машины летят, звенят трамваи, люди все бегут куда-то. У меня голова пошла кругом.

— Не отставай! — говорит мне бабушка.

Мы втиснулись в трамвай, и он повёз нас на гору. Из окна видны островерхие башни из красного кирпича. Раньше я кремль только на картинках видел, а тут — вот он, рядышком. Будет что Славке рассказать.

На рынке бабушка быстро сумела взять место в рядах, сдёрнула с корзинок тряпицы, и мы стали ждать покупателей.

— Чёрная смородина! — покрикивает бабушка. — Прямо с куста.

Я беспокоюсь: вдруг у нас не будут покупать ягоды — вон ведь как все торопятся. Но нет, кое-кто стал останавливаться около нас, пробовать ягоду-другую и покупать нашу смородину. Сначала бабушка черпала ягоды из моей корзинки, и она скоро опустела. Зато в бабушкиных корзинах, сколько ни бери, всё, кажется, не убывает. Как только мы их наполнили?

Торговля скоро мне надоела, а впереди, я знал, был целый день, потому что наш пароход отправлялся домой в четыре часа. Я бродил по рядам, смотрел, кто что продаёт. Тут был и виноград, и арбузы, и странные дыни — длинные и жёлтые, я таких не видал раньше. Их продавали темнокожие люди в тюбетейках, как у нашего пастуха Серёги Синицы. Они резали дыни ножом на ломтики и предлагали попробовать. Я взял и попробовал. Дыня оказалась сладкой, так и таяла на языке. Вот Славке расскажу, он точно такого не пробовал! Но я не стал просить бабушку купить мне сладкую дыню, потому что мечтал о пистолете: может, бабушка купит мне такой, как у Мишки.

Видно и бабушке торговать прискучило, а может, она меня пожалела — уж так я устал слоняться по жаре среди шумной толпы.

— А, чего там! — махнула она рукой. — Продам подешевле, зато скорей кончим.

Ягоды у нас раскупили моментально.

— Ну что, пойдём гостинцы покупать? — спросила бабушка, и усталости моей как не бывало.

Конечно, пистолет мне бабушка купила. Это был замечательный пистолет, с рубчатой рукояткой и тугим курком. К пистолету прилагались две упаковки пистонов, что меня ещё больше обрадовало, потому что у Мишки пистонов не было. Я опустил пистолет в карман брюк и по дороге всё трогал его рубчатую рукоятку.

Ещё бабушка купила мне красную рубашку в клетку и маленький грузовичок.

— Славке подаришь, — сказала она.

Себе бабушка не купила ничего.

— Что ты, родное сердце, чай, у меня всё есть!

Назад мы приехали поздней ночью. Было темно — ни луны, ни звёзд, тропинку под ногами едва разглядишь. А в Большом овраге так и совсем хоть глаз

выколи. Кроме наших шагов не слышно ни звука, только где-то далеко внизу журчит невидимый ручей. Я прижимаюсь к бабушке.

— Баб, а ныло-кость тут живёт?

— Кто?

— Ныло-кость.

— С чего это ты взял?

— Ну, а где ей ещё жить-то?

Бабушка тихо засмеялась.

— Полно, дружок, какая ныло-кость? Нету никакой ныло-кости.

— Как это нету?

— А так, нет и всё.

— Чего же в деревне все говорят?..

— Да это к слову. Повелось, вишь, так: капризничает ребятёнок, вот и скажут, дескать, ныло-кость.

Я слушал, боязливо поглядывая по сторонам.

— А тут, значит, никого нет?

— Никогошеньки. Птицы спят. Да цветы с травами. Ручей вон ещё, слышишь?

— Ага. Мы со Славкой искали ныло-кость и не нашли.

— Вот видишь. Если тут и есть какая-то кость, так это — живокость.

— А это... кто?

— Живокость? Цветок такой. Ты что не знаешь? Так я тебе как-нибудь покажу.

Утром я спал долго. Разбудил меня Славка, который прибежал пораньше послушать рассказ о поездке. Бабушки дома не было, и Славка влез в окно, потому что на двери висел замок. Не успели мы с ним выпить чаю, как вернулась бабушка. В руках у неё была корзинка с травой.

— Ну что, — спросила она Славку, — не поймали ныло-кость?

Славка поглядел на меня.

— Не-а...

— Вот кто живёт в Большом овраге, — сказала бабушка и вынула из корзинки голубенький цветок на длинном стебле. — Живокость.

Цветок как цветок, ничего особенного.

— Он полезный? — спросил Славка.

— А то как же, — ответила бабушка, — всякая трава полезная.

— Что им лечат?

— Ничего не лечат.

— Ну вот, а говоришь полезный! — сказал я.

— Конечно, полезный, — возразила бабушка, — коли живёт, значит, полезный.

— А может, он ядовитый?

— Ну так что? И ядовитый нужен. Человеку ядовитый, а животному, скажем, какому-нито очень даже целебный. Вот тебе и польза!

Но нам уже не терпелось бежать на улицу. В дверях я оглянулся. Бабушка стояла у окна, держа в руках цветок-живокость. Солнечный луч освещал прядку

волос, выбившуюся у неё из-под косынки. И на один миг, только на один короткий миг, седые бабушкины волосы зазолотились спелой пшеницей.

НА ТОМ НА ДАЛЬНЕМ БЕРЕГУ

Лодка

Наконец-то! Я ждал этого дня с зимы. Отец обещал взять меня с собой, когда пойдёт покупать лодку. И вот – разбудил с утра пораньше, и мы, попив наскоро чаю, отправились – путь предстоял не близкий.

Легко сказать – купить лодку. А для меня, да и для отца тоже – это было настоящим событием. Генка меня совсем достал своими рассказами о том, как они с отцом ездят на рыбалку. И Вовка тоже. И Сашка. А у нас лодки не было.

Сначала я приставал к отцу с расспросами, почему это у всех есть, а у нас нет? Но он только отмахивался, а однажды, рассердившись, сказал:

— Потому что денег нет!

Я всё понял. Отец был инвалидом войны, и жили мы на его пенсию, да такую же мизерную мамину зарплату. Вопросов я больше не задавал. Молчал и отец, но как-то раз зимой проронил:

— Придет весна – купим лодку.

Теперь долгими зимними вечерами, сидя с разгорячёнными лицами у открытой печки, мы обсуждали с ним, какая лодка лучше – широкая или узкая, с ящиком для стационарного мотора или без него? А ещё – цвет! Деталь немало-важная. Мне хотелось, чтобы был зелёный, а отец отдавал предпочтение красному.

— Сурик он крепче, — со вкусом говорил он. — Дерево дольше живёт, если им красишь.

Против этого возразить мне было трудно.

Мама слушала все эти наши споры-разговоры и только смеялась.

— А что, — говорил ей отец, — это тебе не табурет купить, лодка — дело серьёзное. Вроде женитьбы.

— Я понимаю, — с иронией отвечала мама.

И вот долгожданный день наступил. Я бегу впереди отца по ещё пустынной улице. Тихо-тихо. Только грачи покрикивают недовольно в густых кронах тополей и лип. Солнце уже выбралось из своей мягкой постели в облаках за Волгой и теперь медленно поднимается над рекой. И сосны на противоположном берегу стали медно-красными. И вода — спокойная, ещё не проснувшаяся с ночи — зарозовела. Хорошо!

У нас в посёлке лодок не делают. Всякие промыслы имеются, а этого нет. Зато в пяти километрах есть деревня Кораблёво, там каждый второй житель — мастер по лодкам. Со всей округи в эту деревню ходят лодки заказывать. Поэтому, наверное, и назвали её — Кораблёво. Ну вот, и мы туда идём.

Я заранее радуюсь и предстоящей покупке, и долгой дороге рядом с отцом, и тому, что, наконец, увижу понтонный мост, о котором так много слышал. Говорили, что с него хорошо ловятся на тесто лещи. Не подлещики какие-нибудь, а именно лещи — огромные, как подносы в поселковой чайной, куда мы бегаем за «крем-содой». Я однажды видел такого леща. Его Генкин отец поймал. Ещё больше подноса был. Точно.

Позади остался посёлок. Тропинка ведёт через поле, потом по склону крутой горы, через ручей, снова в гору. Тут стоит деревня Чернильниково. Эти места мне знакомы, а вот дальше бывать не приходилось.

Где-то через час пути выходим к широкому заливу. Вот он — понтонный мост! Такие железные штуковины, вроде ящиков с закруглёнными и приплюснутыми краями, шагов по десяти в длину, лежат себе на воде и не тонут. А по ним — дощаной настил, хоть на велике кати! На мосту сидят рыбаки, возле них веерами раскинуты над водой длинные удилища. Мы идём по пегим, выгоревшим на солнце доскам настила, и понтоны скрипят и погромыхивают ворчливо, раскачиваясь от наших шагов и лёгких волн, которые докатываются в залив из водохранилища.

Отец разговаривает с мужиками о рыбалке, и я, наострив уши, слушаю, а сам не отрываю глаз от поплавок: а вдруг сейчас клюнет тот самый громадный лещ? Знаю я его повадки — чуть тронет, покачает поплавок, потом положит его на воду и, не спеша, поведёт в сторону. Тут-то его и... Но нет сегодня клёва. Ветер восточный. А при восточном ветре рыбачить — всё равно, что в корыто удочку забрасывать. Так и рыбаки на мосту говорят, однако сами-то сидят, ждут чего-то.

Дальше путь наш лежит через деревни, поля, перелески — всё вдоль берега Волги. Вот вроде и лесом идёшь, а вдали, меж деревьев, посверкивает густая синева реки. Встречные мужики здороваются с нами, разговаривают с отцом о взрослых делах, а меня удивление берёт: так далеко ушли, а отец и тут всех знает, и его все знают.

Но дорога мне уже надоела, жжёт нетерпение — скоро ли Кораблёво, купим ли мы лодку, и какая она будет? Ну, конечно, такая, какой снилась мне всю зиму. Вот я вижу её: вёсла в уключинах, чёрное смолёное днище, а борта — яр-

ко-зелёные. На носу непременно будет открываться крышка – там хранятся верёвки для якоря, сам якорь, разные инструменты и рыболовные снасти. До того ясно мне всё это представляется, что прилепившуюся к борту чешуйку и ту вижу. Блестит она, словно новёхонький гривенник, какой моя бабушка в марте, на Сорок, запекает в грудку ржаной птицы – жаворонка.

До Кораблёва добрались мы часа через два. Деревня оказалась большая, вся в садах – только крыши выглядывают, а за околицей над небольшим круглым прудом наклонились к самой воде старые ивы, такие толстые, что и втроём не обхватишь. Кора у них твёрдая и вся в крупных складках. От неё, мне кажется, даже топор отскочит.

Возле первого домика на завалинке сидела маленькая старушка и, опершись на палку, глядела на нас.

— Здравствуйте, бабушка! — обратился к ней отец.

— Здравствуйте, и вы.

— Деревня ваша – Кораблёво?

— Кораблёво, Кораблёво, — закивала головой старушка.

— А где тут Матвеич живёт?

— Матвеич? А который тебе нужен, у нас Матвеичей в деревне трое.

— Лебедев Костя.

— А-а, это на том конце, — махнула старушка рукой. — Крайний дом. А вы чьи будете?

— Да мы насчёт лодки, бабушка.

— Тогда точно, к нему – первый у нас мастер.

Матвеича мы нашли за домом, в саду. Тут под навесом у него была мастерская. Очередная лодка стояла днищем кверху на подпорках, и Матвеич подгонял к борту последние доски. Трава кругом была обсыпана золотистыми стружками, а возле верстака накопилась целая куча, будто сугроб намело. Пахло свежим деревом.

— Здорово, хозяин! — поздоровался отец.

Матвеич, молодой мужик с бородой и светлыми, кудрявыми волосами, положил топор и поправил торчащий за ухом карандаш.

— Здорово, коли не шутишь, — ответил он весело.

Отец провёл ладонью по свежеструганному днищу.

— Лодку продашь?

У меня замерло сердце.

— Отчего не продать, ежели покупатель добрый! — всё так же весело сказал Матвеич и подмигнул мне.

Рот у меня растянулся до самых ушей. Я смотрел с восхищением на тёмные, сильные пальцы мастера и на блестящее колечко стружки, зацепившееся в его бороде.

— Откуда путь держите?

— Из Светлых Ключей, — ответил отец.

— Ишь ты! — вроде как удивился Матвеич, с уважением посмотрел на отцовские костыли и снова подмигнул мне. — Погодите-ка, я кваску принесу.

Потом отец и Матвейч долго говорили о лодках, о рыбалке, и других делах, но я уже не слушал, всё ходил вокруг почти готовой лодки, трогал её и думал о том, что эту лодку ещё надо конопатить, смолить, красить и так далее, а значит, значит...

Мы купили другую лодку. Матвейч повёл нас на берег, там, в заливчике под вязом стояла лодка, которая будто нас и ждала.

— Зелёная! — радостно закричал я.

— Точно, брат, зелёная, ну так что? — не понял Матвейч моего восхищения.

— Да ему, вишь, цвет такой хотелось, — разъяснил отец.

— Самый для лодки наилучший цвет! — уверенно заявил Матвейч.

— Во! А я что говорил, — закричал я.

— Ну, это ещё как сказать, — уклончиво сказал отец. — На вкус и на цвет товарища нет.

— Это точно, — подтвердил Матвейч, вытаскивая из мятой пачки тонкую папиросу.

Все уселись на траву под вязом и замолчали. Где-то высоко в небе звенел жаворонок.

— Вот, бери, коль хочешь, — как бы равнодушно сказал Матвейч и махнул рукой по направлению к лодке. — Шестиметровка. «Первая вода» ей нынче. Чего лучше...

У меня снова куда-то покатилося сердце. Что ответит отец? А он забрался в лодку, поднял все елани, поглядел, нет ли где течи, потом вставил весла в уключины и взмахнул ими. В одной уключине скрипнуло.

— Надо масла капнуть, — сказал Матвейч.

— Ладно, по рукам, — коротко бросил отец, и я оказался на седьмом небе, потому что, конечно же, лучше этой лодки не могло быть на свете!

Правда, в тот день, как мне ни хотелось, лодку мы не взяли. Весёлый мастер решил что-то доделать в ней и потому отвёз нас домой в своей лодке. Она была куда меньше нашей и старая уже, но бежала под «Стрелой» хорошо. А ещё через пару дней Матвейч пригнал и нашу лодку. Он был все такой же весёлый и разговорчивый.

— Ну, теперь вся рыба твоя, капитан! — сказал он мне на прощанье и легонько щёлкнул по лбу.

Мы поставили лодку на давно облюбованное место в заливе у двух берез. Все мальчишки прибежали поглядеть и Генка, и Вовка, и Сашка. Лодка всем понравилась.

— Длинная! — сказал Генка.

— Крепкая! — сказал Вовка.

— Вы чё, лодка что надо! — подвёл итог Сашка.

Ещё бы, я и сам знал — что надо!

А следующей весной, когда только стоял снег, и над парком шумно загомонили грачи, мы с отцом готовили нашу лодку ко «второй воде». На костре булькала в помятом ведёрке смола, и резкий запах её далеко разносился над берегом.

Вы знаете, как пахнет кипящая смола? Если не знаете, то вы многое потеряли. И вам никогда не понять, что таит в себе этот густой, острый, кружащий голову аромат. И значит, вы не знаете, что такое обмакнуть квач в это клейкое, ароматное варево и нанести его потом на проконопаченное днище своей лодки!..

А рядом Волга. Быстрым течением гонит последние синеватые льдины. Облака вереницей тянутся по небу, и солнце ныряет в них, жёлтое, как блесна.

...Эта лодка служила нам долго, до самой смерти отца. Он умер зимой, в январе. А в апреле, когда начался ледоход, мы сидели с товарищами на берегу, и вдруг течением выгнало из залива льдину с вмёрзшей в неё старой лодкой.

— Смотри-ка, — толкнул меня Вовка, — вроде ваша лодка?

Это была она. Отец болел с осени, и мы не вытащили лодку на берег. Мы забыли о ней.

Большой чёрной птицей сидела лодка на льдине. Вот её прогнало мимо нас и понесло дальше, в водохранилище, туда, где нет берегов, а только синяя вода и ледяное крошево.

Так пришла «последняя вода» нашей лодки.

Высокая грива

Её было видно с нашего берега в ясные дни, когда над Волгой не висело зыбкое марево, и даль просматривалась резко, с какой-то особенной чёткостью. Помню, мы стояли с отцом на краю обрыва, внизу с шумом бились о камни волны, с криком проносились над водой чайки, а густо-синяя чаша водохранилища сверкала в солнечных лучах.

— Смотри туда, — говорил отец, показывая рукой на противоположный берег, тёмной лентой протянувшийся по горизонту.

Я до боли вглядывался вдаль. Казалось даже, что различаю стволы сосен на том берегу.

— Не вижу.

— Лучше смотри и увидишь. Вон туда, левее бакена...

И я увидел. Узкая полоска, почти незаметная на фоне берега. Высокая грива. Так назывался небольшой островок крайний в цепочке таких же, но безымянных, растянувшихся па одной линии и представлявших некогда, до затопления, своеобразные холмы на более или менее ровной местности вдоль старого русла Волги. Вода окружила их со всех сторон, превратив в острова, поросшие густой травой и низкорослым кустарником. Острова эти, особенно Высокая грива, служили рыбакам своего рода ориентиром.

— Ага, — говорил рыбак, — вот Высокую перевалили, теперь до Кривого бора рукой подать, — и поворачивал руль круче вправо.

А ещё Высокая грива, как самый крупный из островков, становилась людям пристанищем в непогоду, когда разыграется волна и переправляться через водохранилище опасно.

Помню, было мне тогда лет девять-десять. Стоял конец чая. У мальчишек, да и у взрослых, только и разговору что о сорожке – кто, сколько и где поймал. Отец уже несколько раз возвращался с реки с хорошим уловом. А я проводил послешкольное время с удочкой возле мостков, где женщины полоскали бельё. Было обидно и очень хотелось поехать с отцом на настоящую рыбалку.

Наконец, он поддался на мои уговоры.

Что за клёв был в тот день! Мы едва успевали менять Муравьёв на мормышках – сорожка, крупная, икраяная, хватала слёту.

С самого утра солнце пекло нещадно, я несколько раз прыгал за борт, плавал вокруг лодки, а отец мочил свою старую кепку и надевал, мокрую, на голову. По-моему, она моментально высыхала. Но после полудня подул с юго-запада ветерок, небо затянулось тучами. Всё чаще поглядывал отец на потемневшую, всю в белых гребешках поверхность водохранилища, хотя в заливе, где стояла наша лодка, было совсем тихо.

— Клёв клёвом, — наконец сказал он, — а погода портится. Надо возвращаться. Как бы грозу из «гнилого угла» не притащило.

Мы смотали удочки и подняли из воды камни, служившие якорями.

На большой воде всюду гуляли «беляки». Бух! Лодку поднимало волной и с силой ударяло днищем о воду. Бух! Бух! При каждом падении, когда винт вырывался из воды, мотор дико ревел. Брызги окатывали нас с головы до ног.

— Страшно? — крикнул с кормы отец.

— Нет! — помотал я головой, а сам изо всех сил вцепился в борта лодки. Было страшно и вместе с тем как-то по-особому весело до замирания сердца.

Наша «Стрела» дотянула до Высокой гривы и заглохла. Отец сел за весла, а я вычерпывал консервной банкой воду, – её уже изрядно набралось под еланями. Лодку перестало бить о волны, она, как утка, плавно поднималась и опускалась с одной на другую, но с места, как мне казалось, не двигалась.

На гриве можно было разглядеть лодки и людей на берегу. Кто-то махал нам рукой.

— Разгулялась, матушка, — сказал отец, налегая на вёсла.

— Что?

— Волга, говорю, разгулялась. Заночуем на гриве.

Я, честно признаться, был этому рад.

— Что делать, — сказал я как можно равнодушнее, — давай заночуем.

Никогда не забыть мне той грозовой ночи на Высокой гриве. Стемнело быстро. Пролился короткий, но сильный дождь. Гроза отступила в сторону, но почти всю ночь до утра прорезали темноту дальние молнии – то прямые, мгновенные, то ветвистые, как бы застывающие в небе, и гром, трескучий, а иногда глухой, угрожающий, прокатывался над Волгой.

У костра собралось человек десять таких же, как мы неудачников, не успевших вовремя переправиться на свой берег. Булькала в котелке уха, было мокро и холодно, но до жути интересно. Огонь высвечивал лица людей, а там,

дальше, за песчаной косой в чёрной непроглядной тьме тяжело ухали не утихающие волны.

Среди ночи сквозь дремоту я увидел возникшего на фоне костра высокого человека в длинном, до земли, плаще и форменной фуражке. Это был инспектор рыбоохраны Власов гроза всех местных рыбаков, в особенности тех, кто баловался сетями. О нём ходили легенды. Рассказывали, будто Власов служил во время войны в «СМЕРШе», а другие шептали, что он был палачом в сталинских лагерях.

Власов стоял по ту сторону костра, и я видел его худое лицо в красных отблесках. Голоса рыбаков смолкли. Наступила напряжённая тишина. Но длилась она недолго, а может быть, я на какое-то время неожиданно заснул и проснулся, когда уже шёл спор между Власовым и стариком Багровым, первейшим в округе рыбаком, которого все звали Егорычем.

Я плохо понимал тогда, о чём они спорят. Было немного не по себе от резкого тона этого большого незнакомого человека 4 лицом морского разбойника, как их рисуют в книжках про пиратов, и я подвинулся ближе к отцу.

— Всё, что поймали, то и наше, — говорил Егорыч, сидящий по-турецки у самого огня.

— Так ведь, небось, сетями поймали-то? — спросил Власов.

Все знали, что Егорыч никогда не ловил сетями.

— А тебе что? — с насмешкой в голосе вопросом на вопрос ответил старик.

— Как что? — Власов снял фуражку и стряхнул с неё иоду. — Как это что? Я тут власть.

— Водяной тут власть, — буркнул Егорыч. Кто-то из рыбаков хмыкнул. А Багров поднял голову и поглядел прямо на Власова. Тот грозно засопел:

— Меня тут власть поставила, понял?!

— Как не понять! — Егорыч поплевал на ладонь и затушил об неё окурок. — Власть, значит? Что же эта твоя власть сначала реку испохабила, а теперь оберегает? От кого? Вон от Саньки Найдина, что ли, как бы он сотню лишних сорожек не поймал?

Саня Найдин, отцов товарищ по рыбалке, полулежал тут же у костра.

— А я чего? — откашлялся он. — Я — на удочку...

Но Власов на него и не посмотрел.

— Ты что несёшь, старик? — загремел он. — Ухи много съел? Это кто реку испохабил?

Егорыч усмехнулся.

— Снявши голову, по волосам не плачут.

— А яснее?

— Куда уж яснее! Была река, а теперь, вишь, — болото.

— Какое болото? — Власов надел фуражку. — Говори, да не заговаривайся. Я ведь быстро на тебя управу найду.

— Ищи. Ищи свою управу, — невозмутимо отвечал Егорыч. — Ты это умеешь. Только про рыбу меня не пытай. Отчета тебе давать не буду. Я на реке сызмальства и не таких грозных, как ты, видывал, не испугаешь.

Власов оглядел всех сидящих у костра и сказал коротко:

— У кого сетки обнаружу – гляди.

Так же внезапно как пришёл, он растворился в темноте. Взревел мотор, но скоро звук его потонул в шуме волн.

— Фьють! — присвистнул Саня Найдин.

Больше видеть Власова мне не доводилось. Рассказывали, будто прибило однажды рыбнадзоровскую лодку к берегу, а самого инспектора через неделю только нашли, когда уж он распух так, что и опознать труп было трудно. Может, лихой человек встретился, а может, буря тому виной – всякое на реке бывает!..

...Второй раз я провёл ночь на Высокой гриве лет пять спустя. Мы приехали туда с друзьями и остались ночевать. Грива показалась мне много меньше – берег был не так крут, песчаная коса вообще исчезла, от густого кустарника осталось несколько чахлых кривых берёзок, так, что мы едва набрали дров для костра. Словно рука смерти коснулась уже острова. И всю ночь кричала, кружась над костром, дикая утка...

Кроме нас на гриве никого не было, да и откуда — в хорошую погоду рыбаки сюда не заезжают.

...Многое изменилось с тех пор: люди, дома, берега водохранилища (слово это казённое не прижилось и за полвека, и все говорят по-старому – Волга). Вот и храм на яру ожил – поднялись в небо маковицы куполов, засверкали на синем фоне золотом. Только не тянет по весне с берега резким запахом смолы, не горят там костры и не собираются у огня балагуры-рыбаки. Не смолят теперь лодок – сначала катера бегали по реке, а теперь и их редкий раз увидишь.

И только по-прежнему ядовитой зеленью зацветает в июле вода, и запах тины разносится далеко по берегу. Прав был Егорыч – болото! Красивое, но бесполезное. Памятник человеческому безумию и гордыне. А Высокой гривы давно нет – её поглотило водохранилище.

Так зачем же я до боли в глазах вглядываюсь в даль, сверкающую на солнце? Что надеюсь там увидеть?..

У костра

— Восемнадцать, — сказал Витёк.

Он считал костры по левую руку от нас, а я – по правую.

— Одиннадцать.

Двадцать девять костров! Это только, что видно вдоль берега от Грязного залива до Кривого бора. А сколько ещё там не видно! И сколько у этих костров людей сидит, если около нашего восемь человек! Так уж заведено: запалит кто костёр, а к нему потом другие подтягиваются – знакомые, не знакомые – без разницы.

— Ночуем, мужики? — спросит рыбак из лодки.

— Ночуем.

— Ну так и мы с вами.

— Давай, места не жалко.

Взрослые знакомятся, складывают вместе рыбу, затевают уху и чай.

Ничего на свете нет слаще ухи из котелка, сваренной ночью на костре! Рыбы – ложкой не провернёшь. Да крупы подсыплют, да пару картошек, да лаврового листа с перчиком. Дух от этой ухи на всю округу! Слюной изойдёшь, пока ожидаешь.

Наконец всплыл рыбий пузырь, значит уха готова. Котелок снимают с огня, все рассаживаются кружком со своими ложками, тянутся зачерпнуть. А вокруг темнота – хоть глаз выколи. На небе висят крупные белые звёзды, ковш Большой Медведицы опрокинулся к Волге. Тихо. Лишь изредка в глубине леса ухнет филин. И все у костра замрут на минуту, прислушаются. Нет, ничего. В костре потрескивают дрова. Шуршит волна лёгкая, набегающая на песчаную отмель.

Когда уха съедена и чай выпит, наступает время перекура и рыбацких баек. Слушать их можно бесконечно – то весёлые до слёз, то страшные немножко, а чаще, конечно, о пойманной рыбе во-от такой величины!

— Ка-а-ак рванет, веришь – нет, я аж в корму башкой въехал, — рассказывает дядя Митя, самый старший у нашего костра.

— Ну? — недоверчиво говорит худой мужик с перебитым носом, имени которого не знаю.

— Вот те и ну! Жилка была ноль восемь – как бритвой срезало.

— Ну?

— Ну, ну! Что ты всё нукаешь?

— Ладно, дальше-то что?

— Без блесны что дальше, как думаешь?

— А чё думать, ясное дело, поворачивай оглобли.

— Эх ты, оглобля! Головой работать надо, — насмешливо говорит дядя Митя.

— И как же ты сработал? — спрашивает кто-то из темноты.

— Очень просто, — продолжает тот охотно. — Беру ложку – люминевая ложка у меня была – ломаю её и привязываю вместо блесны.

— Во даёт!

— Да, ты как думал! Пускаю дорожку, веришь, нет, берёт! Вытянул щуку, что твоё полено, килограмм на восемь.

— Ну?! — опять не удержался худой мужик.

— Баранки гну! — плюнул дядя Митя.

— Так без крючка и вытащил? — недоверчиво спросил голос из темноты.

— Так и вытащил!

— Иди ты! Щука тебе дура, что ли? Станет она за ложку держаться, да ждать, когда ты её через борт перевалишь!

— Значит, держалась! — обиженно говорит дядя Митя.

— А чё, — вступает в разговор Саня Найдин, — запросто может быть. Ты, дядь Мить, ложкой той кашу, небось, трескал?

— Ну, так что? — не понимает дядя Митя.

— Нет, ты скажи, ел кашу?

— Ну, ел.

— Маслом мазал?

— Ну, мазал.

— Вот, видишь, — облегчённо вздыхает Саня.

— Чё, видишь-то? — настороженно спрашивает дядя Митя, а все затаились, ждут, что же скажет балагур Саня Найдин.

— А то, — говорит он, — ложка-то у тебя кашей пахла, да ещё с маслом. Щука из любопытства и держалась за ту ложку: а вдруг, мол, старичок кашей угостит? Да разве он угостит – снегу зимой не выпросишь!

— Да ну тебя, дурила хренов! — окончательно обижается дядя Митя под дружный хохот мужиков, а Саня невозмутимо запускает свою ложку в котелок с остатками ухи.

— Всякое на реке случается, — говорит бородатый мужик со странным прозвищем Серёжка Малышка, хотя он совсем не маленький, а большой, как гора. — Я как-то, помню, брюхо судаку вспорол, а там часы.

— Вот так, — поддакивает дядя Митя.

— Ага. И что ты думаешь — ходят!

— Конечно, — кивает головой Саня. — Судак твой утопленнику руку откусил. С часами...

Опять дружный взрыв смеха эхом отдаётся в лесу.

— Эй, Саня! — раздался прежний голос из темноты. — Хватит трескать, весь котелок вычистил. Расскажи-ка лучше, как ты уху-то варил, помнишь, с китайской приправой?

Саня Найдин аккуратно вытер травой ложку, прикурил от уголька и стал неторопливо рассказывать.

— Как-то раз у Валков ночевали. В августе, помню, ночь тё-ё-мная! Ну, наладили, ясное дело, уху варить — рыбы, я вам скажу, завались, а крупы нет. Я тут и вспомнил, что у меня в лодке банка с рисом лежит. Что, говорю, мужики, рис пойдёт? Пшено, конечно, отвечают, лучше, да на нет и суда нет, тащи свой рис. Принёс я банку и половину в котелок засыпал, а остаток под ёлку поставил. Сварилась уха, поели, всё как полагается. Петька Чугунов, из Василёва-то, «Чайка» у него японская, пошёл котелок ополоснуть, чтобы чай, значит, заварганить. Вдруг бежит назад, глаза на лоб вылезли. «Ты чем, — кричит, — ты чем нас, гад, накормил?!» Не понял я сначала. «Как чем?» — спрашиваю. «Чего ты, придурок, в котелок засыпал?» Сам с кулаками приступает, знаете ведь его. «Рис, — говорю, — китайское блюдо». «Ах, блюдо! — кричит Петька, — я тебе покажу сейчас блюдо!» Тут мужики вмешались, интересуются. Петька им: «Он же нас, придурок несчастный, опарышами накормил!» Я так и обмер. Бляха, думаю, муха, у меня ведь и правда банка была в лодке с опарышами. Сунулся под ёлку, банку открываю — так и есть, опарыши! Сейчас, смекаю, наломают мне мужики бока. И наломали бы, да как тут начало нас всех наизнанку выворачивать, не до того...

— Врёшь ты всё! — сказал, посмеявшись, товарищ дяди Мити Фёдор, задиристый мужик в офицерской фуражке без кокарды.

— Чего мне врать? — усмехнулся хитро Саня. — Как было, так и говорю.

— Да ладно, эту байку по всему берегу рассказывают который год.

Саня согласно кивнул.

— Вот. Тому случаю сколь — лет пять будет? Точно. С тех пор и рассказывают. — Ясное дело.

— А чего же не говорят, что это ты был? — допытывался зануда-Фёдор.

— Я знаю? Не веришь, спроси у Петьки василёвского, он подтвердит.

— Ага, буду я твоего Петьку по всему Василёву искать! Балабон ты, Саня, выдумал тоже — опарыши! Вот ты мне лучше скажи...

Тут Фёдора перебили:

— Ты чего пристал к человеку? Не любо, не слушай...

— А мне, мужики, говорили, что это Саня был, — поддержал кто-то из темноты.

— А то! Кто же кроме Сани на такое способен?

— Это уж точно!

— Ну ладно. Дальше-то что, Сань?

Эту историю я слышал уже раз десять, но всё равно смешно. И я смеюсь, глядя в бархатное небо, усыпанное звёздами, которые расплываются от слёз в моих глазах. Ну, насмешил Саня!

А кругом ночь, тёплая, душная даже. В траве стрекочет невидимый кузнечик. Я придвинулся к отцу.

— Пап, я искупаюсь?

— Вроде, не жарко.

— Ну, пап...

— Ладно, только по быстрому и далеко не заплывай.

Отец, зная, что я плаваю, как рыба, никогда и нигде не запрещает мне купаться, наоборот, бывало, до берега ещё далеко, а он заглушит мотор и приказывает:

— Марш за борт! Плыви!

Мне только того и надо: хлебом не корми — дай покупаться. И я плыву, а отец на лодке рядом. Наверное, поэтому я совсем не боялся воды.

Искупаться ночью да ещё в незнакомом месте — об этом можно только мечтать! Я хотел позвать с собой Витьку, но он уже заснул, пригревшись у огня. «Ладно, пускай спит», — подумал я и пошёл к берегу.

Сложив одежду на корягу, я вошёл в воду. Вода была очень тёплой, и на ней лежал широкий лунный столб. Единственное, чего я не люблю при купании, так это заходить в воду. Толи дело бултыхнуться с лодки солдатиком или головой вперёд! Я лёг на воду, прямо в мерцающий лунный поток, и поплыл.

Плывать по ночной реке здорово! Кто пробовал, тот со мной согласится. Кругом тьма-тьмуцкая, внизу под тобой чёрная вода, а сверху звёзды, как угли горят. И тихо так, только вода поплёскивает под руками... Легко и свободно, будто и не плывёшь совсем, а летишь к звёздам. Вот они, близко, стоит протянуть руку...

Я повернул назад и всё по той же лунной дороге поплыл к берегу. Там ярким пятном среди тьмы горел костёр, высвечивая лица рыбаков и бросая на них отблески, отчего лица казались незнакомыми и таинственными. На мгновение сердце моё сжалось, как это бывает, когда лодка, поднявшись на крутую волну, падает потом вниз. Я не понял, что произошло, но в этот миг я знал, что вот ЭТО никогда больше не повторится — костёр, люди возле него, среди них отец, и эти звёзды над чёрной водой, и лунная дорога, по которой я плыву... Нужно запомнить, обязательно запомнить... И ещё, что всё ЭТО я видел уже когда-то...

Как порыв ветра: сжалось сердце и отпустило. И когда отпустило, я уже ничего не знал, я забыл о том странном чувстве, которое чуть коснулось меня, словно птица крылом. Только где-то глубоко в груди осталась заноза малая, неощутимая до поры.

Я попрыгал по песку, вытряхивая из ушей воду, и рысью побежал к костру. Правда, на полпути остановился и, сам не понимая зачем, оглянулся назад. Лунный столб матово светился на чёрной воде.

Буря

Мы заночевали на Малой гриве. Перед рассветом я проснулся от холода. Костёр почти погас, с реки дул сильный ветер, было слышно, как волны с шумом катились на берег и разбивались на песчаной отмели, где стояли наши лодки. Взрослые уже встали, суестились, раздувая огонь.

Видать, буря разыграется, — заметил старик Багров, ночевавший у нашего костра.

Саня Найдин переломил о колено толстый сук и сказал:

— Что, Егорыч, кости ноют?

Старик ничего не ответил. Все замолчали и повернули головы в сторону реки, откуда доносился шум волн.

Я толкнул спящего Витька, он проснулся и удивлённо захлопал глазами.

— Ты чего?

— Буря будет, — шепнул я.

Витёк, выбравшись из-под плаща, пополз ближе к костру.

— Порыбачили, значитца, — проворчал Саня. — Встретили зорьку.

Рассвело и сквозь мутную мглу стало видно, как Волга поднялась, будто вспухла, и по ней гуляют беяки. Мы спустились по песчаному обрывчику к лодкам.

— Ясно, — сказал Егорыч, глядя на волны, — затяжной.

Что такое «затяжной», я не понял, но ничего хорошего такое слово не обещало, это уж точно. Отец положил мне на плечо руку.

— Домой? — спросил он.

Мне возвращаться не хотелось.

— Может, утихнет?

— Едва ли. Надо возвращаться.

К нам подошли Саня Найдин с Витьком.

— Лучше пересидеть, — сказал Саня. — Рыба, спички есть.

— Юго-западный дует, — возразил отец. — Это надолго.

— Пап, давай останемся! — я посмотрел на Витьку, и он затянул ту же песню.

Отец молчал, глядел на небо и волны.

— А мать что подумает? — сказал он, наконец, и мне нечего было ответить. Я представил, как мама смотрит в окно на беляки и волнуется за нас. Хорошо Витьку, у него мать уехала в санаторий, дома некому волноваться. Значит, надо назад.

— Собираемся, — коротко бросил отец и пошёл к костру за вещами.

Саня, недовольно покачивая головой, отправился за ним следом. Мы с Витьком переглянулись с кислыми минами и поплелись вверх по песчаному откосу — делать нечего, надо собираться. А жаль. Вот бы остаться здесь, на островке посреди водохранилища и увидеть настоящую бурю не из окошка! Страшно, но интересно.

Старик Багров и ещё один рыбак, ночевавший с нами у костра, остались на берегу, а когда мы закидали свои пожитки в лодку, Егорыч подошёл к отцу.

— Зря ты, Николаич, — сказал он хмуро. — Переждать вернее.

— Проскочим, — сказал отец и стал толкать лодку, глубоко увязшую днищем в песке.

Егорыча поддержал Саня Найдин:

— Правда, слышь... Опасно с ребяташками-то.

— А тут не опасно? Того и гляди, волна гриву накроет.

Сплюнув на песок, Егорыч развернул отвороты на сапогах, словно собирався лезть в воду, но в воду он не полез, а пошёл к своей лодке и стал подтягивать её дальше на песок, чтобы волной не унесло. Саня поглядел на реку, на сутулую спину старика и сказал, почёсывая лоб:

— Я, Николаич, это... Останусь всё-таки.

— Дело твоё, — ответил отец.

— А может, и ты?

Отец посмотрел на меня. Я молчал, стуча от холода зубами.

— Нет. Прыгай в лодку! — отец ободряюще мне улыбнулся и сказал Сане: — Помоги-ка столкнуть.

Вдвоём они легко приподняли нос лодки и столкнули её на воду. Отец сел за вёсла, развернул лодку против волны и стал отгребать от берега. Я оглянулся. Мужики стояли на отмели, среди них Витёк, такой маленький и тихий, что мне стало его почему-то жалко. Я вспомнил слова отца, и мне представилось, как волны поднимаются всё выше, заливают гриву, и она исчезает под водой, вроде древней Атлантиды, о которой я читал книжку. Все погибли, и Витёк тоже. Последний человек из Атлантиды.

— Витёк! — дальше я не знал, что сказать и крикнул: — Пока!

— Пока! — отозвался он и помахал рукой.

Тем временем мы отплыли от берега на приличное расстояние.

— Ну-ка, сядь за вёсла, — кивнул мне отец, — держи на волну, не давай ей развернуть лодку. А я мотор заведу.

Мотор завёлся с первого рывка, и лодка пошла навстречу ветру.

Скоро фигурки людей на гриве, да и сама грива исчезли из глаз, но об Атлантиде я больше не думал, не до того было. Крутые волны доставали до бортов лодки, едва не захлёстывая её. Вода плескалась совсем близко, холодная, серая, вспененная ветром.

— Теперь держись! — сказал отец, крепче натягивая на лоб кепку. Он вёл лодку так, что она шла наперерез волне, и катящиеся навстречу валы поднимали и опускали её равномерно. Я сидел, вцепившись в борт, и считал волны. Девятая должна быть больше других. Но подсчёт не получался — все волны были одинаково большими.

— Главное, чтобы волна в бок не била, а то может перевернуть, — объяснил мне отец.

Я молча кивнул.

— Не боишься?

— Нет.

— Ну и ладно. Не дрейфь, проскочим!

Но мы не проскочили. Вскоре ветер усилился, небо потемнело: чернильно-грязная туча напозла с юго-запада, и вот прямо над нами сверкнула длинная стрела молнии. Минуту спустя прокатился трескучий гром. И началось! Волны, будто посходили с ума — они закипели вокруг лодки, потеряв всякое направление. Хлынул дождь, и молнии вспыхивали так часто, что раскаты грома слились в сплошной несмолкающий грохот.

Если честно, грозы я и раньше боялся, причём не молнии, а грома, вот такого именно — остро-трескучего, который небо, словно на части раскалывает. Жуть! Хочется забиться куда-нибудь, спрятать голову и не слышать этого оглушительного треска.

А тут куда спрячешься?! Мы попали в самый центр урагана. Вокруг бушевала стихия: с неба падали потоки дождя, они смешивались с брызгами волн, ставших ещё круче и обрушивающихся на лодку со слепой яростью, словно хотели разбить её по дощечке и разметать по всей Волге. Ветер свистел и стонал, а в те минуты, когда лодка падала с волны, мотор ревел дико.

— Ложись на дно! — крикнул мне отец.

Я посмотрел на него. Он сидел, пригнувшись, обеими руками держал рукоятку мотора и вглядывался в серую хмарь, обложившую нас плотной завесой. По его лицу стекали струи воды, и оно было чужим.

— Ложись! — повторил он, крепко сжимая губы.

Лодка то взмывала в воздух, то проваливалась вниз, ударяясь об воду. Бух! И потом снова — бух!

Кое-как расстелив на дне намокший брезентовый плащ, я лёг лицом вниз, а руками уцепился за копани над еланью.

Под еланью плескалась вода, и остро пахло рыбой. Сверху гремело, а днище лодки, на котором я лежал, с такой силой ударялось об воду, что мне казалось: вот сейчас доски не выдержат, дно треснет, и мы окажемся в воде, среди этих бешеных волн. От таких мыслей стало страшно, и я старался думать о чём-нибудь другом, но ничего не получалось.

Гроза не утихала. Я зажмурился, но всё равно и сквозь закрытые веки видел ветвистые молнии, выраставшие, точно деревья от воды до неба. Так продолжалось долго, казалось, что лодка стоит на месте, и мы боремся с волнами целую вечность, но вот, наконец, перед нами вырос, как темная стена, берег.

— Иди ко мне! — прокричал сквозь шум отец.

Идти я, конечно, не мог, пополз на четвереньках по дну лодки, ваясь то на один, то на другой бок.

— Испугался? — отец смотрел мне в глаза.

— Не... Немного.

— Ничего, всё теперь позади.

Я кивнул головой.

— Слушай, сейчас подойдём к берегу и тебя высажу здесь...

Куда?

— На берег, куда же ещё!

— За... зачем?

— Пойдёшь домой.

— Как? — спрашивал я, всё ещё не понимая, что задумал отец.

— Так, — ответил он, — пешком, по берегу.

— А ты?

Отец вытер рукавом лицо.

— А я всё тем же Макаром. Лодку ведь тут не бросишь, верно? Волной разобьёт. Понимаешь, мы наперерез шли. Вот. Теперь надо вдоль берега. Бензин скоро кончится, я потихоньку на вёслах, а ты беги, мать успокой.

— Я с тобой!

— Нет, это долго. Берегом скорее, да и согреешься.

Я чувствовал, что спорить с ним бесполезно и согласно кивнул головой.

Подойти к берегу оказалось не так-то просто, хотя здесь было заметно спокойнее, чем на середине водохранилища. Отец заглушил мотор и сел за вёсла. Удерживая лодку на волне, он подвёл её к песчаной косе, и я выпрыгнул на берег. Ноги дрожали, и земля качалась подо мной, будто я всё ещё находился в лодке, падающей с гребня волны вниз. Я сел прямо на песок.

— Ты что? — долетел до меня голос отца.

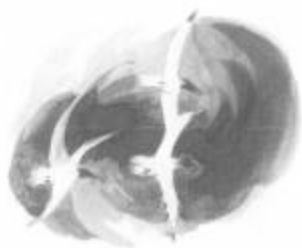
— Ноги не держат! — крикнул я и попытался засмеяться, но ничего не вышло. Отец, наверно, меня не услышал и махнул рукой.

Дождь почти кончился, чуть моросил, и гроза осталась где-то там позади — вдалеке ещё вспыхивали изредка молнии, и глухо ворчал гром. Мутные волны относили лодку от берега. Отец развернул её и стал грести, изо всех сил налегая на вёсла, мотор уже не заводил. Лодка челноком ныряла с волны на волну и, казалось, совсем не двигалась с места.

Отдохнув немного на мокром песке, я встал и почувствовал, что под ногами уже не плывёт. Нужно было идти. Дорогу я знал: отец посадил меня у Крестовского залива, сюда мы часто ездили на рыбалку. Я полез вверх по крутому склону, хватаясь руками за мокрые, скользкие ветки краснотала. Поднявшись на откос, оглянулся: внизу до горизонта, насколько хватало глаз, лежала огромная чаша водохранилища, сплошь покрытая белыми гребнями волн. Раньше я как-то не замечал, что водохранилище такое большое. Или, когда виден противоположный берег, оно, кажется меньше?

Я отыскал взглядом возле берега лодку и в ней отца. Такими маленькими и одинокими казались они отсюда на фоне бескрайней воды, что мне стало тоскливо, как тогда, когда мы отплывали с гривы. Я дал себе слово больше не смотреть на лодку и зашагал по откосу в сторону нашего посёлка. Идти предстояло вдоль Волги километра три.

И всё же я не удержался: не пройдя и десяти шагов, оглянулся ещё раз, но лодки уже видно не было. Тогда я вздохнул поглубже и побежал вперёд по мокрой траве, слизывая с губ летящие навстречу дождевые капли.

Золотой линь Сани Найдина

Всякий знает: поймать на удочку линя – это уметь надо. Да и умения одного тут мало, самое главное, нужна удача, а она, известно, улыбается не каждому. Мне так, например, очень редко. Наверное, поэтому я ни разу линя и не поймал. А вот как другие ловили эту редкую, капризную рыбу мне видеть доводилось. Те, кому удача. Вот как Саня Найдин, например. Про Саниного линя стоит, пожалуй, рассказать. Выпало чудачу рыбацкое счастье, ничего не скажешь. Выпасть-то выпало, да ведь его ещё удержать надо.

Саню у нас в посёлке всякий знает. Несмотря на свои сорок с лишним лет, он выглядел как парнишка и был большой шутник и балагур. Всё время с ним какие-нибудь истории приключались, он затевал всякие предприятия, попадал впросак, бывал битым, обманутым, но не унывал и опять, сломя голову, кидался в новое приключение. Такая у него неуёмная натура была.

А главное – Саня до страсти любил рыбалку. Он заводил перемёты, вен-теря, сети – их снимали, выбирали рыбу, а то и снасти уносили – Саня ставил новые. Ловил он и «пауком», и на дорожку, и спининговал, и дергушкой баловался, но больше всего прочего уважал поплавочную удочку. У него имелся набор бамбуковых удилиц – предмет его гордости и нашей мальчишечьей зависти. Развернёт их, бывало, вдоль борта своей лодки веером – загляденье! Удилища прямые, лёгкие, гибкие – не чета нашим берёзовым да ольховым, хоть и просушенным на солнце, а всё же тяжёлым и неуклюжим по сравнению с Саниными.

В конце мая ранним утром, когда солнце ещё не взошло, а над водой курится белый пар, отправились мы на рыбалку, как у нас говорили, — «на ту сторону», то есть к противоположному берегу водохранилища: отец, я, Саня и сын его Витёк, мой ровесник.

— Эй, мужики! — крикнул нам с дебаркадера матрос дядя Петя, и голос его гулко покотился над тихой водой. — Чего в такую рань? Али из дому выгнали?

— Ранняя птаха больше корму клюёт! — отозвался Саня, заводя мотор.

Мотор не заводился. Саня во весь голос вспомнил всех родных, близких и даже святых, но его «пускач» кашлял, фыркал, издавал всякие немыслимые звуки, а заводиться не хотел.

— Не проснулся ишо! — утвердительно сказал с дебаркадера дядя Петя.

— Щас мы его разбудим! — Саня с головой нырнул в ящик, покопался там, потом выпрямился и резко дёрнул ремень.

Громко чихнув, мотор заработал.

— Во! — крикнул Саня дяде Пете. — Дело мастера боится. Давай, Николаич, — повернулся он к отцу.

Наша «Стрела» завелась сразу, и лодки одна за другой вывернули из залива в водохранилище.

У Сани лодка была побольше нашей и ходила под стационарным мотором. Такой мотор устанавливается возле кормы и закрывается сверху двумя створками, образуя тем самым с боковыми стенками своеобразный ящик. Мне всегда казалось это удобным — не надо мотор домой таскать, но у нас был мотор подвесной — «Стрела», и его приходилось носить от лодки к дому на плечах. Но зато он хорошо заводился и не занимал места в лодке.

Берег за кормой удалялся, будто истаивал, — сначала дома исчезали за деревьями, а потом и деревья слились в одну сплошную ленту. Зато противоположный берег нарастал, всё чётче вырисовывались стволы сосен, а над ними разливалась по небу заря. Мы плыли навстречу восходящему солнцу. Погода была безветренной, на глади водохранилища, как ни старайся, — морщинки не увидишь.

Поставив лодки на якорь друг против друга в небольшой заводи, берега которой густо поросли осокой, а из воды то там, то тут торчали крупные листья кувшинок, стали забрасывать удочки. Мне отец дал одну, и я с ней быстро управился. Напротив нас Саня возился, раскладывая свой бамбуковый веер. Соединительные трубки поблёскивали на солнце, а Саня насаживал на крючок червя, смачно плевал на него и закидывал удочку, приговаривая:

— Ловись рыбка, большая и ма-а-ленькая!

Было так смешно смотреть на его возню и слушать монотонное бормотание, что я не сдержался и прыснул в кулак. Отец строго посмотрел на меня, но ничего не сказал. Я отвёл взгляд от Сани и уставился на неподвижно застывший на воде поплавок. Прошло сколько-то времени, и раздался приглушённый Санин голос:

— Ишь, паразит, осторожный!

Таким голосом говорят только в одном случае – если клюёт. Мы с отцом стали смотреть на Санины поплавки. Витёк привстал на корме и показал пальцем на один из поплавок.

— Вон, на той удочке, гляди!

Я увидел, как один из Саниных поплавок закачался, чуть наклонился и замер, потом затанцевал, и от него побежали лёгкие круги. Саня встал и взял удилище в руки.

— Давай, пап, тащи! — шептал Витёк.

— Учи учёного, — ответил Саня. — А то я не знаю, когда надо. Там у меня не один червяк, а пяток, — кисточка, значит.

Поплавок успокоился и долго стоял неподвижно.

— Всё, ушёл, — огорчённо сказал Саня, но тут поплавок опять заволновался. — Нет, гляди-ка, тут ещё!

— За траву, наверно, задевает, — предположил отец.

— Не, скорее, ершишка теребит. Таскает за концы.

Так продолжалось минут десять-пятнадцать, не меньше. Наконец Санина выдержка увенчалась успехом: поплавок начал медленно и как бы неохотно тонуть. С криком: «Я тебя, паразит!» — Саня сделал подсечку. И сразу же его удилище выгнулось дугой. Мы затаили дыхание.

— Отпусти! — крикнул отец. — Санька, отпусти, дурень! Понизу тащи, порвёт!

Саня ничего не слышал. Его добыча не металась из стороны в сторону, как это делает язь, не выпрыгивала из воды, «делая свечку», как голавль — боролась спокойно и тяжело.

— Сань, а может зацеп? — спросил отец.

— Не. Чувствую живину.

Вот Саня подтащил рыбину к лодке, подсачил и поднял на воздух. Сквозь ячею тускло блестело.

— Николаич, — с придыханием выговорил Саня, — линь!

Он вытащил рыбину из подсачка и бережно уложил на крышку ящика. С нашей лодки было хорошо видно, как линь лежал, и бок его горел на солнце — тёмно-зелёный с золотым.

— Линёк, — говорил Саня, ласково поглаживая гладкий бок рыбины, — красавец такой... Царь среди рыб. Слышь, Николаич, правду говорят, что линь самая вкусная рыба?

Линь лежал спокойно, даже не дёргался. Он был большой, очень большой, толстый, с тёмной спиной и жёлтым брюхом.

— Глаза-то, гляди, глаза-то! — закричал Витёк.

— Чё, глаза, Витёк? — спросил я, привстав в лодке.

— Глаза у него — красные! — восхищённо сказал Витёк. — Так и горят!

— Золотой ты мой, — приговаривал тем временем Саня, — ненаглядный! Обдурить Саню Найдина хотел. Не-е-т, не вышло.

И тут... Линю, видно, надоело слушать обидные Санины речи и он, собрав все силы, ударил хвостом по ящику. Что произошло и следующее мгновение, я

понял не сразу. Выскользнув из Саниных рук, линь упал за борт, а Саня, привскочив от неожиданности, ринулся вперёд и повалился следом за линём в воду.

Все мы, включая Витька, хохотали до слёз пока Саня выбирался из воды в лодку, перепутав все удочки, пока, чертыхаясь, снимал с себя одежду, выжимая её, и развешивал по бортам лодки. Потом он сидел, скукожившись, совершенно голый и распутывал лески. Какое-то время он молчал, а потом закурил и сказал:

— Да разве линь рыба? Поросянок, а не рыба! Точно ведь, Николаич?

— Ну, поросёнок — мясо хоть куда, — неопределённо ответил отец.

— Не, — Саня аккуратно заплёвал окурок и бросил его в воду. — Я свинину вообще не люблю.

Солнце зашло за облако и медленно плыло в нём, жёлтое, как Санин линь. Ну, здоров был, ничего не скажешь!

Город на заре

Перед рассветом тишина особенная. Такой и не бывает больше никогда – хрупкая и немного тревожная. Невольно и говоришь вполголоса, почти шёпотом, как будто боишься спугнуть что-то невидимое, растворённое в самом воздухе – свежем, влажном, настоящем на запахах травы, листьев и близкой реки.

В старом парке, среди огромных столетних лип, совсем темно. И вдруг, где-то там, в невидимой кроне, вскрикнет во сне одинокая птица – так и вздрогнешь от неожиданности, а сердце упадёт и потом забьётся часто и громко.

Едва видна под ногами тропинка, петляющая по склону горы вниз, к воде, туда, где ровным строем застыли вдоль берега лодки.

Отец идёт чуть впереди. Я осторожно спускаюсь за ним следом. Гора крутая, покатишься – до самой воды не остановишься. И руки заняты: одной крепко прижимаю к груди связку длинных удилищ, а другой – держу подсачек да ведёрко с червями и прикормкой – пшённой кашей, кусочками жмыха и хлеба.

Вот и наша лодка. Бр-р! Цепь – холодная, мокрая от росы. Протаскиваешь её через металлическую скобу, вбитую в ствол берёзы, через уключины весёл и так она гремит резко и противно, что с души воротит. А всё потому, что спать хочется! Гак хочется, что сил нет, и даже ночной холод, поднимающийся от воды и от которого уже начинают постукивать зубы, не может прогнать этот сон. И спал бы себе дома, да больно уж велика охота поехать с отцом на рыбалку.

Обогнув песчаную отмель, мы движемся к выходу из залива на слабый огонёк дебаркадера. Матрос дядя Саша как всегда не спит – дежурит у своих закидушек, ждёт звонка.

— Эй, на дебаркадере, чалку давай! — негромко говорит отец, но голос его далеко раздаётся над водой.

Дядя Саша, шурясь, всматривается из-под фонаря в кромешную тьму.

— Ты что ли, Николаич? — спрашивает он так же вполголоса.

— Я.

— Куда так рано?

— У Кривого Бора хочу попробовать.

— Гляди, ветер-то северо-восточный. Едва ли клёв будет.

— Ничего, наша рыба от нас не уйдёт.

— Ну-ну, счастливо...

Во время разговора я втискиваюсь в корму, стараясь, чтобы дядя Саша меня не заметил. У нас, мальчишек, с матросом счёты особые. Облюбовали мы его дебаркадер для прыжков в воду. У дяди Саши в борьбе с ныряльщиками свои, и надо сказать, весомые аргументы. Не успеем мы появиться, как он бежит в каюту и возвращается с верёвочной плёткой в руках. Верёвка у него не простая – крепкая, рыжая, из каких чалки делают. У нас про такую говорят «из морской травы», что означает высшую степень прочности и надёжности.

Эх, дядя Саша, дядя Саша! Куда тебе с твоей сверхпрочной чалкой! Не легче ли ловить ветер?! Как горох, сыплемся мы в воду – кто «солдатиком», кто «бомбой», кто головой вниз без единого всплеска – класс! Отплываем от дебаркадера на безопасное расстояние и хором кричим, хохоча и отплёвываясь:

Саня Кочет

В морду хочет!..

А бывает, кто и покрепче завернёт. Дяди Сашина фамилия Кочетков и потому дразнилка для него особенно обидная. Так и воюет он с нами все лето, пока тельняшка у него совсем не выцветет, а плётка не измочалится вконец от ударов по перилам дебаркадера. Но вот ведь – никогда ни на кого из нас не жалуются родителям. Даже приходишь вместе с отцом на дебаркадер ждать парохода и стоишь, пока отец и дядя Саша беседуют о рыбалке, совсем рядом, разглядываешь удивительные татуировки, густо покрывающие руки матроса, – даже и тогда слова не скажет про наши безобразия. И вообще, человек дядя Саша добрый, но встречаться с ним всё-таки страшновато... А вот сменщик его – дядя Петя – человек другого склада. Он тоже, конечно, гоняет нас с дебаркадера, но более спокойно как-то, «не заводится», не отвечает на дразнилки, и потому нам с ним воевать не интересно.

Остался позади дебаркадер и выхваченные из темноты светом фонаря очертания обрывистого берега. Всё исчезло. Как ни вглядывайся, не разберёшь, где кончается небо, а где начинается вода – густая, непроглядная тьма, только сверху льдинками высвёркивают звёзды. И странное чувство возникает: будто лодка наша – одна во всём мире, маленькая и одинокая.

Плыть нам долго — что-то около часа: пока на вёслах доплываешь до Кривого Бора, чуть не через всё водохранилище! Темнота только начинает редеть. Так и рассчитано: доберёмся до места, и солнце встанет — в самый раз на утренний клёв.

— Ложись, поспи, — говорит отец, кидая на дно лодки плащ и свою телогрейку.

Я укладываюсь и, согреваясь, слушаю, как поплёскивает вода под еланями, смотрю в небо, где гаснут последние звёзды. Красной точкой мерцает во тьме огонёк отцовской сигареты...

— Вставай, сынок, клёв проспишь!

Солнце уже показалось над берегом. Его прямые лучи упираются в медные стволы сосен, а потом, будто отталкиваясь от них, ложатся на тихую воду, курящуюся белым густым паром, и окрашивают её в пунцовый цвет. Отец привязывает верёвки к двум тяжёлым камням, которые служат нам якорями. Через несколько минут удочки заброшены, поплавки, как приклеенные, неподвижно застыли на воде. И кажется, — сейчас один из них — вон тот, с ярко-красным стволом гусяного пера — вздрогнет, качнётся и косо уйдёт в глубину...

И в это время появлялся Город. Помню, как увидел его в первый раз. Мы сидели с отцом, как обычно, в лодке, ждали поклевки и вдруг сзади — издали, но явственно — зазвучала музыка. Отец не обратил на это внимания, а я оглянулся, и тонкая иголка уколола мне сердце. Я увидел Его. Высокие светлые дома, белые лестницы, уходящие ступенями в воду...

Я смотрел на Город до боли в глазах. Незнакомое мне раньше чувство заставило меня забыть о рыбалке — и чем дольше смотрел я за реку, тем острее оно становилось — будто сейчас, ещё немного и я вспомню что-то давно забытое и очень важное... Но вдруг всё исчезло. Так было много раз. Потом я заметил, что Город появлялся лишь в определённый час, на заре. И всякий раз, когда я видел его, меня охватывало это странное чувство...

Какое-то время Город как бы висел над водой, но солнце поднималось выше и от видения не оставалось и следа. Я смотрел, как таяли дома, лестницы, купола высоких храмов — словно и не было их вовсе. Исчез мираж. Только синевато-зелёная гладь воды в ярких бликах да полоска берега с едва различимыми строениями. Там, за рекой, находился простой волжский городок с серенькими невзрачными зданиями, с уродливо обрезанными тополями вдоль пыльных улиц, с пристанью, возле которой на столбе висит громкоговоритель-колокольчик...

Я, Витёк и Дик Сенд

В конце августа после двухнедельных дождей наступили тёплые солнечные дни. Ветра почти не было, — так, слегка дул юго-западный, гнал от нашего берега мелкую волну. Такая погода — самое милое дело для рыбалки. Ну, окунь и пошёл. Мы с обрыва наблюдали, как чайки с криком падали в воду, хватили малька, гонимого полосатым разбойником, а рыбаки на лодках едва поспевали за перемещающимися стаями. Кто тут дома усидит?

Да мы и не сидели. Но достать окуня с берега — пустая трата времени, а на лодке нас одних на водохранилище не отпускали родители. С завистью мы смотрели, как мужики, уложив нехитрые снасти в лодки, выгребают из залива, заводят моторы и исчезают за мысом, уходя на большую воду, искать, где бьёт чайка. Нам же оставалось одно — забрасывать поплавочные удочки с берега в надежде поймать обленившегося к осени карася.

Но вышел и на нашей улице праздник. Я сидел у дома и вырезал свисток из ивового прута, когда во двор ворвались Витёк со Славкой.

— Завтра — на рыбалку! — не отдышавшись, выпалил Витёк.

— Куда?

Славка опередил:

— На ту сторону. Отец Витька нас берёт.

Сердце у меня затрепыхалось, как птенец в руке.

— Точно? — зачем-то спросил я у Витька, хотя знал наверняка, что точно.

— Батя обещал, — серьёзно ответил Витек и сел со мной рядом на скамейку. — Так что готовь блёсны.

Блёсны у меня давно были готовы и лежали в жестяной коробке из-под чая — белые, жёлтые и две даже вроде как медные, с красноватым оттенком с наружной стороны. Целый год собирал, с прошлой осени, — какие-то у отца выпросил, пока он был дома, а другие выменял в школе на разные вещи. Две же медные честно выиграл в «чеканку» у Пашки Рыжего. Пашка страх как не хотел с ними расставаться, даже чуть не заплакал, когда их мне отдавал, но куда денешься — не надо было на кон ставить.

— У меня всё в ажуре, — сказал я Витьку. — Хоть сейчас поехали.

— Нет, сейчас не получится. Мы тоже было со Славкой уговаривали отца поехать на ночь, да он ни в какую — холодно уже, говорит, не июль.

— А когда?

— Утром. Часов в семь к нашему дому приходи.

— Ладно.

Отпустили меня без уговоров, мать только сказала:

— Оденься потеплее, теперь на Волге холодно, особенно по утрам. Да возьми поесть чего-нибудь.

Я собрал в плетёную корзину две удочки-дергушки, банку с блёснами, моток запасной лески и два куска ржаного хлеба, которые полил подсолнечным маслом и густо посыпал солью. Поставил всё это у дверей рядом с курткой и резиновыми сапогами, а сам попытался уснуть. Как бы не так! Я ворочался с боку на бок, считал баранов и даже слонов, представлял, как мы будем ловить окуня, вспоминал кино «Три мушкетёра», прочёл главу «Пятнадцатилетнего капитана» — бесполезно, сон не приходил. Повертевшись так часа два, я не выдержал, встал с постели и вышел на улицу.

Августовское небо было полно звёзд. «Вот когда надо в телескопы-то смотреть», — подумалось мне. Задрав голову, я стоял у поленницы и разглядывал висящие надо мной созвездья. Правда, кроме Большой Медведицы других я не знал, да и эту научился находить недавно. Тогда приезжал из города отец, мы поехали рыбачить с ночёвкой, и он показал мне, как отыскать на звёздном небе ковш и от него Полярную звезду. Он, помню, сказал:

Был в древности такой народ — скифы, так вот они называли Большую Медведицу Повозкой Времени.

— Совсем и не похоже, — ответил я.

— Это как поглядеть. Да и не в похожести дело...

Отец и про другие созвездия мне рассказывал, только я все уже позабыл, вот про Повозку Времени только и помню.

Так смотрел я на звёзды и вспоминал. А они искрились и подмигивали, а одна неожиданно сорвалась и покатилась по небу.

«Надо же было желание загадать!» — подумал я и стал ждать, когда упадёт другая звезда. Вот она летит и чертит белый след по чёрному небу. Я скороговоркой шепчу заветные слова. Успел! Примета, говорят, верная, — успеешь загадать, как есть исполнится.

Вдруг зашумели листья на тополях за домом. Опять стихло. И опять шум листвы. Только бы ветер не разгулялся. Не успел я так подумать, как щекой почувствовал волну прохладного воздуха. Ничего, ночью бывает, а под утро стихнет. Обязательно. Но ветерок упрямо дул, причём, разворачивался на север. Не утихнет, никакой рыбалки не получится, — в этом сомневаться не приходилось, разве поедет отец Витька с тремя пацанами, если волна поднимется? Ни за что не поедет. И мой отец не поехал бы. Один бы, может, и поехал, а так — нет.

Я вернулся в дом и на этот раз быстро уснул. Мне приснилось лазурное флибустьерское море, шхуна с «Весёлым Роджером» на мачте, у штурвала одноклазый моряк с золотой серьгой в ухе, который кричал осипшим голосом мальчишке моих лет, карабкавшемуся по вантам:

— Дик Сенд! Свистать всех на верх!

Мальчишка спрыгнул с борта на палубу, поднёс к губам висевший па груди свисток (почему-то из ивового прута) и дунул в него. Раздался не свист, а звон. Назойливый и противный, он тянулся и тянулся, казалось, ему не будет конца.

Будильник звенел так громко, что мог, наверно, мёртвого разбудить. За окнами было уже светло, но солнце ещё не встало. Наскоро перекусив, я схватил корзинку со снастями и выскочил на улицу. Ветер дул с севера, но не сильный. «Вот и ладно», — обрадовался я и со всех ног помчался к дому Витька.

Все были уже в сборе. Дядя Саша, отец Витька, наливал в канистру бензин.

— Погода мне не нравится, — сказал он. — Не знаю, стоит ли ехать?

— Стоит, дядь Саш, — проговорил Славка с уверенностью бывалого рыбака. — Ветер-то не сильный.

— Это пока, — возразил дядя Саша, — видите, направление изменилось? Может раздуться.

Мы все трое дружно стали убеждать дядю Сашу в обратном, мол, напротив, если с утра дует, потом успокоится.

Наконец, он с нами согласился и, махнув рукой, сказал, как Гагарин:

— Поехали!

Пожалуй, словам первого космонавта мы не радовались так, как дяди Сашиным.

Ветер, действительно, был не такой уж и сильный. Покачиваясь на волне, лодка бежала шустро, и вскоре мы были на месте у Зелёного Мыса. Дядя Саша посадил за мотор Витька, а сам достал бинокль и стал высматривать чайку. Мы со Славкой с завистью смотрели на товарища, двумя руками уцепившегося за рукоятку управления. На нас Витёк не смотрел, по всему было видно — чувствовал себя капитаном пиратского брига.

— Ага! — раздался голос дяди Саши. — Вон она где!

Невооруженным взглядом чайку было не разглядеть. Отец

Витька махнул рукой по направлению к берегу слева от Зелёного Мыса и сел за мотор. «Пускач» громко заурчал, набирая обороты, и лодка, приподняв нос, понеслась вперёд.

Чаяк было не много, птиц пять-шесть, но кричали они за целую стаю, то и дело шлёпаясь в воду за добычей. Дядя Саша разобрал спиннинг, а мы запустили по бортам дергушки. Вот и первая поклёвка:

— Есть контакт! — кричит Витёк и, отбросив удильник, быстро перебирает леску. Окунишка оказался так себе, поменьше ладони. Тут у меня клюнуло. Я подсёк и тоже выдернул в лодку окунька. Он был, конечно, такой же, как у Витька, но мне показался куда больше. Вот и дядя Саша нашёл контакт, тащит сразу двух: у него снасть такая — с двумя поводками.

Да, о спиннинге каждый мальчишка мечтает, но пока что ловим мы на простые дергушки — удильник из можжевелевой ветки, а к нему леска с блесной на конце привязана — вот и вся снасть. Но когда окунь берёт, и на такую наловить можно немало.

Минут пятнадцать мы бойко таскаем окуня, но вот чайки разлетелись, ещё одна-две поклёвки и всё — стая ушла.

— Что ж, мужики, — говорит дядя Саша. — Не пора ли перекусить?

— Самое время, — поддержал отца Витёк.

Я достал свои два куска хлеба, один протянул Славке, а он мне дал варёное яйцо.

— Ты сколько поймал? — спросил он.

— Не считал. Десятка-то два, точно.

— И я, примерно, так. А ты, Витёк?

— То же самое, — ответил тот, уминая за обе щеки белый хлеб с сыром.

Между тем ветер, действительно, раздувался всё сильнее и сильнее. Волна уже довольно крепко раскачивала лодку, и мы заметили это, как только прекратился клев, но вслух не говорили.

С севера потянулись низкие рваные облака. Стало прохладно.

Дядя Саша огляделся, покачал головой и сказал:

— Нет, ребята, так дело не пойдёт. Будем поворачивать к дому.

Мы переглянулись.

— Ну, пап... — Витёк посмотрел на отца.

— Никаких ну. Поднимай якорь. У нашего берега посмотрим, может, там где чайка бьёт.

Это нас несколько утешило.

Витёк попытался поднять якорь, но у него ничего не вышло, видимо, как это нередко бывает, якорь затянуло илом, или он зацепился за корягу.

— Помоги ему, — сказал дядя Саша, склоняясь над мотором.

Я ухватился за верёвку рядом с Витьком. Лодка наклонилась, едва не зачерпнув бортом воды.

— Сядь к другому борту, — сквозь ветер крикнул дядя Саша Славке. — Уравновешивай.

Славка навалился на борт, и лодка выпрямилась. Вдвоём с Витьком мы осилили тяжесть, и якорь, весь в илу, был поднят в лодку.

Мотор завёлся, и лодка, ныряя с волны на волну, пошла к нашему берегу.

То, что было на водохранилище, нельзя назвать бурей в прямом смысле слова, но волнение было изрядное. Конечно, к вечеру разгуляется волна и на

лодке уже едва ли выйдешь. Так что мы успели – порыбачили всё-таки, а то, кто его знает, когда ещё удастся, осень – пора ветров.

Я сидел спиной к ветру и смотрел, как удаляется Зелёный Мыс, значит, приближается наш берег, скоро будем дома. Мне и в голову не могло прийти, что дома я буду ой, как не скоро. Дядя Саша так ставил лодку, чтобы волна не била в борт, а разрезалась носом. Нас плавно раскачивало, и лишь изредка лодка шлёпала днищем, когда попадала между волнами.

— Смотрите, катер! — крикнул Витёк, сидящий на лавке у носа.

Дядя Саша только кивнул головой – дескать, вижу, а мы со Славкой оглянулись. Действительно, от фарватера к нам двигался катер. Он был какой-то странный, я таких еще не видел: узкий, длинный, с тупым носом, на котором стояла какая-то конструкция, похожая на лебёдку, – то ли буксир, то ли толкач.

— Чего он, ослеп там, что ли, ёшкин нос! — ругался дядя Саша, пытаясь повернуть лодку чуть правее, но катер упрямо шёл на нас.

Вот между нами не больше ста метров. Наконец на катере заглушили двигатель. То же сделал и дядя Саша. Лодку несло прямо к судну, и мы уже могли рассмотреть его стальные борта. Тут я заметил стоящего возле рубки человека. Он был в тельняшке с засученными по локоть рукавами. Ветер развеивал его волосы, а лицо, обветренное и дочерна загорелое, мне показалось суровым. «Прямо, морской волк!» — подумал я и тут рассмотрел, что у матроса вместо одного глаза белеет бельмо. Славка толкнул меня в бок и шепнул:

— Смотри, пират да и только!

— Ну! — с восхищением ответил я.

Тем временем лодку прибило к борту катера, и Витёк придерживал ее в таком положении. Это было не просто, потому что волны швыряли оба судёнышка как игрушечные кораблики. Я, держась за борт, пошёл Витьку на помощь.

— Слышь, друг, выручай, — тусклым больным голосом сказал одноглазый матрос.

— Чего у тебя? — крикнул с кормы дядя Саша.

— Ногу я сломал, — ответил тот, и мы увидели, что он стоит, опираясь одной рукой на стенку рубки, а другой держится за борт. Левая нога матроса как бы висела, неестественно выгнувшись в колене.

— Ты что, один на катере? — спросил дядя Саша.

— Один, — сказал одноглазый, и мне показалось, что он застонал. — Пусти пацана на борт, он мне поможет довести посудину до причала.

— Как он тебе поможет? — дядя Саша вытащил сигарету и закурил. — Мои пацаны еще маловаты для этого.

— Я покажу, как управлять катером, дело не хитрое.

— Ну ты даёшь! — покачал головой дядя Саша, а мы с Витьком, не сговариваясь, полезли на катер.

— Куда?! — закричал дядя Саша, но было уже поздно. Лодку никто не держал, и её сразу отнесло от судна. Мы видели, как отец Витька встал и кричал нам что-то, но разобрать слова из-за ветра и шума волн было невозможно.

— Не бойтесь, пацаны, я не обижу, — сказал матрос. Видно было, что разговор даётся ему трудно.

— А мы и не боимся! — ответил Витёк.

— Вот и ладно.

— А вы — капитан? — спросил я.

Он посмотрел на меня единственным глазом и усмехнулся:

— Можно сказать и так. Капитан.

Волны качали катер не меньше, чем лодку. Да ещё захлёстывало водой всю палубу, а брызги летели аж до стекла рубки.

— А теперь, — сказал капитан, — возьмите меня под руки и помогите дотащиться до штурвала.

Мы подставили ему плечи, и он положил на них руки. Руки были мокрыми и испачканы кровью. Капитан оказался тяжёлым, несмотря на свою худобу, и мы с трудом довели его до рубки.

— Ну, вот, — тяжело дыша, сказал он, — сейчас заведём машину и я научу вас держать штурвал.

— А куда поедет? — спросил Витёк.

— В город, — кивнул головой одноглазый и включил двигатель.

Мы переглянулись. Город находился от нашего села в шести километрах. Это, если по прямой, деревнями, а по дороге так все двенадцать будет.

— Здорово!

— Давай-ка, вставай за штурвал, — обратился ко мне капитан.

Я мигом ухватился руками за рулевое колесо. Витёк сопел рядом.

— Вот так. Видишь мыс впереди? — капитан стоял у меня за спиной, держась за стенку. Правая рука его лежала рядом с моей на штурвале. От него пахло рекой, рыбой и табаком.

— Вижу, — ответил я ему.

— Туда и держи по фарватеру. Дальше я скажу, что делать. А ты, — обратился он к Витьку, — помоги мне прилечь вот здесь у стенки и дай из бушлата фляжку... Там, в грудном кармане...

Говорить ему становилось всё труднее. Я смотрел вперёд, стараясь не обращать внимания на его безжизненную ногу в окровавленной брючине, из которой, как мне показалось, торчит кость.

Витёк принёс капитану солдатскую фляжку в изодранном чехле грязно-зелёного цвета. Тот взял её и, отвинтив крышку, стал пить из горлышка, закинув голову и опираясь второй рукой в пол рубки.

— Вот так, — сказал он и протянул фляжку Витьку. — Закрой. Далеко не убирай, ещё пригодится.

Едва одноглазый успел договорить, как голова его упала на грудь, и мне показалось, что он потерял сознание.

— Ну, дела! — протянул Витёк, засовывая фляжку в карман куртки.

— Ничего. Как-нибудь справимся.

— Дай порулить? — Витёк ухватился за штурвал.

— Вообще-то капитан мне сказал стоять у руля.

— Да ладно. Он же не видит. А я немного порулю и тебе отдам.

Я уступил ему место.

— Держи на мыс.

— Знаю.

Наш бриг по-прежнему врезывался своим тупым носом в волны, и вода заливала палубу. Мы шли по фарватеру, слева качался на волнах белый бакен, справа виднелось наше село с белой церковью на крутом берегу.

— Эх, — крикнул Витёк, — жаль, нас никто из пацанов не видит!

— От зависти бы потрескались.

— А то! Потом расскажем.

— Не поверят ни за что!

— Да, пожалуй... Скажут, выдумали.

Я подошёл к капитану. Он лежал без движения, и единственный глаз его был закрыт.

— Слышь, Витёк, — сказал я, — а может, он того, помер?

— Скажешь тоже. Лучше пульс у него посмотри.

— Ага, умный какой, а если он — покойник?

— Ну и что? Моряки покойников не боятся.

Аргумент был убедительный. Я осторожно взял запястье капитана и убедился, что рука его тёплая. Под рукавом тельняшки от кисти до локтя синела татуировка — русалка с распущенными волосами, голой грудью и изогнутым, как у щуки, хвостом. Мне удалось нащупать пульс — он был сильным и частым.

— Живой! — с облегчением вздохнул я.

— Вот видишь. А ты заладил — покойник, покойник...

— Давай мне штурвал, хватит — порулил.

— Ладно, — неожиданно легко согласился Витёк. — Скоро город, надо будет капитана поднимать.

Но поднять его оказалось совсем не просто. Сначала он вообще не реагировал на зов Витька, а когда тот стал трясти его за плечо, открыл глаза и непонимающе посмотрел на нас мутным глазом.

— Вы — кто? — прохрипел он, пытаясь приподняться, но застонал и опять закрыл глаз.

— Капитан, просыпайся! — громко крикнул Витёк, наклонившись к нему. — Скоро берег!

— Дай фляжку, парень, — тихим голосом сказал капитан, и я увидел, как он стиснул зубы.

Глотнув из фляжки, одноглазый матрос посмотрел на меня:

— Мыс далеко?

— Нет, — ответил я. — Сейчас поравняемся.

— Так. Тут будет малость посложней. Пройдёшь мыс, поверни штурвал влево, там залив. Не бойся, держи посередине, чуть-чуть левее и иди за пристань, где торчит кран. Там увидишь. Понял?

— Понял.

— А ты, — обратился капитан к Витьку, — как зайдём в залив, и будет тихо, выходи на палубу и готовь чалку.

— Есть! — Витёк вскинул ладонь к фуражке.

Всё получилось так, как говорил капитан, мы успешно прошли залив и приближались к крану.

— Далеко до берега? — голос капитана стал опять тихим.

— Метров двести.

Он попытался встать, но едва шевельнулся и застонал.

— Слушай меня. Нажми вон ту кнопку и опусти вниз рубильник.

Я сделал, как он велел, и мотор заглох. Через пару минут мы ткнулись носом в бревенчатую стенку полуразрушенного дебаркадера. На берегу стояли два мужика, которые и приняли чалку у Витька.

Когда я, покачиваясь, вышел из рубки, один из них в морской фуражке без кокарды удивленно спросил:

— Вы откуда, пацаны?

— Там у нас... — я махнул рукой, — там у нас раненый... Ногу сломал... Капитан...

Оба мужика, не говоря ни слова, полезли на борт, а мы с Витьком спрыгнули на землю и повалились в траву.

Конечно, мужикам было не до нас. Они вытащили опять потерявшего сознание капитана на берег, уложили его на кусок брезента и понесли в сторону причала.

— А как же мы? — крикнул им вслед Витёк, но мужики даже не оглянулись.

— Ну? Что будем делать? — спросил он меня. Но откуда мне было знать, я и сам мог бы у него спросить, что делать?

Посоветовавшись, мы решили идти пешком по Большой дороге. Так путь хотя и был дольше, зато не заблудишься в лабиринте просёлочных дорог и полевых тропинок, ведущих от деревни к деревне. Да ещё оставалась надежда, что на большаке нас подхватит какая-нибудь попутка.

Только никакая попутка нас не подхватила. Машины пролетали мимо, да и понятно: зачем было останавливаться из-за двух бредущих по пыльной обочине пацанов? Такие пассажиры никому не выгодны.

— Часа за три дойдём, как думаешь? — сказал Витёк, когда мы протопали уже не меньше трети дороги.

— Точно дойдём, — ответил я, — как пить дать.

— Кстати, ты пить хочешь?

— Хорошо бы.

Мы напились холодной воды из колодца в ближайшей деревне. Колодезный журавль был тяжёлым, не как у нас в деревне, где жила моя бабушка. И бадья — огромная, осклизлая, — мы её еле подняли вдвоём. Зато вода была — первый сорт, вкусная и холодная, аж зубы ломит. Мы ещё и умылись ей на всякий случай, чтобы усталость прошла. Но она прошла ненадолго, всё же сказывался этот нелёгкий для нас денёк.

— Хорошо бы ещё и поесть, — сказал я.

— Не знаю, — Витёк задумчиво покачал головой. — Есть-то, конечно, охота, но если поешь, так вообще до дому не дойдёшь.

— Пожалуй. А тебе чего хотелось бы?

Витёк ответил не сразу. Он, наверно, представлял, как сядет за стол, а на столе...

— Щей горячих, вот чего я хочу, — сказал он уверенно. - А ты?

— А я малосольный огурец с чёрным хлебом.

Запах и вкус малосольного огурца был настолько явным, что я сглотнул слюну.

— Вот придём домой, — начал Витёк и не договорил. Из-за поворота на встречу нам вывернула машина нашего председателя, мы её прекрасно знали — жёлто-зелёный УАЗик. Не доезжая до нас, машина остановилась, из неё вышли дядя Саша, моя мать и сам председатель Валентин Петрович.

— Ну и влетит нам сейчас, — сказал Витёк, останавливаясь.

— Да уж...

Но не влетело. Мать расплакалась, а дядя Саша молча взял Витьку за плечо и повёл к машине. Только Валентин Петрович проговорил с укором:

Ч— то же это вы, гвардейцы, родителей-то как напугали?

Ни я, ни Витёк не сказали ни слова.

Дома я рассказал матери, как всё было. Она слушала молча, сидя напротив меня и подперев ладонями подбородок.

— Понимаешь, мам, — говорил я, жуя жареную картошку с малосольным огурцом, — понимаешь, у него нога была сломана вот так, — я показал, как у капитана была сломана нога, — а вместо глаза — бельмо. Он вообще на пирата был похож... А волны, знаешь, волны так прямо и захлёстывали палубу...

— Ты ешь-ешь, не говори, пока не прожужьешь, — наконец улыбнулась она.

— Если бы не мы с Витьком, кто бы ему помог? Понимаешь? Тут раздумывать некогда... А капитан бы погиб, наверно...

— Ну, слава Богу, все хорошо закончилось, — сказала мать и погладила меня по голове. — Я испереживалась, конечно, но, знаешь, сынок, поступай всегда так.

— Как?

— Как сердце подскажет. Это порой тяжело, но зато — по совести. А сейчас ложись, отдыхай, умучился ведь, дурачок...

В эту ночь мне не снились ни флибустьерское синее море, ни пятнадцатилетний капитан Дик Сенд. Во сне подо мной качалась палуба, и её заливали злые, холодные волны в клочьях белой пены, а за спиной я слышал хриплый голос одноглазого капитана:

— Право руля, парень. Так держать!

Да, я и забыл сказать про свое желание, ну, то, что я загадал ночью, когда падала звезда. Я загадал тогда, чтобы поймать много крупного окуня. Не вышло. Вот и верь после этого в приметы!

За окунями

Как-то в начале апреля мы собрались на Валки за окунями. Это Витёк нас сагитировал: всю неделю в школе соловьём заливался, какие на Валках ловятся окуни.

— Во горбачи! — говорил он, тараща глаза и разводя ладони так, что между ними запросто уместилась бы книга Гоголя, которая стоит у нас дома на этажерке. Огромная такая книга, тяжеленная, среди других книжек, как великан. Таких окуней, пожалуй, и не бывает совсем.

— Под нашим берегом окунь, какой? — убеждал нас Витёк. — Песочный — бледный по цвету и продолговатый. А там — тёмно-зелёный, горбатый. Здоровенный! Я сам видел... А как клюёт!

Ну, мы и клюнули. Никому из взрослых не сказали, конечно, а то кто бы нас отпустил на Валки, да ещё в апреле, когда лёд уже слабый: бур посильнее воткнёшь — провалился. Ну, это так говорят только, на самом-то деле он ещё достаточно крепкий, чтобы человека выдержать. Особенно наш бараний вес.

Целую неделю готовились: крючки на мормышках заточили, леску поменяли, мотылём свежим обзавелись. Мотыль в зимней рыбалке вещь главная, это всякий знает. Вот только, где его взять? Как-то раз мы с Пашкой Рыжим ходили по прудам мыть мотыля. Целый день провозились, домой вернулись мокрые и грязные с ног до головы, а намыли — кот наплакал. Но, как говорит отец Витька, Саня Найдин, — голь на выдумки хитра. Был у нас верный способ добывания

мотыля, причём мотыля хорошего, не размазну какую-нибудь. Едва ли кто из взрослых такого имел, — отцы и те у нас, бывало, разживались.

Вот что это за способ. На выходные дни к нам в посёлок наезжало множество автобусов с рыбаками из города. Они-то нас и выручали. Утром, бодрые и полные надежд, отправлялись они на лёд. Тут к ним никто не подходил, ждали. Ближе к вечеру, когда рыбаки тянулись с Волги — в плащах с обледеневшими полами, с тяжёлыми ящиками, усталые, пропахшие рыбой, с обгоревшими на солнце и волжском ветру лицами, навстречу им, откуда ни возмись, высыпала стая мальчишек. «Дяденька, дай мотыля!» И давали. Что им, жалко, что ли! Не везти же назад в город, вот и отсыпаят нам в спичечные коробки красных, жирных, живучих мотылей. Некоторые, правда, что пожаднее, отвечали: «Купи!» на этот случай у нас припасены полтинники, на школьных завтраках сэкономленные. Так или иначе, а мотылём мы запасались основательно.

В общем, подготовились мы к походу на Валки, дома сказали, что будем рыбачить под берегом и пошли: я, Витёк, Славка и Пашка Рыжий — у каждого ящик и один бур на четверых. Путь предстоял не близкий.

С утра подморозило, и снег весело повизгивал под ногами. Солнце только взошло, ещё не яркое, оно зависло над синей лентой заволжского берега. Туда нам и нужно было шагать.

Валки — так называлась когда-то деревня, попавшая под затопление. Теперь от неё не осталось и следа, но место, где она стояла, рыбаки заприметили — и зимой, и летом там рыба водилась — да так и звали — Валки.

Мы шли гуськом по тропинке, протоптанной в рыхлом снегу. Впереди маячили фигуры нескольких рыбаков, которые тоже, видимо, держали путь на Валки. За ними следом мы и решили двигаться.

— Топай на солнышко и придёшь! — сказал Витёк.

— Да, топать-то нам будь здоров, — ответил ему Пашка Рыжий. — Валки во-он где, — и он показал рукой на чёрные точки, рассыпанные по белой поверхности льда. — Вишь, рыбаки скучились, там и есть Валки.

— Зато — рыбалка!

По пути мы говорили про большие уловы, про заветные места, где клевало, не переставая, и всё крупняк, про разные случаи, происходившие на реке с рыбаками.

— В прошлом году, — рассказывал, поминутно оглядываясь, Витёк, — тоже на Валках сидели мужики, а тут ледокол возьми да и пройди по фарватеру. Ну их и отрезало, кинулись — туда-сюда, а обратно хода нету.

— И что? — спросил Пашка.

— До плотины по той стороне топали, а там на автобусе.

— Иди ты! — не поверил Славка.

— Точно говорю. Вот не верит! Я сам слыхал, в бане мужики рассказывали.

— Там расскажут, только слушай!

— А чё, — поддержал Витька Пашка, — запросто может быть.

Я молчал, потому что шёл последним и нёс бур. Скоро мне надоело перекладывать его с плеча на плечо, не такой уж он лёгкий, как поначалу кажется.

— Славка, — позвал я, — нельзя, что ли к буру ремень привязать, или верёвку какую-нибудь?

Бур был Славкиного отца, и Славка всегда брал его на рыбалку, потому что отец недавно купил новый, шнековый.

— А зачем? — отозвался Славка.

— Зачем – зачем! А затем, что сейчас тащили бы бур за верёвку по снегу, а не в руках.

— А-а.

— Вот тебе и «а». На, держи, твоя очередь нести!

Славка взял у меня бур, и мне стало посвободней. Я оглянулся. Наш берег оставался позади; повсюду, насколько брал глаз, лежала снежная равнина, частью белая, покрытая крупными застругами, частью – где лёд подтаял – в синих заплатах промоин. Скоро пройдёт ледакол и тогда – прощай, рыбалка!

Меня всегда удивляло, как такая громадина – наше водохранилище – замерзает. Иной осенью так буквально за одну ночь реку льдом скуёт. Совсем здорово получается, когда в это время стоит ясная, без ветра и снега, погода. Тогда вся чаша

водохранилища покрывается ровной, гладкой коркой, точно зеркало лежит многокилометровое. Каток, какой многим и не снился! Ну, мы ждём, конечно, пока лёд окрепнет, а потом на коньки и... кати себе хоть двадцать километров – ни выбоинки, ни трещинки, ни морщинки малой. Лёд тёмный-тёмный, почти чёрный, на нём какие хочешь вензеля коньками можно выписывать, только пыльца белая летит. Убежишь подальше от берега, ляжешь на лёд вниз лицом и смотришь, смотришь, как сквозь стекло в таинственное подводное царство. Рыб, правда, не видать, только завораживающая глубина, темень, пронизанная какими-то переплетениями, прожилками, застывшими пузырьками воздуха. Так бы и глядел без конца, не отрываясь. Потом прилетали из-за Волги ветра и ледяное зеркало заметало снегом...

— Тебя как отпустили? — шёпотом спросил Славка.

— С трудом, — ответил я. — К Пасхе готовятся дома-то. — Бабушка ночью в церковь ушла.

— У меня тоже. С вечера яйца красили.

— Ничего, мы ведь недолго.

На Валки пришли примерно через час. Там уже сидели рыбаки – десятка полтора. Мы потоптались возле одного — другого, перемигнулись, мол, клёв есть и стали бурить свои лунки. Вообще-то новых лунок мы не бурили, хлопотное это дело, да и зачем, когда старых кругом хоть отбавляй: они только чуть-чуть ледком затянуты, крутанёшь буром пару раз и готово – запускай удочку.

Я вычистил лунку от снежного крошева, уселся на ящик, слева положил на лёд пенал с мотылями, завёрнутыми в мягкую тряпочку, смоченную чаевой заваркой и достал удочку. Надо было решить, какую привязать мормышку. У меня всяких полно: и «капелька», и «дробинка», и «жучки» разные – треугольные, круглые, продолговатые, с чёрненькой головкой – жёлтые, красные, серебристые – на любой вкус. Я выбрал «дробинку» – верное дело.

Глубина на Валках, надо сказать, приличная – метров пять, а то и побольше будет. Под нашим берегом куда мельче.

Достав мормышкой до дна, я убавил спуск, сделал натяг на кивок, положил удочку на край лунки и огляделся. Пацаны все сидели, ссутулившись над своими лунками. Только Витёк

бурил на новом месте, чем-то ему старая лунка не поглянулась. Ну, он всегда такой – неуёмный, весь в отца, Саню Найдина.

Тем временем Пашка вытащил уже первого окуня, оглянулся ко мне и сказал, сверкая зубами:

— Знай наших!

— С почином, — ответил я.

Так у нас все мужики говорят тому, кто поймал первую рыбину.

— А я что говорил! — крикнул Витёк, всё ещё возившийся с буром. — Горбач, наверно?

— Да нет...

Тут подсёк Славка, но безуспешно.

— Ушёл! — огорчённо сказал он.

Больше наблюдать я не мог. Схватив удочку, я стал медленно поднимать её кверху, чуть покачивая кивок. Ключуло как всегда неожиданно — словно ток по руке прошёл. Я подсёк — тут!

Эх, зимняя рыбалка! Чудо что такое! Хоть, сказать правду, и в любое время года рыбалка хороша, но зимой — на особицу. Не в лютые, конечно, морозы, нет, не в глухозимье, а так это ближе к весне — в марте, в начале апреля, по последнему льду. Солнце уже тёплое, пока сидишь, бывало, на льду, лицо и руки загорят крепче, чем летом на пляже. А кругом тишина, снег на ледяных торосах так искры и рассыпает, аж синие да золотые... А клёв? Дёрнется кивок, и вместе с ним упадёт сердце, так, что в груди холодно сделается. И подумать-то не успеешь, а уже подсёк, тащишь, — в руке толчки упругие, живые — ага, зацепил голубушку! Давай-давай, не противься! А сердце так и прыгает, будто хочет через горло выскочить. То-то радости!..

Окунишка вылетел из лунки и заплясал на льду, изгибаясь и подпрыгивая. Мелюзга, граммов на сто, не больше. Такие и под нашим берегом ловятся. Этот, может, только цветом потемнее. До горбача ему бы ещё расти и расти. Но дело не в том, всё равно это был окунь, пойманный на Валках.

Клевало резво. И что хорошо — почти без срывов. Окунь, не теребя мотыля, глотал его с жадностью — оголодал, видно, к весне. Вытащить у него из глотки мормышку многих трудов стоило: приходится иногда, зажав в пальцах леску, ударять рыбу о край ящика, а в особо безнадёжных случаях, кидать её со всего маху на лёд. Тогда, с горем пополам, удаётся достать

мормышку, порой, правда, с частью окунёвых внутренностей. Ну, что поделаешь — так окунь расплачивается за свою жадность. Жалости в такой момент не бывает, есть азарт: быстрее снять окуня с крючка, сунуть в ящик и опять запустить удочку в лунку, а то уйдёт стайка — жди потом, дожидайся!

— Ты на какую ловишь? — раздался за спиной Славкин голос. Я и не заметил, когда он подошёл.

— На «дробинку», — ответил я. От Славки у меня секретов не было.

— А-а...

— А ты?

— На жёлтую.

— Ну и как?

— Была пара поклёвок, а потом как отрубил.

Я выхватил из лунки ещё одного окуня.

— Так привяжи «дробинку».

— Нету у меня, — голос у Славки был скучным, будто он лекарство выпил.

— Отец, понимаешь, забрал. Сам, говорит, пойду. А у меня и была-то всего одна «дробинка»...

Я протянул Славке кусок поролона, в котором были наколоты мормышки. Их так удобно хранить: не теряются и каждая на виду — какую захотел, такую и отцепил запросто.

Славка взял мормышку и побежал к своей лунке.

Сейчас обурят, подумал я. Тут уж так: заметят, кто на стайку напал, не успеешь глазом моргнуть, как под ящиком лунку сделают. Но клевало, значит, неплохо у всех, потому что никто со своего места не вставал.

Солнце стояло уже высоко. Припекло так, что многие рыбаки снимали плащи, расстегнули ватники. Я сдвинул шапку на затылок, подставив лицо горячим лучам. На синем небе ни облачка — такое высокое, бездонное было это небо, что голова шла кругом, если долго глядеть. Но глядеть-то как раз особенно некогда. Кивок на моей удочке резко дёрнулся вверх, а потом как-то медленно опустился, и я почувствовал в руке большую живую тяжесть, не успев даже подсечь. Будто гирию подвесили там, внизу. Леска зазвенела, как натянутая струна.

«Оборвёт! Оборвёт, паразит!» — крутилось в голове, а руки наперехват выбирали леску, не давая слабины. Это был окунь! Окунище, а не окунь — настоящий горбач, полкило, не меньше, а может, и больше. Я вытащил его на лёд, и он стал прыгать возле лунки, ударяя по ледяному крошеву сильным широким хвостом, а я всё хватал его непослушными пальцами и никак не мог ухватить. Наконец, мне удалось прижать его ко льду. Рыбина заглотила мормышку так глубоко, что достать её было невозможно, сколько я ни бросал окуня на лёд. Пришлось обрывать леску.

Привязав дрожащими пальцами новую мормышку, на этот раз «капельку» — «дробинки» больше не оказалось — я насадил мотыля и скорее запустил удочку в лунку: а вдруг там стая таких вот красавцев? Но поклёвки не было. Я положил удочку и занялся пойманным окунем. В прорезь моего самодельного ящика он не входил. Что делать? И на льду его оставить нельзя — обурят в момент.

— Славка! — позвал я негромко. — Славка, иди-ка сюда.

Когда Славка подошёл и увидел окуня, у него глаза на лоб полезли. Ещё бы! Я и сам такого горбача первый раз в руках держал.

— Ну, крокодил! — восхищённо выдохнул Славка.

— Ничего, окунёк, порядочный, — сказал я, будто всю жизнь только и делал, что ловил таких окуней.

— Окунь – за всю мазуту! А горб-то!

— Славк, положи его в свой ящик, а? В мой не убирается. Я у тебя потом его заберу.

— Ладно, — ответил Славка и, взяв окуня, поспешил к своей лунке, тоже, наверно, хотел такого поймать. Мне даже как-то жалко его стало и захотелось, чтобы и у Славки горбач клюнул. Ну, может, чуть-чуть поменьше только.

Но второго такого сегодня поймать никому из нас не удалось. Попадалась всё больше мелочь да середнячок, а крупняк – как обрезало. В общем и целом каждый из нас четверых наловил килограмма четыре. Это считалось хорошим уловом, а для пацанов так и вовсе редкостью. Больше всех натаскал, как всегда, Пашка Рыжий, но зато мой окунь был вне конкуренции.

Часа через полтора, когда солнце уже перевалило за полдень, и клевать совсем перестало, мы собрались домой.

— Осторожно пойдём, — сказал Пашка. — Лёд сейчас и сверху и снизу точит.

— Говорят, лучше по старым следам идти, — заметил Витёк. — Они, будто, прочнее.

Славка хмыкнул.

— Ага, встанешь в старый след и айда под лёд!

— Да ну! Старый крепче, он утрамбовался уже и подмёрз, я сам слышал, в бане мужики говорили.

— Всё-то ты в бане слышишь!

— Так, конечно, там только про рыбалку и разговоров.

Назад шли так: Пашка Рыжий, за ним Славка, потом я, а позади Витёк, которому выпало первому нести бур.

Обратная дорога, известно, всегда труднее. Ящики тяжёлые, солнце печёт, есть охота, аж под ложечкой поёт, а берег, как нарочно, будто и не приближается.

Так мы протопали уже больше половины пути, когда Славка угодил в полынью. Сделал всего пару шагов в сторону и тут же провалился. Он медленно погружался в ледяное крошево, как-то особенно медленно.

— Славка! — я схватил его за плечи и потянул на себя.

Он оглянулся, и я увидел в его глазах страх.

— Чего вы там? — спросил за спиной Витек.

— Не подходи. Славка провалился!

Я уронил Славку спиной на тропу, и он перестал погружаться, лежал — половина на льду, другая — в полынье.

— Тяни его на себя потихоньку, — почему-то шёпотом сказал Пашка.

— Тяну.

А Славка молчал. Я тянул его за пальто изо всех сил. Он был тяжёлый, очень тяжёлый, но всё-таки понемногу подавался ко мне.

— Ты, Славка, лежи, — говорил я ему, задыхаясь, — лежи, Славка, и не дёргайся. Не дёргайся, главное, ладно?

— Ладно, — ответил Славка.

Сзади пыхтел Витек.

— Дай помогу.

Но мои пальцы так крепко вцепились в Славкино пальто, что я не смог бы их разжать, даже если бы захотел, и всё тянул и тянул его на себя, сидя на льду.

Я вытащил Славку на тропу, он встал на четвереньки и пополз вперёд, а я ещё какое-то время сидел и никак не мог опомниться. Мне всё слышался сухой шелест льда в полынье, куда затягивало Славку.

— Вставай, пошли! — сказал Витёк, тормоша меня за плечо.

Мы отошли от полыньи подальше и остановились.

— Вот так да! — вздыхал Славка, выливая из сапога воду. — А я и испугаться-то не успел.

— Ничего, — сказал я ему, — еще успеешь.

— Я говорил, по следам идти надо, — сказал Витёк.

— Иди ты по своим следам!

— А чего ты, Славка, в сторону полез? Не полез бы...

— Да ладно тебе! — оборвал спор Пашка Рыжий. — Замёрзнешь, Славка?

— Не, не холодно.

— Это пока не холодно. Сейчас прихватит на тебе одежду. Надо скорее идти.

— Ну, пойдём.

Я взял у Витька бур, и мы пошли, осторожно ставя ноги в старые заледевшие следы на тропе. И вдруг, когда до берега оставалось сотни полторы шагов, над водохранилищем раздался колокольный звон. Мы от неожиданности остановились. Звон наплывал с берега, весёлый и светлый: дон-дон-дон, ди-би-дон-дон-дон...

— Ёлки-палки, пацаны, так ведь Пасха сегодня! — воскликнул Пашка.

— Точно, — отозвался Витёк, — а я и забыл.

— Здорово!

Мы стояли на льду, усталые, голодные, и слушали весёлый перезвон колоколов. Я знал, что это старается старик Багров — он у нас всегда в колокола звонит, больше никто так не умеет. Церквушка в нашем посёлке маленькая, возле входа, по левую руку, два столба с перекладиной, а на ней штук семь колоколов — мал мала меньше — большой-то колокол с разрушенного храма на пожарную каланчу подняли, он там и молчит уже лет восемь.

Дон-дон, диби-дон-дон-дон... Я представил, как высокий, худой и сутулый старик Багров орудует верёвками, привязанными к языкам колоколов. Сам смеётся, любит он в колокола звонить. А они всё выговаривают: дон-дон...

— Во наявивает! — восхищённо сказал Славка.

— Умелец! — откликнулся Пашка Рыжий.

— Звонкие, однако, колокола. Далеко как слышать.

— По всей Волге, пожалуй.

— Ну, не по всей уж!

— А чё, до самой плотины, небось, раздаётся, точно...

Я смотрел на берег. На фоне густо-синего неба дома нашего посёлка вырисовывались особенно чётко. Каждый дом виден. И деревья возле домов, голые. И крутой обрыв, под которым летом стоит пристань. И даже фигурки людей около церкви на самом берегу. Всё это было, как будто пропитано яркой синевой и солнцем, по-весеннему горячим, ласковым и праздничным.

Христос воскрес!

Ранняя Пасха в нынешнем году. Колокола поют... Солнце рассыпалось по ледяной пустыне водохранилища на миллионы искр – глаза слепит. А надо всем этим, сверкающим сочными цветами миром, плыл-переливался колокольный звон. Он щипал сердце, и оно замирало в груди.

Христос воскрес!

Я смотрел на дома нашего посёлка и не знал ещё тогда, что именно таким, в искрящемся на солнце снегу, будет он сниться мне в будущей взрослой жизни, которая уведёт меня далеко от родных мест.

А звон всё не кончался, он плыл над Волгой, поднимаясь высоко в небо. Он не кончится никогда, этот звон. Он и сейчас звучит – и его слышит моё сердце – там, в светлом измерении, измерении добра и надежды, познания мира и Родины, в измерении, которое зовётся детством. Это – миг, застывший во времени навсегда.

